

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ—1974

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я
ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ**

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Ф. С. САФИУЛЛИНА

ЯВЛЕНИЕ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из наиболее характерных особенностей синтаксиса современного татарского языка и прежде всего языка татарской художественной литературы следует считать явление парцелляции, возникающее в связи с несоответствием, несовпадением единиц языка и речи. Как известно, языковеды под термином «парцелляция» (< фр. *parceller* 'делить на мелкие части') понимают «реализацию единой формально-структурной синтаксической единицы языка — предложения — не в одной, а в нескольких коммуникативных единицах речи — фразах»¹, «расчленение синтаксически связанного текста на интонационно-обособленные отрезки, отделяемые знаком точки»². Под «парцелляцией» понимают также и «сепаратизацию», и присоединение членов предложения³.

Несмотря на то что парцелляция широко распространена в языке современной татарской художественной литературы и публицистики, этому явлению в тюркских языках посвящено весьма небольшое число работ⁴.

Как уже отмечалось, одним из проявлений парцелляции можно считать присоединение. Будучи неотъемлемой частью синтаксиса живой разговорной речи, присоединительные конструкции лишены эмоционально-экспрессивных оттенков. Лишь будучи включенными в ткань художественного произведения, они играют роль стилистического средства, превращаясь из факта речи в факт языка.

Присоединение слов и предложений нельзя считать отличительной чертой лишь диалектов языка, как это иногда утверждается в диалектологических исследованиях⁵. Материалы как различных говоров и диа-

¹ Ю. В. Ванников. Явление парцелляции в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1965, стр. 1.

² «Русский язык и советское общество (морфология и синтаксис современного русского литературного языка)», кн. 3. М., 1968, стр. 280.

³ А. А. Андриевская. Явление «сепаратизации» в стилистическом синтаксисе современной французской художественной прозы. — «Филологические науки», 1969, № 3, стр. 77.

⁴ См.: Н. П. Петров. Бессоюзное присоединение (из наблюдений над синтаксисом художественных произведений С. Ф. Фомина). — «Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР», XXI, 1962; Ф. С. Сафиуллина. Татар әдәби телендә өсгәлмә конструкциялар. — «Татар тел белеме мәсьәләләре», IV. Казан, 1972.

⁵ Ә. Әфләтунов. БАССРның көнбатыш һәм көньяк-көнбатыш өлешендә яшәүче татарларның тел үзенчәлекләре. Канд. дисс. Казань, 1960, стр. 230—232; Д. Г. Тумашева. Татарские диалекты Западной Сибири (Тюмень). Канд. дисс. М., 1952, стр. 157—158 и т. д.

лектов, так и литературной речи показывают полную идентичность структурно-грамматического и интонационного оформления присоединительных конструкций: Кузҗа әҗбер салалар | к'үлмәк'ме | јаулыкту ||⁶ 'Девушке дарят подарки | платье ли | платок ли |'; At 'ušalar | Sneguročka ||⁷ 'Дают имя | Снегурочка ||'; Perәpәng әвәле palasy pulmaҗan | бер җартыныҗ ||⁸ 'У одного раньше не было ребенка | у одного старика ||'; Elgäre baškoda k'ilä | at җik'terep ||⁹ 'Сначала едет главный сват | на конях (досл. запрягши коней) ||'; Cәҗ јасаp bir әле | катырак итеp || (разг.) 'Налей-ка чаю | покрепче ||'; Anda bik' җаварлы курс бар бит безпәng | лексиколоҗија курсы || (разг.) 'Там у нас есть очень ответственный курс | курс лексикологии ||'.

Сущность присоединения, определение которому впервые дал В. В. Виноградов¹⁰, сводится к следующему: к уже сформированному предложению присоединяются отдельные слова, словосочетания, предложения, лежащие на разных смысловых и грамматических уровнях. Присоединяемая часть дополняет, конкретизирует, разъясняет основное, базисное предложение, находясь в смысловом и грамматическом отношении в зависимости от него. Она выделяется и своим своеобразным интонационным рисунком.

Возможности парцеллирования отдельных членов предложения различны. В этом отношении значительный интерес представляют исследования Ю. В. Ванникова¹¹, который считает, что структура предложения разворачивается в двух направлениях: по интенционалу (по линии развития) и экстенционалу (по линии расширения). Сочинение (то есть однородность), будучи расширением предложения, противопоставляется его развитию. Количество экстенциональных членов не ограничивается. Интенционал структуры предложения представляет собой замкнутый синтаксический ряд, при этом число интенциональных членов ограничено. Исходя из этого, Ю. В. Ванников делает вполне обоснованный вывод о том, что парцелляции чаще всего подвергаются структурно менее связанные экстенциональные элементы, к которым относятся однородные и обособленные члены. Члены интенциональной структуры предложения, то есть главные члены, дополнения, за исключением обстоятельств, в гораздо меньшей степени подвержены речевой парцелляции¹².

Некоторые письменные памятники татарского языка сохранили эту специфическую речевую особенность: Ber k'öp хатун k'älde xälvätta | Zöhrä atliҗ || 'Однажды пришла в безлюдное место женщина | по имени Зухра ||'; Ber k'öp бер k'im irsä пәхаска k'erde | kol алмак өсеп || 'Однажды некто зашел на рынок рабов | чтобы купить раба ||' («Нахдж-уль-Фарadis»); Vә дәxi ul dinggezдә һакалар вардыҗ | јег'erme катыš бијек'leg'e || 'И еще в этом море есть лягушки | величиной в двадцать лок-

⁶ Л. Ш. Арсланов. Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР. Канд. дисс. Казань, 1965, стр. 258.

⁷ Л. Т. Махмутова. Особенности Касимовского говора татарского языка. Канд. дисс. Л., 1952, стр. 170.

⁸ Д. Г. Тумашева. Указ. дисс., стр. 272.

⁹ Ә. Әфләтунов. Указ. дисс., стр. 223.

¹⁰ В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы». — В сб.: «Временник Пушкинской комиссии», 2. Изд. АН СССР, Л., 1936, стр. 140; Л. Г. Хатиашвили. Присоединительные связи в русском языке. Тбилиси, 1963; М. В. Карпенко. Присоединительные конструкции в современном русском языке. Черновцы, 1961; М. Е. Шафиро. Присоединение как явление речевого синтаксиса. Автореф. канд. дисс. Саратов, 1965 и т. д.

¹¹ Ю. В. Ванников. Явление парцелляции в современном русском языке; его эгг. Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции). М., 1969.

¹² Ю. В. Ванников. Явление парцелляции в современном русском языке, стр. 38.

тей ||'; Vă anda ber törlə balyk vardyr. Östendä tök'läre vardyr | ak mamuk k'ebi || 'И там есть одна рыба. На ней волссинки | как белая вата ||' («Таварихы Болгария») ¹³.

Если до начала XX века парцелляция в языке татарской художественной литературы применялась лишь изредка, то в настоящее время она стала ее наиболее характерной синтаксической особенностью, встречаясь не только в речи персонажей, но и в авторской речи.

В современном татарском языке можно наблюдать парцелляцию всех членов предложения; при этом в парцеллируемой части обычно наблюдается обратный порядок членов.

Парцеллируют подлежащие, чаще всего однородные:

Мону Тази да тойдь. At işe dä (А. Алиш) 'Это почувствовал и Таджи. И отец'; Et tä balasyn taşlamuj, pesi dä, büge dä (Н. Фаттах) 'И собака не бросает своего детеныша, и кошка, и волк'.

Парцелляция сказуемых чаще всего связана с обязательным наличием однородности: K'eşk'enä-k'eşk'enä k'itaplarny da bik' östän g'enä kağar ütte. Aktarup tormady (Г. Ибрагимов) 'И маленькие книжки просмотрел невнимательно. Не стал листать'; K'üper töbe Äxmi malaju «Äripä»g'a tyurğdata! Äjtterä genä (Ф. Хусни) 'Сын Ахми, живущего около моста, пляшет «Апипа». Ну и дает!'; Minga kalsa, ber-berebezne ang lyjbyz şik'elle. Jaratabyz da (Г. Насрый) 'Что касается меня, то мы, кажется, понимаем друг друга. И любим'.

Как видно из примеров, парцелляции подвергаются сказуемые, лексически разные, большей частью в одной и той же форме; такие сказуемые часто несут функцию детализации, уточнения, добавления, конкретизации основного сказуемого. Звено подлежащее—сказуемое, составляющее структурный каркас предложения, парцелляции подвергается значительно реже. Высказывание, построенное с речевым разрывом предикативных отношений, татарской речи, так же как и русской, не свойственно ¹⁴.

Парцеллирование дополнений наблюдается довольно редко: Öjg'ä k'erg'äc, cunlar žurlyjbyz äle, jäme. Janga avul k'öjlägen (Г. Абсалямов) 'Зайдя домой, споем еще на самом деле, ладно. Новые деревенские песни'; Alar jugarydan k'übräk' k'ügälär, k'übräk' belälär, kurkунуcун da, k'iläcäk' maturlukny da (А. Баянов) 'Они с высоты больше видят, больше знают, и опасность, и прекрасное будущее'.

Наиболее часто встречается парцелляция структурного звена сказуемое—обстоятельство. Здесь представлены все ее функциональные разновидности без ограничения: Albättä, žäjäu jöri. Kuşun da, žäjep dä ... (И. Гази) 'Конечно, ходит пешком. И зимой, и летом'; K'içä ul Kazan belän saubullaşur k'ilde. Jxtimal, mäng-g'eg'ä (М. Магдеев) 'Вчера она приехала, распрощавшись с Казанью. Возможно, навсегда'; Bar äle, kolhoz idaräsenä k'erep, at sora. Kuştiräk'k'ä bağurğa (Н. Фаттах) 'Иди-ка, зайди в правление колхоза, попроси лошадь. Ехать в Куштиряк'; Bezg'ä xirug k'iräk'... Tiz, bik' tiz... (Г. Мухаметшин) 'Нам нужен хирург... Быстро, очень быстро...'.

Широко представлена в татарском языке парцелляция уточняющих членов, главным образом со словами big'räk'tä, hättä, ajuğça и т. д.

¹³ «Борынгы татар әдәбияты». Казан, 1963, стр. 240, 243, 258, 259.

¹⁴ Ю. В. Винников. Синтаксические особенности русской речи..., стр. 113.

Здесь уточняющие члены непременно следуют за уточняемыми, причем не только возможна, но и обычна их отдаленность от уточняемых слов, в связи с чем конец высказывания приобретает больший смысловой вес: *Varençe kağaуа ... mäsk'lärneng kajberse kory šajarudan ... uzmujsyman k'üreneг'ä mömk'in. Ajuгиça kijәulär turundaуулары* (Г. Баширов) 'На первый взгляд кажется, что анекдоты представляют собой лишь бесхитростные шутки. Особенно те, где говорится о зятях'; *Varyber anung abyjsy Räjsäne jaratmaska tiješ. Anung iše äläk'čene* (Р. Тухватуллин) 'Все равно его брат не должен любить Райсу. Такую ябеду'; *Varysy da šat, k'ölač. Big'räk'tä Solomon Moisejevič* (Н. Фаттах) 'Все рады, улыбаются. Особенно Соломон Моисеевич'; *Xäser varysy da ачык. Хәтта k'igag'ennän artuk* (Г. Ахунов) 'Теперь все ясно. Даже больше, чем нужно'.

Как известно, определение в тюркских языках всегда стоит перед определяемым словом, что затрудняет его парцелляцию. Инверсия определений, практикуемая в поэзии и объясняемая требованиями ритмики, благозвучия, рифмовки, системой ударения и т. д., не характерна для прозы. Здесь обычно используется прием вынесения определения в парцеллируемую часть. При этом определяемое слово, как правило, повторяется. Таким образом, определение актуализируется и приобретает в высказывании большую смысловую нагрузку: *Mäsk'äu kalasynda ber tau bar. Lenin tauу* (Г. Минский) 'В городе Москве есть горы. Ленинские горы'; *Mögäžäүät bastyгуп çууарыбыз. Kotelnikovlar mögäžäүate k'ebek'* (Г. Абсалямов) 'Опубликуем обращение. Как обращение Котельниковых'; *K'üngellärebez-dä kanat ide, jagsuly kanat* (И. Гази) 'В душе у нас были крылья, рвущиеся крылья'; *Kyzyk: üze kojaš, üze jangууг! Bally jangууг!* (А. Гилязов) 'Интересно: солнечно, а дождь! Сладкий дождь!'

Изредка возможна парцелляция и одиночных определений: *Taууп äti küz аldута k'ilde. Avуги, jopçуаn* (Г. Баширов) 'И опять перед моими глазами предстал отец. Больной, измученный'; *Anysyna salam karlamayan. Vodaј. Sar-saгу* (Н. Фаттах) 'На нем нет соломы. Пшеница. Желтая, желтая'; *K'ük' jözendä bolyt jyrtyklary arasynnan k'äk're aj jylmajuy k'üreng'älär kuja. Tonuk, jätsez...* (Э. Касыймов) 'На небе сквозь обрывки туч проглядывает улыбка кривого месяца. Бесцветная, некрасивая...'

Парцеллирование членов предложения может сопровождаться появлением союзов и союзных слов *häm, da||dä, ta||tä, läk'in, ämma, big'räk'tä, žitmäsä, хәтта* и т. д.: *Alarning bäbk'äläre zurrak. Läk'in jätsezgäk'* (Г. Ибрагимов) 'У них гусята крупнее. Но некрасивые'; *K'üzläre nindi čibär, — dipujlyj ul. Bödräläre dä* (И. Гази) 'Глаза какие красивые, — думает он. — И кудри'; *Häm ul başka ber süz дә östämičä häm äniseneng närsä äjtüen дә k'ötmičä çуууп k'itte. Ämma išek'ne katy jabуp tüg'el* (Ф. Хусни) 'И он, ничего не добавив и не дожидаясь, что скажет мать, вышел. Но не хлопнув дверью'.

К базовой части высказывания могут присоединяться несколько конструкций, выполняющих не только однородные, но и самые различные функции в предложении. В последнем случае высказывание в смысловом отношении углубляется: *Bezneng kolhoz avtosy da mondadyr äle, k'itmäg'än bulsa, Garifulla atly, šof'eryn äjtäm* (Г. Мин-

ский) 'И наше колхозное авто, наверное, еще здесь, если не уехало, Гарифуллой зовут, шофера-то'.

Присоединение к основному предложению, то есть парцелляцию, следует отличать от неполных предложений, иногда по форме совпадающих с исследуемыми конструкциями. Например, в отрывке: Äni, bezneng avylyğa ällä nindi k'eşelär k'ilde. Par at belän... Jam şčiginyng çybyrkysyn k'ürsäng... Monnan alyp uramya hätle bar. Ik'mäk'ter menä! Kar östennän borıalanıp-borıalanıp bara. Jylan k'ebek'! (И. Гази) 'Мама, в нашу деревню приехали какие-то люди. На паре коней... Видела бы ты кнут ящика... Отсюда до улицы дотянет. Честное слово! Так и извивается по снегу. Как змея!' — выделенные члены нельзя рассматривать как неполные предложения¹⁵. Неполное предложение выражает предикативность, отличается самостоятельной предикативной интонацией, отсутствующие члены угадываются по контексту, ситуации, обстановке. Парцеллированные члены вместе с базисным предложением образуют единое высказывание и отличаются своеобразной интонацией.

Парцелляция широко используется не только в языке художественной прозы, но и в поэзии, публицистике:

Jarlar, jarlar, xalyk k'üngele k'ebek',
Sez katlauy, tordym ojalyp.
v
Zyrlaryma minem sezdä uryn
Tabylyr mik'än? Tik' ber ojaluk... (С. Хаким)
'Берега, берега, как и душа народа,
Вы очень сложны; застыл я в смущении.
Для песен моих у вас
Найдется ли место? Только на одно гнездо...';

K'ürşe jalyyz parat avylynnan
Ber at çykty. Kağa duğaly (И. Юзеев)
'Из соседней деревни Одинокая сосна
Выехала лошадь. С черной дугой'.

В числе стилистических функций парцелляции в языке художественной литературы отметим следующие:

1) отражение специфичного для разговорной речи синтаксиса: Dimak', angina belän juş avyrysyz? Ä teatrğa juş jörisezme, Asija? Älbättä, karğon ojuk kijer. Şulajmy? Kyş k'öpe dä? (Г. Абсалямов) 'Значит, часто болеете ангиной? А в театр часто ходите, Асия? Конечно, в капроновых чулках. Не так ли? Даже зимой?';

2) выражение юмора, иронии, сатиры: Kombajınnar remontlanıyan, yndyr tabaуу zur, k'eşelär bilg'eläng'än, kыr kuxn'asy ojuştyrylyan... Şüzdä (Г. Минский) 'Комбайны отремонтированы, люди выделены, полевая кухня организована... На словах'; Uzyp baruçy olyrak aуajlardan k'em teli, şul — imänne таууп da пуурак «dävalap» k'itä... Baltä tütäse balän (А. Баянов) 'Кто бы из старших ни проезжал мимо, тот «лечит» этот дуб. Топором';

в) выражение резкого противопоставления: Änisä aуulanudan häm kurkudan ülg'än. Bol'nica da, janunda vraç bula toğur (А. Абсалямов) 'Аниса умерла от действия яда и страха. В больнице, в присутствии врачей';

г) передача взволнованности речи лирического героя: Häm menä min tiräk' töbendäğ'e kyzyl žiläk'k'ä üreläm. Tämleneng tämlese xuş is

¹⁵ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 411.

borunyta b6rk'elä. Kajyn žiläg'e ise! Bala çayybyz ise ič bu! Tuğan žig ise!.. (Р. Тухватуллин) 'И я ... потянулся к красной землянике под кусточком. Я уловил сладостный душистый запах. Запах земляники! Запах детства, отрочества же это! Запах родного края!';

д) актуализация тех или иных членов высказывания: Axsän Bajan üz buyny süzen äjtk'än, üz öleşenä töšk'änne, üze k'ürg'änčä, tormyşny tanyj belg'änčä. Artyk žäjelmičä, artyk zuğa däyva itmičä... (С. Хаким) 'Ахсан Баян сказал слово о своем поколении, о том, что ему выпало, что оно видело, как вообще смотрит на мир. Не очень распространяясь и не претендуя на что-то значительное...';

е) расчленение большого высказывания на отдельные части с целью облегчения его восприятия и т. д.

Составленная нами картотека, охватывающая всю историю татарского литературного языка и содержащая более двух тысяч примеров парцелляции, позволяет сделать интересные выводы. Взаимодействие общенародного и литературного языка в разные периоды было неодинаковым. Строгие правила относительно порядка слов в предложении в тюркских языках, закрепленные многовековыми письменными традициями, не допускали в языке художественной литературы, весьма далеком от общенародного разговорного языка, каких-либо отклонений, и поэтому вполне естественны единичные случаи парцелляции в старотатарском языке. Письменный литературный язык в период формирования и развития национального литературного языка неизбежно приближается к общенародному.

Изменения в языке происходят на всех его уровнях и охватывают не только лексику и фонетику, но и синтаксис, что мы попытались проследить на примере чрезвычайной активизации явления парцелляции. Примечательно, что конструкции, подобные приведенным выше, зафиксированы и в азербайджанском языке: «Иногда даже взаимосвязанные члены предложения отделяются друг от друга и между ними ставится точка, например: *Мән гызы орда көрдүм. Башы ашағы* 'Я там увидел девочку. С опущенной головой' (вместо: *Мән гызы орда башы ашағы көрдүм*)»¹⁶.

Такая конструкция, казавшаяся на первых порах совершенно недопустимой для тюркских языков¹⁷, в настоящее время активизируется, что подтверждается приведенными примерами. Следует согласиться с мнением М. Ш. Ширалиева, высказанным в связи с подобными конструкциями: «Ни одна норма в языке не является незыблемой, абсолютной: она может изменяться, если становится тормозом на пути развития литературного языка»¹⁸.

Взаимовлияние литературного и общенародного языка, активное отношение к действительности, адресованность письменной речи массовому читателю, поиск новых средств выражения, соответствующих современному ритму жизни, — обусловили появление конструкций, восходя-

¹⁶ М. Ш. Ширалиев. Некоторые вопросы нормирования азербайджанского литературного языка в годы Советской власти. — «Вопросы языкознания», 1972, № 4, стр. 129.

¹⁷ Х. Вэли. Татар әдәби телендә жәмлә төзелеше. — «Мәгариф», 1927, № 3, стр. 66; М. Ш. Ширалиев. О речевой культуре (на материале азербайджанского языка). — «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», т. XXVIII, 1969, вып. 2, стр. 125.

¹⁸ М. Ш. Ширалиев. Некоторые вопросы..., стр. 129.

щих к живой разговорной речи¹⁹. Это еще раз доказывает справедливость утверждения Л. В. Щербы о том, что «все изменения в языке, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накапливаются в кузнице разговорной речи»²⁰.

Начавшаяся в конце XIX—начале XX века демократизация татарского литературного языка интенсивно продолжается в настоящее время, находя свое отражение и в синтаксисе. Из живой разговорной речи заимствуются конструкции, отличающиеся широкой употребительностью, высокой экспрессивностью и эмоциональностью, позволяющие точнее и лаконичнее выразить мысль.

---

¹⁹ К подобному выводу приходят исследователи и других языков: *Е. А. Иванчикова. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху.* — В сб.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966, стр. 12; *Ю. В. Варников. Явление парцелляции в современном русском языке*, стр. 38; «Русский язык и советское общество...», стр. 76, 280; *А. А. Андриевская. Указ. раб.*, стр. 77 и др.

²⁰ *Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку*. М., 1957, стр. 116.

Д. С. НАСЫРОВ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИАЛЕКТНЫХ СИСТЕМ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА И ОПЫТ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

Каракалпакский общенародный разговорный язык характеризуется известным внутренним единством системно-структурной организации его различных уровней, что способствует свободному общению между носителями этого языка. Тем не менее разговорный язык на отдельных участках территории распространения каракалпакского языка имеет некоторые местные особенности, благодаря которым возможно выделение отдельных диалектных групп. Последние в основных звеньях своей фонетико-грамматической и лексико-семантической структуры тождественны каракалпакскому общенародному разговорному языку, отличаясь от него лишь некоторыми отклонениями местного характера¹.

Соответствующие исследования показывают, что каракалпакский общенародный разговорный язык состоит из двух территориальных диалектов: северного, являющегося диалектной базой каракалпакского литературного языка, и южного. Носители этих двух диалектов в силу сказанного без каких-либо затруднений понимают друг друга. Что же касается диалектных различий, то они затрагивают главным образом фонетику, лексико-семантику и в меньшей степени грамматику.

Возникновение диалектных особенностей в системе каракалпакского общенародного разговорного языка, по нашему мнению, связано с различными этнолингвистическими факторами, а именно: вхождением в состав этнических компонентов каракалпакского народа представителей бывших средневековых племен и племенных союзов — болгар, огузов, печенегов и кыпчаков. Изучение данной проблемы имеет большое теоретическое значение для разработки истории становления общенародного разговорного каракалпакского языка, его исторической фонетики, грамматики и лексикологии. На необходимость учета и изучения при лингвистических разысканиях сохранившегося в современных живых тюркских языках значительного количества реликтов племенных диалектов указывает К. К. Юдахин².

Вторым основным фактором, имевшим решающее значение в возникновении северного и южного диалектов и их различительных признаков на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях, явились

¹ Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. Вопросы изучения диалектов языков народов СССР. — «Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 40.

² К. К. Юдахин. Итоги и задачи изучения киргизских диалектов. — «Труды Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР», вып. VI. Фрунзе, 1956, стр. 50.

языковые контакты (маргинальные и внутрирегиональные). Каракалпакский народно-разговорный язык в его южном ареале близко соприкасается с живыми местными хорезмскими узбекскими говорами кыпчако-огузского типа. В результате их контактирования и произошло в последний период образование диалектов каракалпакского языка, и возникла южная, или смешанная, группа говоров южного диалекта. Несомненно, помимо указанных факторов в образовании диалектных различий в каракалпакском народно-разговорном языке определенную роль играли также факторы субстратного и, в меньшей степени, суперстратного характера. О роли подобных факторов в образовании диалектов В. М. Жирмунский пишет: «Диалекты — это социально-исторические образования, возникшие в определенных реальных условиях общественной жизни, в постоянном взаимодействии с другими, соседними родственными диалектами в процессе дифференциации и интеграции, смещения и выравнивания, а также в результате влияния посторонних субстратов, суперстратов и адстратов»³.

Субстратные явления в каракалпакском языке, как и в языках других народов Хорезмского оазиса, восходят в основном к языкам иранской группы. Как известно, население Хорезма говорило на хорезмийском языке, относящемся к восточно-иранской группе. Тюркизировано оно было довольно поздно, в X—XIII вв., поэтому иранский субстрат проявляется как в топонимике, так и в самом языке, прежде всего в его лексике. К иранскому субстрату относятся, например, такие слова, как агпа 'большой арык', зар 'небольшой арык', šellčel 'насыпь между мелкими арыками, борозды в поле', rāpžirellmāpžire 'деталь арбы', sijnement||sijnebent 'украшение сбруи', sarkum 'кружка', k'esellk'āsa||k'asa 'небольшая пиала', gündellk'ünde 'соха, наконечник сохи', gaš 'большая насыпь по обе стороны арыка, межа', pava 'желоб', k'ät 'кровать', pätik' 'потолок, отверстие в потолке'⁴.

Конечно, не все в иранском слое восходит к хорезмийскому субстрату. Многие слова иранского происхождения могли появиться в каракалпакском языке, как и в узбекских говорах Хорезма, позднее, в XVII—XIX вв., под влиянием связей с населением южных областей Средней Азии и Ирана. Количество слов, восходящих к иранскому субстрату, особенно велико в южном диалекте каракалпакского языка, что объясняется прежде всего влиянием соседних узбекских говоров. Так, в южном диалекте представлены такие слова, отсутствующие в северном, как ziv 'оросительная канавка на хлопковом поле', žoja 'оросительная канавка на поле, где выращиваются бахчевые культуры'. Особый интерес представляет диалектный сельскохозяйственный термин таңғал 'серп большого размера', употребляемый в этом же значении в азербайджанском языке, а также зафиксированный в древнегрузинском, входящем в группу иберо-кавказских языков⁵. Видимо, этот термин относится к древнейшим пластам лексики народов Средней Азии и Кавказа.

Таким образом, диалектные отличия, обнаруживаемые в структуре фонетического, грамматического и лексического строя каракалпакского

³ В. М. Жирмунский. Существовал ли «протогерманский» язык? — «Вопросы языкознания», 1971, № 3, стр. 3.

⁴ См.: А. М. Щербак. Основные особенности южнохорезмского говора в сравнительном освещении. — В сб.: «Материалы по узбекской диалектологии», II. Ташкент, 1960, стр. 76—77; Ю. Жуманазаров. Беруний шыгармаларындагы тил илими. — «Совет Қаракалпақстаны», 28 августа 1973 г.

⁵ М. Ш. Ширәлијев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары, Баки, 1962, стр. 351.

общенародного разговорного языка, являются, во-первых, рудиментами разговорного языка бывших родоплеменных объединений, вошедших в качестве этнических компонентов в состав каракалпакского народа, во-вторых, результатом взаимодействия с другими родственными и неродственными языками. Следует, однако, отметить, что современное диалектное членение каракалпакского языка нельзя непосредственно связывать с теми или иными древними родоплеменными объединениями каракалпаков. На современном этапе оно представляет собой скорее территориальное явление.

Классификация диалектов каракалпакского народно-разговорного языка впервые была рассмотрена Н. А. Баскаковым, выделившим в составе современного разговорного языка два основных территориальных диалекта: северо-восточный и юго-западный. По его определению, на северо-восточном диалекте каракалпакского языка говорит население Муйнакского, бывшего Караузьякского, Тахтакупырского районов, тогда как юго-западный диалект получил распространение в остальных районах ККАССР — Чимбайском, Кегейлинском, бывшем Куйбышевском, Кунградском, Ленинабадском, Шуманайском, Ходжейлинском и Турткульском, Шаббазском (ныне Бирунийском), Кыпчакском (ныне Амударьинском). Н. А. Баскаков приводит восемь характерных признаков фонетического характера, отличающих северо-восточный диалект от юго-западного⁶.

Вторая классификация диалектной системы каракалпакского языка принадлежит С. А. Вурму. В своей работе «Каракалпакский язык», помимо очерков по фонетике, грамматике и лексике, он дает классификацию диалектов каракалпакского языка и указывает их отличительные признаки в области фонетики, грамматики и словаря. По его мнению, каракалпакский язык состоит из трех диалектов — Кунградского, Шах-Аббаз-Валийского (Шаббазского, совр. Бирунийского) и Карасакальского⁷.

Классификация диалектов каракалпакского языка, предложенная Н. А. Баскаковым и основанная на восьми признаках фонетического характера, явилась итогом многолетних наблюдений и изучения им фактов каракалпакского народно-разговорного языка, его диалектных особенностей. Эта классификация представляет собой первую попытку членения диалектной системы каракалпакского языка на основе достоверных фонетических данных живого разговорного языка. В этом ее значение.

Что же касается классификации диалектов каракалпакского языка С. А. Вурма, то она не может считаться удовлетворительной хотя бы потому, что в ее материалах не представлены языковые факты разговорной речи основных групп каракалпаков, проживающих в Чимбайском, Кегейлинском, Нукусском, Тахтакупырском, Муйнакском, Ленинабадском и Шуманайском районах Каракалпакии. Вызывает недоумение утверждение С. А. Вурма, что типичным образцом подлинно каракалпакского языка является шаббазский (по его терминологии Шах-Аббаз-Вали) диалект каракалпакского языка, в то время как малочисленное каракалпакское население этого района (ныне Бирунийский район) с давних пор живет в контакте с соседними хорезмскими узбеками и туркменами, испытывая постоянное многолетнее влияние хорезмских говоров узбекского языка. Кроме того, во всех фонетико-грамматических признаках, по-

⁶ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, I. Материалы по диалектологии (тексты и словарь). М., 1951, стр. 3—4.

⁷ Stefan A. Wurm. The Karakalpaq Language. — «Anthropos», Mai—August, 1951, Heft 3—4, стр. 487—610.

ложенных в основу классификации диалектов каракалпакского языка С. А. Вурмом, не находят своего выражения типичные характеристики каракалпакского языка и его диалектов, и поэтому они не могут быть приняты в качестве критериев при определении диалектной системы каракалпакского языка в целом.

На основании материалов экспедиционных исследований последних лет Сектором истории и диалектологии каракалпакского языка Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР была разработана новая, более полная и уточненная классификация каракалпакских диалектов и говоров, основанная на фонетических, грамматических и лексико-семантических критериях⁸.

Таким образом, стало возможным выделить два территориальных диалекта: северный и южный.

Территория северного диалекта каракалпакского языка охватывает население северных районов Каракалпакской АССР — Чимбайского, Кегейлинского, Тахтакупырского, Муйнакского, Кунградского, Ленинабадского, Шуманайского, Ходжейлинского, Нукусского (за исключением Назарханского участка). Эта территория с давних времен компактно заселена основными массами каракалпакского народа. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 года, здесь проживают 209.488 из общего числа 217.505 каракалпаков, живущих на территории Каракалпакской АССР. Язык каракалпакского населения этой территории в основном соответствует нормам современного каракалпакского литературного языка. Это относится как к фонетике и грамматическому строю, так и к лексическому составу. Это дает основание считать, что северный диалект послужил опорной базой при образовании устной и письменной форм каракалпакского литературного языка. В этой связи следует отметить справедливость утверждения Н. А. Баскакова о том, что «в основу современного литературного каракалпакского языка положены северные говоры, отличающиеся от южных, главным образом, более выраженной губной гармонией и меньшим влиянием языков соседних национальностей: туркмен, узбеков и казахов»⁹.

Территория южного диалекта каракалпакского языка охватывает южные районы Каракалпакской АССР: Турткульский, Бирунийский и Амударьинский, а также Назарханский участок Нукусского района. По данным Всесоюзной переписи 1970 года, на этой территории проживают 8017 каракалпаков, то есть сравнительно небольшое их число, причем в основном в сельской местности (6053 человека). Представители южного диалекта каракалпакского языка находятся в близком соседстве с туркменами, хорезмскими узбеками и казахами. Таким образом, здесь народно-разговорный язык каракалпаков функционирует, тесно соприкасаясь, с одной стороны, с языком туркмен, относящимся к юго-западной, или огузской, группе тюркских языков, а с другой стороны — с северно-хорезмским и среднехорезмским говорами «собственно узбекского», или кыпчакского, диалекта узбекского языка, относящегося вместе с кара-

⁸ См.: Д. С. Насыров. Диалекты каракалпакского языка и их основные особенности. — «Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР», 1966, № 1, стр. 64—73; *его же*. Об изучении диалектов каракалпакского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Фрунзе, 1968, стр. 85—93; *его же*. Лексико-семантические особенности диалектов каракалпакского языка. — «Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР», 1972, № 3, стр. 58—62; *его же*. Состояние и задачи изучения диалектов каракалпакского языка. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 94—101.

⁹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. — «Большая Советская Энциклопедия», т. 31. М., 1937, стр. 450.

калпакским и казахским языками к северо-западной, или кыпчакской, группе тюркских языков¹⁰. В результате в языке южных каракалпаков появились некоторые дополнительные специфические черты, характерные для данного диалекта и отличающие его от северного диалекта каракалпакского языка.

Кроме указанных двух территориальных диалектов, в составе каракалпакского общенародного разговорного языка существуют также отдельные говоры, как, например, «муйтенский говор» и «узбекский переходный говор» узбеков-аральцев (*араллы*) — в составе северного диалекта, а также «бухарский переходный говор каракалпаков» — в составе южного диалекта каракалпакского языка. Таким образом, изучение каракалпакского общенародного разговорного языка показало, что совершенно прав был В. В. Решетов, когда писал, что «утверждение некоторых лингвистов об отсутствии диалектов и говоров в каракалпакском языке не имеет под собой твердой почвы и основано на умозрительных выводах вопреки показаниям общенародного каракалпакского языка»¹¹.

Основными междиалектальными отличительными чертами северного и южного диалектов каракалпакского языка являются следующие, в основном устойчивые и последовательные, закономерности фонетического, морфологического и лексико-семантического характера.

А. Отличительные признаки в области фонетики

1. Соответствие *a—ä*. Вместо заднего гласного *a* северного диалекта в южном употребляется передний гласный *ä*: с. *aldynda*, ю. *äldinde* 'вперед'; с. *sät*, ю. *sä:t* 'часы, время'; с. *vatan*, ю. *vätän* 'родина'; с. *ylaž*, ю. *iläž* 'мера'¹².

2. Соответствие *e—ä*. Вместо переднего гласного *e* северного диалекта в южном активно выступает во всех позициях передний гласный *ä*: с. *k'ese*, ю. *k'äsä*, *k'äsa* 'пиала'; с. *k'etpen*, ю. *k'ätmän* 'мотыга'; с. *k'erek'*, ю. *k'ägäk'* 'нужно, необходимо'; с. *tek'eme*, ю. *mäk'ämä* 'учреждение'.

3. Соответствие *e—i*. Вместо переднего широкого гласного *e* северного диалекта в южном употребляется передний узкий гласный *i*: с. *jendi*, ю. *indi* 'теперь'; с. *k'išk'ene*, ю. *k'išk'inä* 'маленький'; с. *süjrejdi*, ю. *süjrijdi* 'волочить, тащить'; с. *šek'em*, ю. *šik'im* 'до'.

4. Соответствие *u—y*, *ü—i*. Вместо узких губных гласных *u*, *ü* северного диалекта в южном употребляются узкие негубные гласные *y*, *i*: с. *kubla*, ю. *kybla* 'юг'; с. *buzuk*, ю. *byzuk* 'испорченный'; с. *tuz*, ю. *myz* 'лед'; с. *bugpaуу*, ю. *bugpaуу* 'прошлый'; с. *mümk'ün*, ю. *mimk'in* 'возможно, может быть'; с. *ündeme*, ю. *indeme* 'не говорить, молчать'.

5. В северном диалекте по сравнению с южным наблюдается более выраженная губная гармония гласных: с. *k'örgön*, ю. *k'örgen* 'увидевший'; с. *üngürdün түбү*, ю. *üngirdin tiji* 'дно ямы, пещеры'; с. *bödönö*, ю. *bödene*, *bedene* 'перепелка'.

6. Соответствие *b||p—m*. Вместо губно-губных шумных смычных согласных *b||p* северного диалекта в южном часто выступает губно-губной смычный сонант *m*: с. *җarbyz*, ю. *karmyz* 'арбуз'; с. *bürtük'*, ю. *mürtik'* 'пучок'; с. *pänžige*, ю. *mänžige* 'горелка'; с. *ušpa*, ю. *ušma* 'болезнь животных'.

¹⁰ Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933, стр. 28—31; *его же*. Материалы по грамматике узбекского языка, вып. I. Ташкент, 1936.

¹¹ В. В. Решетов. Состояние и задачи узбекской диалектологии. — В сб.: «Вопросы узбекского языкознания». Ташкент, 1954, стр. 123.

¹² с. — северный диалект, ю. — южный диалект.

7. Соответствие типа ассимиляции согласных *ll*, *nn*—*ll*. Из этих типов ассимиляции, характерных для северного диалекта, в южном встречается только *ll*: с. *k'üller*, *k'ünner*, ю. *k'üller*, *k'üllär* 'дни'.

8. Соответствие *s*—*š*. Вместо переднеязычного щелевого согласного *s* северного диалекта в южном активно употребляется переднеязычный щелевой *š*: с. *sogra*, ю. *šogra* 'суп'; с. *žetpis*, ю. *jetmiš* 'семьдесят'; с. *jesik'*, ю. *ješik'* 'дверь'; с. *paksa*, ю. *pašša* 'стена'.

9. Соответствие *š*—*č*. Вместо переднеязычного щелевого согласного *š* северного диалекта в южном активно выступает переднеязычная аффриката *č*: с. *šapan*, ю. *čapan* 'халат'; с. *šek'k'ilej*, ю. *čäk'k'iläj* 'на авось'; с. *üšek'*, ю. *üček'* 'крыша'.

10. Соответствие *ž*||*ž*—*ž*. Вместо факультативно чередующихся в начале слова в северном диалекте переднеязычной аффрикаты *ž* и щелевого согласного *ž*¹³ в южном диалекте употребляется только аффриката *ž*: с. *žol||žol*, ю. *žol* 'дорога, путь'; с. *žaralak||žaralak*, ю. *žaralak* 'сова'; с. *žujugta ||žujugta*, ю. *žijirmä* 'двадцать'.

11. Соответствие *ž*||*ž*—*j*. В южном диалекте наблюдается активное употребление среднеязычного щелевого согласного *j* в анлауте вместо употребляемых в северном диалекте переднеязычных аффрикаты *ž* и щелевого *ž*: с. *žaban||žaban*, ю. *jaban* 'деревня'; с. *žas*, ю. *jaš* 'молодой'; с. *žaz*, ю. *jaz* 'лето'; с. *žaman*, ю. *jaman* 'плохой'.

12. Соответствие *g*—*k'*. Вместо заднеязычного смычного звонкого *g* северного диалекта в южном выступает заднеязычный смычной глухой *k'*: с. *gük'ürt*, ю. *k'ük'irt* 'спички, сера'; с. *gürsü*, ю. *k'ürsi* 'стул, табуретка'; с. *gälle*, ю. *k'allä* 'голова'; с. *göne*, ю. *k'önä* 'старый, ветхий'.

13. Соответствие *ɣ*—*k'*. Вместо увулярного щелевого звонкого согласного *ɣ* северного диалекта в южном употребляется увулярный смычный глухой *k'*: с. *ɣaɣa*, ю. *kaɣa* 'ворона, ворон'; с. *ɣavɣa*, ю. *kavɣa* 'ведро'; с. *ɣarbyz*, ю. *karbyz* 'арбуз'.

14. В отличие от северного диалекта в южном наблюдается активное употребление в анлауте фарингального щелевого глухого согласного *h*: с. *agu*, ю. *hagu* 'дальше'; с. *ava*, ю. *hava* 'да'; с. *ajda-*, ю. *hajda-* 'гнать'; с. *aržak*, ю. *haržak* 'та сторона'.

Б. Отличительные признаки в области морфологии

1. Вместо вариантов аффиксов множественного числа *-lar||-ler*, *-nar||-ner* северного диалекта в южном употребляются варианты *-lar||-ler||-lär*: с. *seller*, *senner*, ю. *siller*, *seller*, *sellär* 'вы'; с. *katyllar*, *katynnar*, ю. *katyl-lar* 'женщины'.

2. В южном диалекте активно употребляется аффикс множественного числа *-lar||-ler||-lär* в 3-м лице множ. числа глагола: с. *volar*, *k'eldi* ю. *volar k'eldilär* 'они пришли'.

3. При склонении имен с аффиксом принадлежности 3-го лица ед. и множ. числа вместо формы аффикса винительного падежа *-n*, характерной для северного диалекта, в южном наблюдается факультативное употребление формы винительного падежа *-n||-ny||-ni*: ю. *syjÿgyn||syjÿgynu* 'его корову', *kuzlarÿn||kuzlarÿny* 'его дочерей'.

4. Из вариантов аффиксов принадлежности и сказуемости первого и второго лица множественного числа *-myz||-miz*, *-mys||-mis*, *-nyz||-ñiz*, *-ñys||-ñis*, характерных для северного диалекта, в южном в большинстве случаев употребляются варианты *-mys||-mis*, *-ñys||-ñis*: ю. *üjimis* 'наш дом', *atamuz* 'наш дед', *äk'älämis* 'мы принесем'.

¹³ Е. Д. Поливанов. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. — «Труды Хорезмской экспедиции». Ташкент, 1933, стр. 8.

5. В южном диалекте в определительных сочетаниях иногда опускается аффикс принадлежности второго компонента: с. *bizlerdiñ rahtamyz*, ю. *bizlerdiñ rahta* 'наш хлопок'.

6. В южном диалекте наблюдается употребление двойного аффикса принадлежности третьего лица: с. *tuvyaп žijenі*, ю. *tuvyaп žijenisi* 'его родной племянник'; с. *aҗajini*, ю. *aҗajinisi* 'его родственник'.

7. Вместо словообразовательных аффиксов *-lyk||-lik'*, *-ly||-li*, *-nyk||-nik'*, *-ny||-ni* северного диалекта в южном употребляются варианты *-lyk||-lik'*, *-ly||-li*: с. *vonlyk*, *vollyk*, *vonnyk*, ю. *vollyk* 'десятка'; с. *žilli*, *žin-pi*, ю. *žilli* 'сумасшедший'.

8. В южном диалекте встречаются некоторые словообразовательные аффиксы имен, характерные лишь для данного диалекта: *-k'äš*, *-k'är*, *-k'äč*, *-al*, *-dag*, *-ab*, *-ly*, *-tal*, *-bänt*, *-ymly*, *-gäg* и др. В северном диалекте эти аффиксы или отсутствуют, или заменяются другими, равнозначными аффиксами. Например: *kälemk'äš* 'писатель, пишущий', *pilläk'är* 'человод', *dütäk'äč* 'дымоход', *lazymal* 'нужный, необходимый', *alakadar* 'связанный', *teзab* 'быстрее, скорее', *taxtabänt* 'дощатый', *voтугymly* 'местный', *gүmangär* 'подозреваемый человек', *bajly* 'привязанный'.

9. Из аффиксов *-rak||-rek'*, *-lav||-lev*, *-nav||-nev*, образующих в северном диалекте сравнительную степень прилагательных и наречий, в южном употребляются *-rak||-rek'|-räk'*, *-lav||-lev||-läv*. Кроме того, в южном диалекте наблюдается активное употребление аффикса *-rak*, который может присоединяться к основам как с передними, так и с задними гласными. Например: с. *ülk'enrek*, ю. *kättärak*, *ülk'enrak* 'больше, старше'; с. *k'iširek'*, ю. *k'iširak* 'меньше, младше'.

10. Из аффиксов *-laҗaп||-legen*, *-paҗaп||-pegen*, образующих в северном диалекте собирательно-приближенные числительные, в южном употребляется *-laҗaп||-legen||-lägän*, с. *vollaҗaп*, *vonpaҗaп*, ю. *vonlaҗaп* 'в количестве около десяти'; с. *žüzlegen*, ю. *jüzlägän*, *žüzlägän* 'в количестве около ста'.

11. В южном диалекте наблюдается факультативное употребление вариантов аффикса взаимно-совместного залога глагола *-ys||-is||-s* и *-yš||-iš||-š* вместо *-ys||-is||-s* в северном диалекте: с. *gäples*, ю. *gäples||gär-leš* 'разговаривать'.

12. Вместо аффикса *a* или сочетания *aj* северного диалекта в южном употребляется сочетание *yj* под влиянием последующего *j* в аффиксе настоящего времени. Это явление частично можно обнаружить и в чимбайском говоре северного диалекта каракалпакского языка. Например: с. *balaya k'im kaҗajdy*, ю. *balaya k'im kaҗyjdy* 'кто будет ухаживать за ребенком'; с. *sogady*, ю. *sogyjdy* 'сосед'.

13. В южном диалекте наблюдается употребление под влиянием последующего *j* в аффиксе настоящего времени — аффикса отрицательной формы глагола с узкими гласными *-my||-mi* вместо *-ma||-me*, *-ba||-be*, *-pa||-pe* в северном диалекте: с. *tuvmajdy*, ю. *tuvmyjdy* 'не рожает'; с. *bilmejmis*, ю. *bilmijmis* 'не знаем'.

14. В южном диалекте наблюдается употребление формы причастия настоящего-будущего времени *-atyaп* наряду с формами *-atyaп*, *-atyp*, *-atup*, *-adyaп*, характерными для северного и отчасти для южного диалектов каракалпакского языка: *baratyaп||baratyaп* 'тот, который пойдет', *k'eletyaп||k'eletyaп* 'тот, который придет'.

15. Наряду с формами *-yaпdaj||-gendej*, *-kandaj||-k'endej*, образующими слабо дифференцированную причастно-деепричастную форму, в южном диалекте употребляются также формы *-yudaj*, *-gidej*, *-kydaj*,

-k'idej. Например: žetk'idej 'достаточный для того, чтобы', körgidej 'подходящий для того, чтобы увидеть'.

16. В южном диалекте наблюдается употребление вопросительной частицы с узкими гласными -mu||-mi вместо -ma||-me, -ba||-be, -pa||-pe в северном диалекте: с. kymbat pa?, ю. kymmät mu? 'дорога ли?'; с. žazduŋ ba?, ю. žazduŋ mu?||jazduŋ mu? 'писал ли?'.

17. В южном диалекте употребляется частица ese, выражающая просьбу и отсутствующая в северном диалекте, а также в литературном языке: kajtysyn k'eliŋler ese 'на обратном пути заходите-ка'.

В. Лексико-семантические отличительные признаки

Различия между диалектами каракалпакского языка наиболее ярко проявляются в лексике. Общей характерной чертой лексики южного диалекта каракалпакского языка является то, что, во-первых, в нем широко представлены слова, связанные с садоводством и виноградарством, бахчеводством и огородничеством, хлопководством и шелководством: kälilji žüzim, güsini žüzim (виды винограда), nukuly jerik', k'esek'i jerik' (виды абрикоса), kamma, akbaš, bijšek', panygöš (виды дыни), pank'ädi, sallak'ädi, karak'ädi, palavk'ädi, dastark'ädi, almak'ädi (виды тыквы) и т. д.; во-вторых, в нем встречается большое количество заимствований из соседнего севернохорезмского и среднехорезмского говоров кыпчакского диалекта узбекского языка: k'ägäm 'капуста', bädiräŋ 'огурец', vöžek' 'теленок', zaŋama 'посуда для провеивания зерна', sokpa 'стена', büginč 'рис', soqu 'пест' и т. д.

Лексико-семантические расхождения между диалектами каракалпакского языка можно сгруппировать следующим образом:

1. Лексические расхождения:

а) слова, характерные только для данного диалекта и не находящие своих соответствий в другом диалекте.

В различиях подобного характера наличие определенного лексического факта противопоставляется его отсутствию. Слова, входящие в эту группу, можно назвать непротивопоставленными лексическими диалектными различиями. К таким словам относятся: ю. maŋyal 'серб большого размера, наполовину без зубьев', zuv 'оросительная канавка на хлопковом поле', pišmek' 'вид верхней одежды', с. irezek' 'орудие для срезания камыша под водой', gümpildek 'приспособление для загона рыб в сети', pämtüjpek' 'инструмент для забивания кольев под водой' и т. д.;

б) слова, имеющие в диалектах разные значения, но не различающиеся фонетически.

Данный, а также последующие типы расхождений, с точки зрения взаимных отношений лексики или наличия и отсутствия эквивалентов относятся к противопоставленным лексическим диалектным различиям: kazuk с. 'кол', ю. 'большой гвоздь'; šüj||čüj с. 'уключина, чека', ю. 'гвоздь'; šapak с. 'грядка, глазная орбита', ю. 'миска'; žam с. 'пистон', ю. 'яма'; k'esel||k'äsäl с. 'проказа', ю. 'болезнь, больной';

в) слова, которые в диалектах находят свое соответствие по значению.

Эта группа слов, так называемые диалектные синонимы, составляет значительную часть лексики диалектов каракалпакского языка. Примеры: с. güze, ю. убугук 'кувшин, глиняный сосуд'; с. byzav||buzav, ю. vöžek' 'теленок'; с. kymta:zerep, ю. šanak:lägän 'миска, тарелка'; с. akğiriš, ю. häk' 'известь'; с. kujaŋ, ю. bädiräŋ 'огурец'.

2. Лексико-фонетические расхождения.

К этой группе относятся диалектные слова, одинаковые по значению, но со звуковыми отклонениями в корнях и основах слов; например: с. *duṃše*, ю. *tumče* 'кумган, сделанный из жести'; с. *riḡazaṃ*, ю. *biḡazaṃ* 'пеликан'; с. *gilmala*, ю. *žylmala* 'мастерок'; с. *kašy*, ю. *kajšy* 'дамба'.

3. Лексико-морфологические расхождения.

Сюда относятся слова, одинаковые по значению, но имеющие различные варианты словообразовательных аффиксов: с. *šalʔaj*, ю. *šaldyḡ* 'далекий, далеко'; с. *palkeḡ||palšy*, ю. *palmin* 'гадальщик, знахарь'; с. *žylkušy*, ю. *žylkuṃaṃ* 'табунщик'.

4. Лексико-фразеологические расхождения.

К этой группе относятся некоторые специфические фразеологические сочетания слов, характерные для отдельных диалектов; например: ю. *dušy tilli* 'порядочный человек', *mazaly žigiti* 'хороший парень'; с. *žindej-žindej k'ögiv* 'немножко выпить', *žyluv sogav* 'просить помощи', *žurtlatyḡ žiberiv* 'выдать замуж' и т. д.

Основу современного каракалпакского литературного языка составляет каракалпакский народно-разговорный язык, основные структурные элементы которого совпадают с элементами северного диалекта, являющегося как бы интердиалектом общения всего каракалпакского народа. Современный каракалпакский народно-разговорный язык не имеет резких отличий от каракалпакского литературного языка. Это объясняется сознательным выбором в качестве устойчивой диалектной базы каракалпакского литературного языка северного диалекта, не подвергавшегося сильному иноязычному влиянию и вобравшего в себя основные признаки общенародного разговорного каракалпакского языка.

В свое время между специалистами шли споры: какой из говоров северного диалекта должен быть положен в основу каракалпакского литературного языка. Говоры северного диалекта восходят к тем или иным крупным родоплеменным подразделениям каракалпаков. Одни специалисты предлагали остановить свой выбор на так называемом «соргульском диалекте» (на нем говорит родоплеменное подразделение *қоңырат*, и прежде всего племена *қыят*, *ашамайлы*, *мүйтен* и т. д., проживавшие ранее в Соргульской волости), другие считали, что в основу каракалпакского литературного языка следует положить «чимбайский диалект» (на нем говорит каракалпакский отдел *он төрт уруй*, сосредоточенный ныне в Чимбайском, Кегейлинском и Нукусском районах)¹⁴. Однако предмет спора об опорной базе каракалпакского литературного языка не выходил за пределы северного диалекта, и в основу литературного языка были положены не какие-либо родоплеменные говоры, а язык основной массы каракалпаков, особенности которого характерны для всех носителей северного диалекта каракалпакского языка.

Каракалпакский литературный язык в настоящее время является основным языком Каракалпакской АССР и функционирует во всех областях общественно-политической, экономической, культурной и научной жизни республики.

¹⁴ Н. А. Баскаков. Каракалпакская учебная книга по родному языку. — «Национальная литература», 1933, № 3, стр. 1—6; К. Ибадуллаев. Новые правила орфографии каракалпакского языка. — В сб.: «Каракалпакия», т. II. Л., 1934, стр. 215—221.

Д. Ф. ПАТАЧАКОВА

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИЗНАКОВ ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

(НА МАТЕРИАЛЕ ФОНЕТИКИ)

Диалекты современного хакасского языка делятся по признаку ответственности широких неогубленных долгих гласных *a:*, *e:* огубленным долгим *o:*, *ö:* в конечных слогах слов на две большие группы — сагайско-шорскую (южную) и качинско-кызыльскую (северную). Долгие *a:*, *e:* типичны для первой группы, а долгие *o:*, *ö:* — для второй¹.

В болес древнем пласте лексики соотносительные долгие *a: ~ o:*, *e: ~ ö:* входят в неразложимые морфологические части слова, например: *rūza: / rūza: ~ ruzo:* 'теленок', *kūze ~ kīzö:* 'зять', что было известно еще в древних и сохранилось почти во всех современных тюркских языках. Долгие *a: ~ o:*, *e: ~ ö:* встречаются также на стыке основы и словообразовательного аффикса.

В зависимости от внутридиалектных особенностей наблюдаются случаи отклонения от общей закономерности междиалектного соответствия *a: ~ o:*, *e: ~ ö:*. В отдельных говорах сагайского диалекта, например, имеет место факультативное чередование широких и узких огубленных гласных в одном и том же слове: *ol / ul* 'он', *o: / u: l* 'парень', *sō: k / sū: k* 'кость', *saγo: l / saγu: l* 'засада на зверя' и т. д. Поэтому носители сагайского диалекта иногда произносят вместо ожидаемых долгих *a:*, *e:*, соответствующих качинско-кызыльским *o:*, *ö:*, — узкие огубленные долгие *u:*, *ū:* *xatpu: s* 'выдра', *xaγu: l* 'мушка, прицел', *aγsū: l* 'платок' (в произведениях фольклора) вместо *xatpu: s*, *xaγo: l*, *aγsō: l* (кач.), *aγšo: l* (кыз.) в тех же значениях в качинском и кызыльском диалектах.

С другой стороны, в качинском и кызыльском диалектах имеется значительное количество не встречающихся в других диалектах слов и словообразований с конечными долгими *o:*, *ö:*. В данном случае пара фонетического соответствия нарушается отсутствием соотносительной лексической пары в диалектах. К таким словам относятся: *tumo:* 'насморк', 'простудное заболевание' (отсюда *tumo: ga-* 'страдать насморком'), *talō: xaγaγ* 'косоглазие', *rīgō: k* 'пирог', *īlgō: γ* (кач.) 'полка для посуды' от *īl-* 'подвешивать', *amzo: γ* 'прибор для снятия пробы при винокурении', 'ко-

¹ Данный признак качинского и кызыльского диалектов совпадает с нормами литературного языка, хотя по правилам орфографии долгота *o:*, *ö:* на письме не обозначается. Например: *šuxō* 'висок', *rīšīgō* 'сырки' вместо диалектных *šuxō:* и *rīšīgō:*.

Прим. ред. В связи с полиграфическими особенностями набора статьи долгота гласных в ней обозначается посредством двоеточия вместо обычно практикуемой журналом черточки над буквой. Это обозначение долготы будет использоваться в необходимых случаях и в последующих номерах журнала.

личество жидкости, помещающейся в полости рта' — от апза- 'пробовать на вкус что-либо жидкое'; хозо:пъзу 'сопровождающий', аһо:ёу, аһо:ёзу 'охотник', рајо:гга 'важничать' — от рај 'бай', 'богатый'.

Часто конечные долгие *o*, *ö*: встречаются в качинском и кызыльском диалектах в собственных именах и географических названиях: Каго:ё. Elö:ё, Оуго:, Оуго:ё, Тојо:һ, Kügürö (мужские имена), Kado:, Mato:, Odo:ё, Alaһо: (женские имена), Оһпо: (ороним), Pılö: (гидроним). В этих диалектах перешли в долгие *o*, *ö* гласные, стоящие под ударением в непервых слогах слов, заимствованных из русского языка: Sömön (Семен), Owdo: (Авдотья), Metö:/Metö:ё/Metrö:ne (Матрёна), Орго:ё (Проня), хото:t 'хомут', sido:lka 'седёлка', kirö:s 'крест' и т. д.

В настоящее время наблюдается постепенное проникновение в сагайский диалект почти на всей территории его распространения долгих *o*, *ö*:, причем как в начальные, так и в конечные слоги слов.

Сопоставляемые конечные *a*: ~ *o*:, *e*: ~ *ö*:, как и другие долгие гласные хакасского языка, возникли в процессе фонетического развития известных в тюркских и монгольских языках звукосочетаний *-aуи*, *-egü*². Однако в отличие от корневых гласных конечные долгие получили в диалектах различные звуковые огласовки. В качинско-кызыльской группе после выпадения согласных *у*, *g* произошло огубление вновь образованных долгих гласных (*-aуи* > *ai* > *o*:, *-egü* > *eü* > *ö*:); а в сагайском и шорском диалектах новообразованные гласные не подверглись огублению. Огласовка коснулась лишь широких гласных *a*, *e* (*-aуи* > *ai* > *a*:, *-egü* > *eü* > *e*:).

Древнетюркские *qıgaуи* 'иней', 'изморозь', *qavaуи* 'трут', *bilegü* 'брусок', 'точильный камень', *idegü* 'деревянная прокладка, на которую насаживаются жернова мельницы'³ в современном сагайском диалекте соответственно звучат как *хуга:*, *хаба:* *ide:/üde:*, а в качинском и кызыльском — *хуго:*, *хабо:*, *pılö:*, *ido*⁴. Первые три слова сохранили древние лексические значения, а четвертое подверглось изменению: в современном хакасском языке оно означает «подстилка под ручную мельницу».

Долгие *a*: ~ *o*:, *e*: ~ *ö*:, входящие в состав сложных аффиксов собирательных числительных *-a:laһ* ~ *-o:laһ*, *-e:leһ* ~ *-ö:leһ*, также являются результатом эволюции древних аффиксов: *-aуи*, *-ägü* со значением собирательности⁵; древние *ikägü* 'вдвоем', *ucägü* 'втроем', *jüzägü* 'сто' (собр.)⁶ в современном хакасском языке звучат как *ike:leһ* ~ *ikö:leһ*, *üze:leһ* ~ *üçö:leһ*, *üzö:leһ*, *çüze:leһ* ~ *çüzö:leһ*, *şüzö:leһ*. Древнетюркское *birägüsi* 'один из них' в современном кызыльском диалекте произносится как *pı-rö:zi/pırö:zi*.

С помощью диалектных вариантов аффиксов в хакасском языке образованы следующие собирательные числительные: *türte:leһ* ~ *törtö:leһ* 'вчетвером', *pize:leһ* ~ *pizö:leһ* 'впятером', *alta:laһ* ~ *alto:laһ* 'вшесте-

² Н. К. Дмитриев. Вторичные долготы в тюркских языках. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I. Фонетика. М., 1955, стр. 198; Ц. Номинханов. Интервокальное положение звуков *g*, *f* в хакасском языке. — В сб.: «Вопросы хакасского языка и литературы». Абакан, 1955, стр. 60; Ф. Г. Исхаков. Хакасский язык. Краткий очерк по фонетике. Абакан, 1956, стр. 9—14; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 66.

³ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 445, 436, 99.

⁴ Слово *ido*: впервые записано у качинцев левобережья Енисея В. Я. Бутанаевым. Варианты *ide:/üde:* и глагол *ide-/üde-* 'убирать ручную мельницу с подстилки' записаны нами у сагайцев верховья реки Аскиза.

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 187.

⁶ Там же.

ром', čite:leŋ ~ čitō:leŋ 'всемером', sigize:leŋ ~ sigizō:leŋ 'восьмером', to:γūza:laŋ ~ to:γuzo:laŋ 'двядцетером', opa:laŋ ~ opo:laŋ 'дццетером' и только в кызыльском диалекте имеется неопределенное местоимение ri-gō:leŋ 'некто', 'кто-то' — от ri-g 'один'. В некоторых монгольских заимствованиях наблюдается отклонение от общей закономерности образования долгих гласных *a*, *o*, *e*, *ō*: в конечных слогах. Причем здесь хакасским долгим *a*: ~ *o*:, *e*: ~ *ō*: соответствуют стечения узких гласных с интервокальными *γ*, *g* (-*γγ*, -*igγ*); например: serigūp 'прохладный', deligūp 'селезенка'⁷, bigiγū 'провинность, вина' — в старописьменном монгольском и sire:n/sūre:n ~ sōgō:n 'прохладный' (sōgōci 'прохлада'), tile:n/tūle:n ~ tōlo:n 'селезенка', rγgo: 'вина', 'провинность' — в диалектах хакасского языка.

Своеобразную закономерность возникновения долгих гласных в монгольских заимствованиях можно предположительно объяснить тем, что в хакасский язык эти слова проникли уже после образования в них долгих гласных в соответствии с фонетическими законами монгольских языков.

В приведенной группе слов, как уже отмечалось, диалектно соотносительные *a*: ~ *o*:, *e*: ~ *ō*: находятся в основах, не поддающихся морфологическому членению, то есть корневая морфема их не функционирует как самостоятельная лексическая единица. Это позволяет предположить, что процесс образования долгих гласных в них завершился в далекой древности.

В современном хакасском языке процесс образования долгих *a*: ~ *o*:, *e*: ~ *ō*: можно наблюдать в целом ряде типов словообразования, в том числе в отглагольных именах, если основа глагола оканчивается на гласные *a*, *e*, а аффиксы начинаются с согласных *γ*, *g* (-*γγ*, -*gγ*, -*γγs*, -*gγs*, -*γγč*, -*gγč*). Например, при образовании существительных с аффиксами -*γγ*, -*γγs* от глаголов хоγуга- 'звенеть глухо', саба- 'сбивать шерсть' аффиксальный согласный *γ* между гласными *a* и *γ* выпадает, а стяжение *aγ* (неогубленных широкого и узкого) дает в сагайском диалекте долгий неогубленный *a*: (хоγуга:, саба:s), а в качинском и кызыльском — долгий *o*: (хоγуго:, сабо:s, сабо:).

Аналогичным путем образуются соотносительные фонетические пары слов в сагайском, шорском, качинском, кызыльском диалектах:

ričūre: ~ кач. ričigō:, кыз. ričigō:l 'сырки' от ričige- 'сочиться';

xosta: ~ xosto: 'вид стрелы' от xosta- 'гнать', 'гнаться', 'гоняться';

кач. tīgō:s, кыз. tīgō:č, 'подпорка' от tige- 'подпирать';

кач. riłō: 'брусок', 'точильный камень' от riłe- 'точить'; кыз. папо:č 'брусок', 'точильный камень';

tyrba:s ~ кач. tyrbo:s, кыз. tyrwo:č 'грабли' от tyrba- 'грести', 'чесать', 'царапать';

таγзγга:s ~ таγзуго:s 'суетливый', 'торопливый' от таγзуга- 'спешить', 'торопиться';

уγγга:s ~ уγγго:s, кыз. уγγго:č 'скрипучий' от уγγга- 'скрипеть' и т. д.

Полная, древняя форма аффиксов -*γγ*, -*γγs*, -*γγč* сохраняется в тех словах, где глагольная основа оканчивается на сонорные согласные: саг. subγγγ, кач., кыз. sibirgi 'метла', 'веник' от sybyr-/sibir- 'мести', 'подметать', ругγγ 'охотничий рожок' (ср. руγлат- 'издавать звуки губами'), хугγγс 'скребок' от хуг- 'скрести', talγγ 'кожемялка', ilgis 'вешалка' и т. д.

Различие конечных долгих *a*: ~ *o*:, *e*: ~ *o*: позволяет провести параллели между диалектами хакасского языка и многими другими тюркски-

⁷ Слова приводятся по книге: Г. Д. Санжеев. Старописьменный монгольский язык. М., 1964, стр. 36.

ми языками. Так, сагайский и шорский диалекты имеют общие фонетические признаки с тувинским, шорским языками и некоторыми диалектами алтайского языка. Здесь долгие гласные, как отмечалось выше, получают огласовку в зависимости от широкого гласного, имеющегося в звукосочетаниях *-aŋi*, *-egü* (*-aŋi > ai > a:*, *-egü > eu > e:*). А качинский и кызыльский диалекты примыкают к киргизскому языку. При наличии общих слов, входящих в вышеописанные группы, конечные долгие *o:*, *ö:* в качинском и кызыльском диалектах и в современном киргизском языке совпадают. Это можно проследить при сравнении киргизских слов с хакасскими. Сопоставляемые слова⁸ имеют общий морфологический и звуковой состав и семантику:

кирг. *bilö*: — кач. *pilö*: 'брусок', 'точильный камень';
tyrmo: 'грабли', *tyrmo:č* 'борона' — *tyrbo:s*, *tyrwo:č* 'грабли';
qygo: — хуго: 'иней';
qygo:lon — хуго:*lan* 'покрыться инеем';
tumo: — *tumo*: 'насморк';
qapčo: — хамčo: 'сыпь, кожная болезнь';
šybo: — *syumo*: 'запах пота от ног';
közö:/kösö: — кач. *közö:s*, кыз. *közö*: 'кочерга', 'палочка, которой поправляют огонь в очаге';
közöč 'долото' — *közö*: 'сук';
tiğö:č — кач. *tiğö:s*, кыз. *tiğö:č* 'подпорка';
tuzo: — *ruzo*: 'теленок';
küjö: 'жених', 'молодой муж', 'зять' — *kizö*: 'зять';
biğö:, *biğö:si* 'один из них' — кыз. *riğö:zi* 'один из них', 'один из многих';

əkö: 'двое', 'вдвоем' — *ikö:leŋ* 'вдвоем'⁹ и т. д.

В свое время Б. М. Юнусалиев обратил внимание на общий характер образования долгих гласных в киргизском языке и тюркских языках народов Сибири, в частности в хакасском. Наши материалы в определенной мере подтверждают это мнение. В качинском и кызыльском диалектах и в киргизском языке, в отличие от других тюркских языков, долгие гласные, возникшие в результате стяжения неогубленных (широкого и узкого) гласных, подвергаются огублению. Б. М. Юнусалиев объясняет это явление в киргизском языке переходом согласных *ɣ*, *g* в губно-губной *ɤ*, оказывающий сильное влияние на окружающие его гласные¹⁰.

Такими же фонетическими модификациями, вероятно, следует объяснять огубление конечных долгих гласных в диалектах хакасского языка, тем более, что факультативное чередование *ɣ*, *g* и *ɤ* здесь наблюдается и в настоящее время (*suɣat/suwat* 'водопой', *suɣyt/čiwit* 'замочить'). Можно предположить следующую последовательность образования качино-кызыльских конечных *o:*, *ö:*. Звукосочетания *-aŋi/-aŋu* в процессе своего развития совпадают в одном варианте *-awu* (*ɣ* переходит в *ɤ*, уз-

⁸ Киргизские слова приводятся по книге: К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

⁹ Из киргизского языка взяты лишь слова с конечными долгими *o:*, *ö:* (независимо от действия закона сингармонизма), образовавшимися из звукосочетаний *-aŋi*, *-egü*. Для сопоставления не привлекались слова с долгими *o:*, *ö:* в конечной позиции, которым в диалектах хакасского языка соответствуют звукосочетания *-aŋ*, *-eg*, *-yŋ*, *-ig* (*ulo*: — *ulaŋ* 'соединение', *uŋgo*: — *uŋgaŋ* 'встреча', *ušto*: — *uštaŋ* 'копчение', *suro*: — *siɣu* 'вопрос').

¹⁰ Б. М. Юнусалиев. Киргизская лексикология, ч. I. Развитие корневых слов. Фрунзе, 1959, стр. 23—24; *его же*. О позиционном влиянии звука *ɤ* в киргизском языке. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Ташкент, 1965, стр. 28—33.

кий неогубленный гласный под действием ω огубляется), в дальнейшем огублению подвергается широкий гласный a , вследствие чего звукосочетание $-a\omega$ приобретает форму $-o\omega$, а при выпадении ω ¹¹ вновь образовавшийся долгий гласный звук получает огласовку по широкому гласному o , как это наблюдается в корнях слов во всех диалектах. Схематично это может быть выражено следующим образом: $-a\gamma u/-a\gamma u > a\omega > o\omega > ou > o;$; $-eg\ddot{u}/-egi > e\omega > \ddot{o}\omega > o\ddot{u} > \ddot{o}:$.

Сопоставление отдельных явлений хакасского языка с киргизским производится на основе утвердившегося в советской тюркологии мнения о родстве языков народов Южной Сибири и современных киргизов, восходящем к общей древней основе этих языков. Так, С. Е. Малов пишет о том, что современные киргизский и тюркские языки юга Сибири (тувинский, тофаларский, хакасский) восходят к древнекиргизскому языку памятников письменности, найденных в бассейне р. Енисея¹². Этому мнению соответствует и точка зрения Е. И. Убрятовой, утверждающей по результатам проведенного ею грамматического анализа, что тюркская основа языков Южной Сибири — общая с основой современного киргизского языка и что все они, по-видимому, восходят к древнекиргизскому языку¹³.

Периодом возникновения культурных (а следовательно, и лингвистических. — Д. П.) связей народов Саяно-Алтая Л. Р. Кызласов считает IX—XII вв.¹⁴, когда закладывалась историческая основа хакасского языка. В последующем, в эпоху монгольских завоеваний в условиях раздробленности и разобщенности народов, наряду с общим развитием языка-основы, вероятно, развивались и особенности племенных языков, сформировавшиеся впоследствии в признаки диалектного членения языка. Существование соотносительных конечных $a: \sim o:$, $e: \sim \ddot{o}:$ в современных диалектах хакасского языка следует рассматривать как следствие именно такой исторической преемственности общего развития языка-основы.

Отсутствие письменных источников затрудняет определение времени образования из одних и тех же звукосочетаний разных долгих гласных:

$$-a\gamma u/-eg\ddot{u} \begin{matrix} \swarrow a: \\ \searrow o: \end{matrix}, \quad -eg\ddot{u}/-egi \begin{matrix} \swarrow e: \\ \searrow \ddot{o}: \end{matrix}$$

Однако можно с достаточным основанием предположить, что это произошло на рубеже среднетюркской и новотюркской эпох — в XIV—XV вв., ибо в новотюркскую эпоху (XV—XX вв.), по мнению Н. А. Баскакова, происходило уже окончательное формирование современных тюркских народностей и языков¹⁵. Во всяком случае, к началу XVIII в. описываемые диалектные особенности проявляются уже как вполне оформившиеся закономерности. В изданных и рукописных трудах дореволюционных ученых — исследователей Сибири, сохранились записи хакасских слов и фраз, относящихся к первой трети XVIII в. и первой четверти XIX в., где конечные соотносительные $a: \sim o:$, $e: \sim \ddot{o}:$ хорошо прослеживаются; например, $\text{ro}\ddot{g}\ddot{o}$ 'цветок' в материалах Д. Г. Мессершмидта (совр. $\text{ro}\ddot{g}\ddot{o}$), $\text{to}\ddot{g}\ddot{o}$ $\sim$ $\text{to}\ddot{g}\ddot{a}$), buzo 'теленка', $\text{ha}\ddot{b}\ddot{o}$ 'трут' в «Лексиконе...» Г. Ф. Мил-

¹¹ Выпадение ω между гласными — обычное явление в рассматриваемых диалектах.

¹² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 7—8.

¹³ Е. И. Убрятова. Новый киргизско-русский словарь. — «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук», вып. I. Новосибирск, 1967, № 1, стр. 130—131.

¹⁴ Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. — «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VIII. Абакан, 1960, стр. 76—77.

¹⁵ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 61.

лера (совр. pŷza: ~ ruzo:, xaba: ~ xabo:); ruzo, buzo, boza 'теленок', tor-bož', tyrbožy 'грабли', žižgo 'вилы' в «Словаре...» Г. И. Спасского (совр. ruza:, ruza:, ruzo:, tyrbo:s, tyrwo:č, syzygo:). В словнике под названием «Перевод Российского словаря на языки: качинский, кызыльский, кайдынский, сагайский и бельтырский», кроме того, нашли отражение диалектные формы собирательных числительных: altola от alty 'шесть' (совр. alta:laŋ ~ alto:laŋ), žitele от čiti 'семь'¹⁶ (совр. čite:leŋ ~ čitö:leŋ).

Приведенные слова не следует рассматривать как частные примеры в развитии хакасского языка XVIII века, ибо они отражают общую внутреннюю закономерность его диалектно-племенного подразделения. Это подтверждается также языковыми материалами, записанными в XIX веке и богато представленными в трудах русских ученых.

Таким образом, можно заключить, что соотносительные конечные долгие *a: ~ o:*, *e: ~ ö:*, выступающие в качестве признака членения современного хакасского языка на диалектные группы, восходят к древнетюркским звукосочетаниям *-aŋu/-aŋy*, *-egü/-egi* (ранее XIV—XV вв.) и до формирования общенационального хакасского языка функционировали как особенности племенных языков.

¹⁶ Материалы, на которые дается ссылка, опубликованы в книгах: «Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы». Абакан, 1973; «Словарные материалы по хакасским диалектам XVIII в.». Публикация и комментарии М. И. Боргоякова; Г. И. Спасский. Словарь языка, употребляемого кизильцами, качинцами и сагайцами, собранный в 1804 году. Публикация и краткие пояснения к «Словарю» Д. Ф. Патачаковой; см. также: Л. П. Поганов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957 (в приложениях опубликованы словники койбальского и моторского языков, составленные Г. И. Спасским в 1806 году).

Ф. ХАКИМЗЯНОВ

СЛЕДЫ ДИАЛЕКТОВ В ЯЗЫКЕ ПАМЯТНИКОВ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

В X в. н. э., как известно, в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье сложилось Булгарское государство. В его состав входило множество различных племен, на что указывает также отсутствие единого мнения у восточных авторов в определении национальной принадлежности булгар. По-видимому, сюда входили финно-угорские, тюркские и славянские племена.

Ввиду отсутствия каких-либо булгарских исторических источников о языке волжских булгар можно судить лишь по заимствованиям, сохранившимся в других языках, по отдельным словам, зафиксированным в книге Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк» и, наконец, по дошедшим до нас надгробным текстам XIII—XIV вв. Причем свидетельства эти весьма противоречивы с фонетической точки зрения. Махмуд Кашгари выделил, например, как самостоятельные булгарский и суварский языки, определив их как очень близкие к кыпчакским и огузским языкам, что говорит о существовании в Волжской Булгарии нескольких разговорных языков. В приводимых Махмудом Кашгари примерах отсутствует ламбдаизм и ротацизм, тогда как для большинства эпитафий характерно преобладание *l* и *r*.

Несмотря на ряд общих черт, исследователи отмечают в эпитафиях различия в особенностях оформления надгробий и расхождения в написании одних и тех же слов. Так, начиная со второго периода изучения булгарских эпитафий¹, когда от фиксации надписей перешли к их лингвистическому исследованию, делались попытки «привязывания» их к какому-нибудь современному языку. На бесплодность и неоправданность подобных попыток указал Э. В. Севортян, призвавший отказаться от них и сосредоточить внимание на всестороннем и исчерпывающем описании каждого конкретного памятника². Все это в полной мере относится и ко многим булгароведческим работам.

Когда Х. Фаезханов в 1863 году впервые расшифровал фразу-анagramму *جیات جور* как числительное «семьсот», он, по словам Н. И. Ильминского, сделал интересное «открытие следов чувашского языка в древних магометанских кладбищах». На основании анализа отдельных слов

¹ См.: Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, стр. 7.

² Э. В. Севортян. Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР. — В сб.: «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Ашхабад, 1961, стр. 20.

надписей Н. И. Ильминский пришел к выводу, что «особенности большей части этих древних форм противу нынешних представляют что-то среднее, переходное между тюркским и нынешним чувашским»³. Хотя в текстах и были замечены колебания в написании отдельных слов, однако этому факту никто тогда не придавал значения.

Впоследствии проделавший большую лингвистическую работу и обосновавший теорию болгарского происхождения чувашей Н. И. Ашмарин пришел к более категоричным выводам: по его мнению, болгарский язык — это и есть чувашский. Он нашел даже объяснение несвойственному чувашскому языку анлаутному звонкому *b*, встречаемому в текстах эпитафий. Н. И. Ашмарин утверждал, что для передачи специфических тюркских звуков болгары вынуждены были использовать имеющиеся в арабском алфавите буквы: по его мнению, арабские *ب*, *ج*, *د* обозначают соответственно чувашские глухие согласные *p*, *č* и *x*⁴.

Нам кажется, что это объяснение не вполне убеждает. Так, в именах собственных, например, *بك* [Bäk'], *بوراش* [Büräš] *بكتمر* [Bäk'tämir], *بولارتاي* [Bü:lär:tāj], *بلتلك* [Bältüläk'] и других в анлауте присутствует звонкий звук (в орхоно-енисейских надписях в данной позиции *p* также не употребляется), хотя в таких словах, как *اضنب* [Ad'näb], *رجب* [Räžäb], *ايوب* [Äjüb] и других вполне допустимо оглушение ауслаутного *b*.

На звонкое начало указывают болгарские заимствования венгерского языка, в котором глухие и звонкие различаются, ср. булг. *بلوک* [bälük'] или *بلوی ک* [bälü:k'] 'памятник, знак', венг. *bélyeg* [bél'eg] 'марка, знак', болг. *белег* [bel'eg] 'знак, метка', тат. *билге* [bilg'e] 'знак, признак', чув. *паллә* [pallä] 'знак, метка'. Все эти факты и само название народа, зафиксированное в различных исторических источниках как *bulgar*, *bolgar* (а не *pälxar*), а также сохранившийся в топонимике Татарской АССР⁵ болгарский пласт подтверждают звонкость анлаутного звука.

Н. И. Ашмарин обратил внимание и на не свойственный чувашскому языку аффикс порядкового числительного *نج* [-nǰ], высказав при этом мнение, что «в болгарском языке того времени существовали местные говоры, отличавшиеся один от другого некоторыми особенностями»⁶. Однако от развития этой идеи он воздержался.

В дальнейшем исследователи, указывая на существование диалектов в болгарском языке, при их выделении исходили из наличия или отсутствия *r*- и *z*-признаков.

Насколько нам известно, современная классификация языка болгарских памятников была впервые предложена Н. Ф. Калининым⁷. Он указал на одновременное существование двух диалектов, нашедших отражение в этих памятниках, вопреки мнению некоторых ученых, утверждав-

³ Н. И. Ильминский. О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками. — «Известия императорского археологического общества». СПб., 1863, т. V, вып. 2, стр. 84.

⁴ См.: Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. Казань, 1902, стр. 103.

⁵ См.: Г. Ф. Саггаров. Антропимы Татарской АССР. Казань, 1973, II глава (на татарск. языке).

⁶ Н. И. Ашмарин. Указ. раб., стр. 90.

⁷ Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар. — В сб.: «Происхождение казанских татар». Казань, 1948, стр. 104. Следует, однако, отметить, что не со всеми положениями автора можно согласиться; об этом см.: Г. В. Юсупов. К вопросу об истории и классификации болгарско-татарской эпиграфики. — «Эпиграфика Востока», XI. М.—Л., 1956, стр. 50.

ших, что рельефные надписи являются татаро-казанскими и относятся к XV—XVI столетиям, а кувические врезные надписи с «чувашизмами» — болгарскими.

Г. В. Юсупов, вначале деливший язык болгарских эпиграфических памятников на I и II диалекты, впоследствии стал пользоваться весьма неудачными, с нашей точки зрения, терминами «древнеболгарский» и «новоболгарский»⁸. Язык эпитафий — это функциональный язык, для которого характерны устойчивые традиции и стандартные формулы и конструкции. Поэтому, констатируя на примерах одновременность существования диалектных различий и в то же время пытаюсь установить их хронологическую последовательность, мы невольно впадаем в явное противоречие.

Перейдем непосредственно к рассмотрению текстов болгарских надгробий.

1. В графо-фонетической системе языка эпитафий прежде всего обращает на себя внимание «джеканье» и «йюканье», например, *جال* [ǰāl], *جل* [ǰāl] и *يل* [jel] 'год'; *جور* [ǰūr], *جور* [ǰōr], *جوز* [ǰü:z] и *يوز* [jü:z] 'сто'; *جيات* [ǰijāti], *جياج* [ǰijāǰi], *جتي* [ǰiti:], *جتا* [ǰitā:] *جت* [ǰāti]. *جاج* [ǰāǰi]. *جج* [ǰāǰi]. *ججا* [ǰiǰā:] и *يتي* [jiti:] 'семь'; *جييرم* [ǰijirme], *جرم* [ǰirme], *جعورم* [ǰeg'ü:irme] и *يكرمى* [jek'ermē] 'двадцать'.

В современных тюркских языках Поволжья — татарском и чувашском — эти слова звучат как *jul*, диал. *ǰul* и *s'ul* 'год'; *jöz*, диал. *ǰöz* и *s'ēr* 'сто'; *jeg'erme*, диал. *ǰeg'erme* и *s'irēm* 'двадцать'; *ǰide* и *s'iče* 'семь'. Из этого сопоставления следует, что болгарскому *ǰ* в современном татарском соответствуют звонкий *ǰ* и щелевой *j*, в чувашском — глухой спирант *s'*. Как отмечают языковеды, чувашский *s'* — это относительно позднее явление, возникшее в результате спирантизации древнетюркского *j* через промежуточную ступень *ǰ*⁹. Несколько иную точку зрения в отношении чувашского анлаутного *s'* высказывает А. М. Щербак. По его мнению, пратюркский **θ*₁ (глухой межзубный спирант) в результате ослабления артикуляции (которое в отличие от общетюркского процесса дивергенции по способу образования имело региональное выражение) дал различные рефлексy, что же касается чувашского *s'*, то он является более древним¹⁰.

Считая чувашский язык самостоятельным языком болгаро-хазарской группы, Б. А. Серебренников писал, что «языку камских болгар, по видимому, не был свойствен процесс спирантизации аффрикаты (*дж*), ... не было этого процесса и в языке тех болгар, с которыми сталкивались венгры»¹¹. Ср. венг. *gyertya* [d'ert'a], чув. *s'urta* 'свеча'; венг. *gyümölcs* [d'ümöl's], чув. *s'imēs'*, тат. *ǰimeš* 'плод' и т. д. Как видно из примеров, венгерские заимствования на месте болгарского *ǰ* имеют *gy* [d'], но в то же время ср. венг. *szél* [sél], чув. *s'il*, тат. *ǰil* 'ветер'; венг. *szőlő* [sölö], чув. *s'ugla*, тат. *ǰiläk* 'ягода' и т. д. Это сопоставление выявляет, что в некоторых заимствованиях чувашскому *s'* и татарскому *ǰ* соответствует

⁸ Г. В. Юсупов. Введение., стр. 36—42.

⁹ См.: Б. А. Серебренников. К истории звуков чувашского языка. — «Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР» (далее — УЗ НИИЯЛИЭ). Чебоксары, 1956, вып. XIV, стр. 82.

¹⁰ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 160.

¹¹ Б. А. Серебренников. К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, болгарским и татарским языками. — УЗ НИИЯЛИЭ, 1956, вып. XIV, стр. 74.

глухой щелевой *sz*. В свое время З. Гомбоц высказал мнение о разных источниках заимствований (разные языки или диалекты одного языка)¹². По мнению же Н. И. Ашмарина, обе группы этих слов носят признаки «чувашизмов», а на болгарских надгробиях чувашский *s'* зафиксирован как $\ddot{z}$ ¹³.

Говоря о болгарских заимствованиях венгерского языка, мы не должны забывать того обстоятельства, что контакты болгарских и мадьярских племен имели место до IX в. н. э. К этому же периоду следует отнести и соответствующие языковые особенности. Не будет большой ошибкой, если допустить, что эпитафии волжских болгар более позднего периода, благодаря консервативности стиля и устойчивости языковых структур, отражают состояние их языка в X—XI вв. Если же в тюркских заимствованиях венгерского языка имеется *s* в какой-то модификации, то, согласно гипотезе Н. И. Ашмарина, он мог быть отражен и в надгробиях. Допустив такую возможность, мы столкнемся с рядом противоречий.

Во-первых, строй арабского языка и строй болгарского (тюркского) различны. И поэтому для передачи звуков своего языка посредством арабской графики болгары должны были либо вводить дополнительные значки, либо же посредством букв, предоставленных в их распоряжение арабской графикой, выражать реальное произношение носителей языка.

Однако в системе согласных языка рассматриваемых текстов добавочных диакритических знаков не зафиксировано, часто даже отсутствуют требующиеся по законам арабской графики точки¹⁴. Иногда, правда, обнаруживаются добавочные точки, требующие дополнительных объяснений, например, под ط . Н. И. Ашмарин высказал предположение, что якобы эта точка указывает на звонкое произнесение данного звука. Расстановку точек, отличную от классического арабского письма, можно наблюдать и в Магрибских рукописях, и в татарских исторических источниках.

Во-вторых, как отмечали Х. Френ и А. П. Ковалевский¹⁵, арабская буква ج (*зайн*), означающая сильно смягченный *z'*, гораздо ближе к *s'*, нежели к $\ddot{z}$; однако вместо ожидаемого *s'* или *z'* в текстах стоит $\ddot{z}$, ср. $\ddot{z}\ddot{a}l$ 'год' и чув. *s'ul*.

В-третьих, можно допустить, что язык, характеризующийся *s*-признаком, из которого мадьяры заимствовали слова с анлаутным *sz*, не нашел отражения в эпитафиях, так как носители этого языка не исповедовали мусульманство, а потому и не ставили памятники с выдержками из корана и текстами, написанными ритуальным арабским письмом.

Все эти доводы указывают на то, что источником заимствований с *sz*-признаком в венгерский язык был не болгарский язык Волго-Камья, ибо процесс спирантизации ему не был свойствен.

¹² Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. — «Mémoires de la Société Finno-ougrienne». Helsinki, XXX, 1912, стр. 208.

¹³ Н. И. Ашмарин. Указ. раб., стр. 37, 103.

¹⁴ Мы не разделяем мнения Т. М. Гарипова, видевшего причину отсутствия точек в недостаточной грамотности резчиков или в неразличении тюрками арабских фонем (см.: Т. М. Гарипов. Старотюркские письменные памятники Башкирии. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 42). За исключением некоторых надгробий, выполненных небрежно, с ошибками, основная часть могильных камней изготовлялась, видимо, в специальных мастерских искусными мастерами.

¹⁵ См.: А. П. Ковалевский. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. — УЗ НИИЯЛИЭ, 1954, вып. IX, стр. 28, 56.

2. В большинстве памятников вспомогательный глагол «быть» представлен в форме ات [äti]. Как известно, древние *t* и *d* перед гласными переднего ряда имели тенденцию к палатализации и переходу в *č* (в памятниках высечен *ž*). Соответствие *t* ~ *ž* (графическое) в вышеприведенных примерах (см. جيات и جياج) указывает на системность данного явления в одном из диалектов болгарского языка. Сюда же нужно добавить пары ات||اج [äti||äži] 'было', زياراتى||زياراج [ziärate||ziäragže] 'место погребения', الجى||الت [älti||älži] 'госпожа'.

В двух из исследованных нами памятников зафиксированы формы بلجى [bolži] и بال ج [bälži?] 'было', а в остальных — بطوى [boltý], بطلى [boltý], بولى [böldý] и т. д. Здесь также налицо вышеупомянутое чередование в сочетании -*lt*||-*lž*.

3. Очень распространенное явление — соответствие *r* ~ *z*. Данный процесс в основном выявляется в написании числительных: جور [žür] 'сто', ср. جوز [žüz] и يوز [jüz]; طحور [toxūr], طحر [toxur] 'девять', ср. طحز [toxuz], توقوز [tüküz]; سكر [säk'ir] 'восемь', ср. سكين [säk'i:z], سкан [säk'iz]; сюда же следует отнести и глухой вариант в слове سكسان [säk'sän] 'восемьдесят'; وتر [wotyr], وتر [woter] 'тридцать', ср. اوتوز [ütüz], اوتز [ütyz].

Помимо всего этого в памятниках встречается форма هير [hi:r] 'дочь', восходящая к общетюркскому *kyz*. Последняя форма пока зафиксирована лишь на одном памятнике из с. Н. Демкино Аксубаевского района ТАССР как قيز .

Многие исследователи считали ротацизм отличительной особенностью чувашского языка и поэтому находили в языке волжских болгар черты современного чувашского языка (некоторые даже их отождествляли). В то же время, найдя *z*-признак, они рекомендовали эпитафистам более требовательно относиться к датировке таких памятников¹⁶ или же ставили вопрос о том, что резчик мог быть кыпчаком¹⁷. Другая группа ученых, как уже выше отмечалось, считала *z*- и *r*-признаки основным критерием выделения диалектов. Одновременное существование этих двух признаков подтверждается и историческим материалом.

В записях Ахмеда ибн-Фадлана (922 г.) одна и та же небольшая речка называется то جاوشير [žäušyr], то جاوشيز [žäušyz]. А. Х. Халиков¹⁸ предложил следующую интерпретацию данного факта: по его предположению, «Джаушыр» — это М. Черемшан, а «Джаушыз» — М. Бахта. Однако исследователь сочинения Ахмеда ибн-Фадлана А. П. Ковалевский, по нашему мнению, вполне убедительно доказывает их тождественность¹⁹. Как указывает Ахмед ибн-Фадлан, название речки «Джаушыз» он впервые услышал в местности Трех Озер, то есть в ставке царя болгар. После своего пребывания на съезде племен, проходившем поблизости от этой речки, он произносит ее название уже с конечным *r*. Такое двойное произношение может свидетельствовать лишь о диалектном различии.

¹⁶ См.: Б. А. Серебrenников. К вопросу..., стр. 73.

¹⁷ М. Р. Федотов. [Рец.:] Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпитафику. М.—Л., 1960. — «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», 1963, т. XXII, вып. 5, стр. 439.

¹⁸ А. Х. Халиков. О столице домонгольской Булгарии. — «Советская археология», 1973, № 3, стр. 94 (см. карту).

¹⁹ А. П. Ковалевский. Указ. раб., стр. 19.

Наши наблюдения также не противоречат этому факту. Носители условно названного нами $\check{z}$ -диалекта в основном обитали в той местности, где проходил съезд племен, а ауслатное r для данного диалекта является характерным показателем. На территории обитания племени болгар (по карте А. Х. Халикова) имеется большое количество надгробных надписей с z -признаком.

4. В памятниках зафиксированы четыре разновидности числительного «пять»: **بيالم** [bijālim], **بلج** (видимо, должно было быть **بلنج** [bālinʒi]), **بش** [biš], **بيش** [bi:š]. Перебой $\check{s}||l$ наблюдается также в словах **جال** [ʒāl] ‘год’ и **ياش** [jaš] ‘год’ (о возрасте). Из современных тюркских языков Поволжья ламбдаизм свойствен лишь чувашскому, а в татарском встречается спорадически или сохранился в диалектах, ср. тат. лит. kaşuk ‘ложка’, но в мамадышском, мензелинском, эчкенском говорах среднего диалекта kalak — ‘столовая ложка’, а в лаешовском, камышлинском говорах kalak — ‘чайная ложка’.

5. Чередование $k||x||h$ наблюдается в написании слов **قىز**||**هير** ‘дочь’, **قورق**||**اخرخ**||**اخرح** ‘сорок’, **توقوز**||**طحور** ‘девять’. Любопытно, что это отмечается во всех позициях. Л. З. Заляй²⁰ приписывал x -признак суварскому диалекту, а k -признак — диалекту основного болгарского племени. Деление на суварский и болгарский языки, как уже отмечалось, имеется у Махмуда Кашгари, но это пока не нашло подтверждения ни в историческом, ни в лингвистическом плане.

В настоящем сообщении мы не имеем возможности подробно останавливаться на всех диалектных различиях, имеющих в эпитафиях. Поэтому попытаемся сгруппировать наиболее характерные из них.

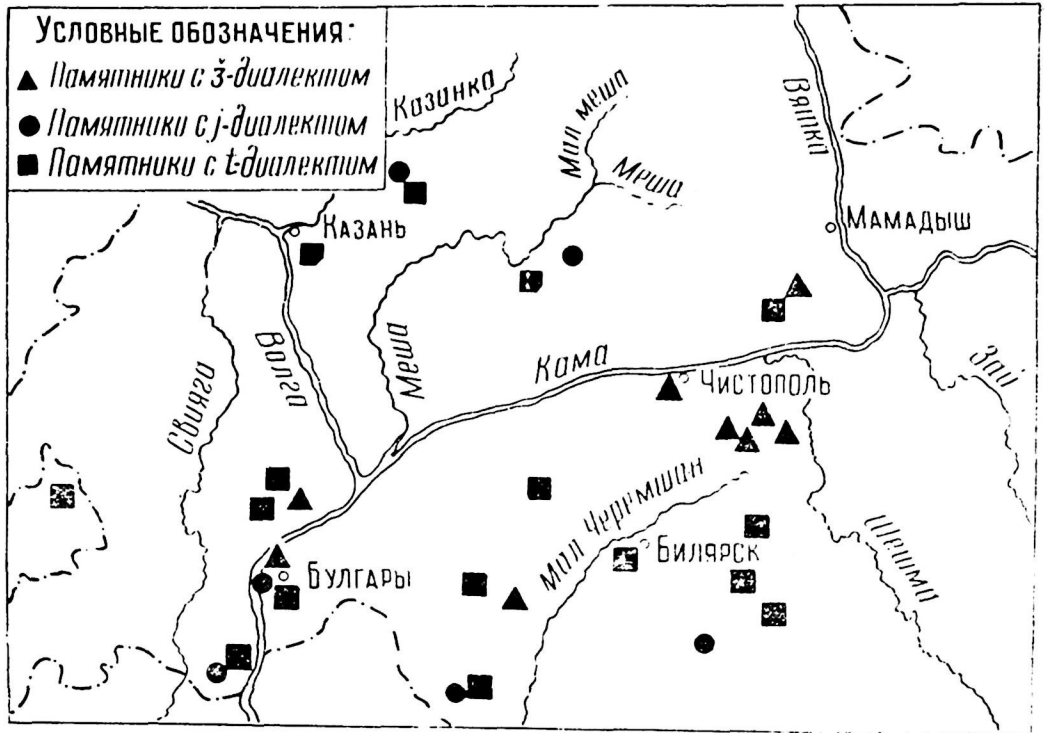
Некоторые носящие системный характер признаки были положены в основу выделения диалектов болгарского языка. К таким мы относим:

- а) для $\check{z}$ -диалекта —
- 1) графо-фонему $\check{z}$ в начале слова;
  - 2) глагольную форму 3-го лица прошедшего времени $\check{a}zi$ ‘был’;
  - 3) графо-фонему $\check{z}$ в середине слова;
  - 4) глагольную форму 3-го лица прошедшего времени $bol\check{z}i$ ‘было’;
  - 5) ротацизм;
- б) для j -диалекта —
- 1) графо-фонему j в начале слова;
  - 2) глагольную форму 3-го лица прошедшего времени $\check{a}rdi$ ‘был’;
  - 3) графо-фонему j в середине слова;
  - 4) глагольную форму 3-го лица прошедшего времени $buldu$ ‘было’;
  - 5) z -признак;
- в) для t -диалекта —
- 1) графо-фонему $\check{z}$ в начале слова;
  - 2) глагольную форму 3-го лица прошедшего времени $\check{a}ti$ ‘был’;
  - 3) графо-фонему t в середине слова;
  - 4) глагольную форму 3-го лица прошедшего времени $bolty$ ‘было’;
  - 5) ротацизм.

²⁰ Л. Заляй. Материалы по исторической фонетике татарского языка. Казань, 1954, стр. 75 (на татарск. языке).

К $\ddot{z}$ -диалекту мы относим ряд памятников XIV в., обнаруженных на территории ТАССР в селах Тат. Толкиш (1348 г.), Чув. Елтань и Исляйкино Чистопольского района (два последних без даты и не опубликованы), а также четыре камня из с. Ст. Ромашкино того же Чистопольского района (один 1333 года, остальные без даты и не опубликованы), из Чистопольского городского музея (1335 г.), из с. Ст. Атрясы Апастовского района (1303 г.), из с. Тяжбердино Алькеевского района (1307 г.), из с. Н. Яки Мамадышского района (1345 г.). Как свидетельствуют места находок этих надгробий, носители отраженного в них диалекта жили в основном вблизи устья р. Шешма и несколько севернее ее.

К j -диалекту мы относим следующие памятники: из с. Булгары Куйбышевского района ТАССР (1311/12 г.) и три неопубликованных и не датированных памятника отсюда же, из с. Ст. Баран Куйбышевского района ТАССР (1345 г.), из с. Н. Демкино Аксубаевского района ТАССР (1357 г.), из Государственного музея ТАССР (1328 г.), из с. Мавлютово Кушнаренковского района БАССР (1342/43 г.) и др. Эти памятники несколько разбросаны и поэтому определить территорию расселения носителей языка, которые нашли в них свое отражение, весьма трудно.

К t -диалекту мы относим большинство болгароязычных памятников, обнаруживаемых почти по всей территории государства волжских болгар.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

А. ЖАРИМБЕТОВ

ТЮРКИЗМЫ В РУССКИХ НАЗВАНИЯХ ФРУКТОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ И КУСТАРНИКОВ

Вопроса о тюркских заимствованиях в русских названиях растений в своих работах касались многие авторы, однако эта часть заимствованной лексики до сих пор еще не была предметом специального исследования.

В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением тюркизмов только в названиях фруктовых деревьев и кустарников без разграничения их по семействам и видам, а также в названиях сушеных фруктов.

При исследовании заимствованных названий растений необходимо четко разграничивать растения дикорастущие и культурные. Дело в том, что заимствование названий первых из них происходит довольно просто: слово обычно переходит в другой язык через посредство его говорчиков, соседствующих с носителями того языка, из которого это слово заимствуется. В отличие от этого «названия культурных растений, — как справедливо указывал А. К. Боровков, — часто имеют огромный ареал распространения и очень сложную историю в различных языках»¹. Последнее обстоятельство нередко затрудняет определение как языка-источника, так и путей проникновения слова в тот или иной язык.

В данной статье делается попытка определить пути заимствования названий именно культурных растений, временную и территориальную локализацию этих заимствований, а где возможно и их этимологию. Кроме того, делается попытка проследить фонетические, морфологические и семантические изменения, которые претерпели тюркские названия плодовых растений в русском языке.

А й в а. Слово *айва* в русском языке обозначает южное плодое дерево семейства яблоневых (*Cydonia vulgaris*) и плод этого дерева (ССРЛЯ, I, 67)².

В письменных памятниках впервые встречается в «Статейном списке о посольстве... в Царьград» 1642 (По КСРС).

В первый раз слово было зафиксировано в Словаре Академии Российской 1789 г. Словарь того же названия 1806 г. указывает на турецкое происхождение слова *айва* (САР 1806, I, 14).

Слово известно только в восточнославянских языках. Ср. укр., белорус. *айва* — с тем же значением.

¹ А. К. Боровков. Названия растений по бухарскому списку «Мукаддимат ал-адаб». (К изучению узбекской ботанической терминологии). — В кн.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 96—111.

² Список сокращений смотрите в конце статьи. Римские цифры указывают том, арабские — страницу.

Бернекер (I, 26), Горяев (1892, 1), Преображенский (Преобр., I, 4), а вслед за ними М. Фасмер (Фасм., I, 64) относят это слово к турецкому языку. «Словарь современного русского литературного языка» (в 17-ти тт. М.—Л., 1949—1965) ограничивается лишь общим указанием на тюркское происхождение слова.

Н. М. Шанский утверждает, что слово заимствовано из турецкого языка не позже первой половины XVII в. (Шан. ЭС, I, 55).

Тюркский прототип русского *айва* отмечен еще в «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари (XI в.) в несколько иной фонетической форме (МК, I, 137). Все издатели словаря транскрибируют его как *awja*, *avia*.

Русское *айва* переводчик «Дивана» Махмуда Кашгари на узбекский язык и его исследователь С. Муталлибов рассматривает как метатезу древнетюркского *awja*³. Явление метатезы, как известно, было широко распространено в тюркских языках еще во времена Махмуда Кашгари. Вот что пишет, например, автор «Дивана»: «Человек из племени барсагон слово *buɟaj* („пшеница“) — произносил *buɟaj*. Чтобы узнать человека этого племени, достаточно попросить произнести слово *buɟaj*» (МК, III, 182).

Метатеза имеет место также и в современных тюркских языках и их диалектах (ср. узб. *eɟiɟ* — *eɟiɟ*, каракалп. *ɟaɟaɟ* — *ɟaruɟaɟ* и др.). Поэтому вполне закономерно предположить, что слово *awja* могло подвергнуться метатезе еще в древний период, поскольку в современных тюркских языках, сохранивших это слово, встречаем уже близкие к русской форме параллели: тур., крым.-тат. *aɟva*, кумык. *ɟaɟva*, азерб. *heɟva*.

По мнению исследователей географии растений, родиной культурной айвы следует считать Кавказ. С Кавказа айва распространилась в Малую Азию, оттуда в Грецию и далее в Рим. На севере же айва проникла с Кавказа в Крым, в Южную Россию и на Украину. В Среднюю Азию айва попала не с Кавказа, а еще в древние времена из Северного Ирана⁴.

Поэтому можно предположить, что древнетюркское название айвы *awja* сохранилось лишь в тюркских языках Кавказа, а в остальных языках не получило распространения или же было вытеснено персидским *beh* (Галун., 13) (ср. туркм. *beji*, кирг. *bixi*, узб. *bihi*, каракалп. *behi* и др.). Современное же чув., башк. *aɟva* является заимствованием уже из русского языка.

Указывая на то, что слово *айва* могло быть заимствовано только в Крыму, Н. К. Дмитриев писал: «...сомнительно, чтобы русские получили айву из Турции, поскольку она была самым обычным продуктом Крымского полуострова» (Дмитр., 8). Нельзя не признать справедливость подобного утверждения.

Слово *айва* в русском языке ассимилировалось полностью, восприняв родовую принадлежность, падежные флексии и формообразовательные суффиксы: *-ин* (*айви́ное*), *-ов* (*айво́вое*), *-очн* (*айво́чное*) *варенье* (Даль, I, 7). Сохранилось также ударение на конечном слоге, колебания наблюдаются лишь в редких случаях. М. Фасмер приводит обе формы: *айва́* и *айва* (Фасм., I, 64).

А л ы ч а. Слово *алыча* в современном русском языке употребляется в двух значениях: 1) «род мелкой сливы» (*Prunus spinosa*); 2) бот. «деревцо или кустарник семейства розоцветных, растущих на юге СССР, особенно в Закавказье» (ССРЛЯ, I, 103).

³ С. М. Муталлибов. «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгарского (перевод, комментарии, исследование). Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1967, стр. 61.

⁴ П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. Изд. 2-е. Л., 1964, стр. 500.

Отмечены диалектные варианты: *альча́* (СРНГ, I, 246) — «род мелкой сливы»; *лыча́* (Даль, I, 13) — то же; *альчи́нка* — 1) «плод алычи»; 2) «молодое деревцо алыча» (СРНГ, I, 247).

Слово встречается в «Десятилетнем странствии» Ф. Ефремова⁵: «*алю* род слив» (Шан. ЭС, I, 83).

Впервые отмечено в Словаре Даля 1863 г. (Даль, I, 13). Существует только в восточнославянских языках: укр. *алича*; белорус. *алыча*.

Тюркский вариант слова зафиксирован у Махмуда Кашгари (ДТС, 40): *alıç* 'алыча'. У В. В. Радлова отмечается в двух значениях: 1) «мелкая слива»; 2) «хороший сорт садовых слив» (Радл., I, 388). Встречается в ряде тюркских языков: тур. *alıç*; азерб. *al(u)ça*; туркм., тат. *aluça* и других 'мелкая слива'.

В северных диалектах киргизского языка представлена форма *alça* со значением 'вишня' (Юдах., 53), ср. *alça* 'вишня' и *alıçä* 'род мелкой сливы' (Наджиб, 46; 50). Источником слова *алыча* является персидский язык: перс. *alu*, *alıçe* 'слива' (Миллер, 69).

Языком-посредником в проникновении рассматриваемого слова в русский язык А. Г. Преображенский считает татарский (Преобр., I, 6), а Фасмер — азербайджанский (Фасм., I, 74). По лингвогеографическим соображениям, как нам кажется, правильнее считать слово заимствованным из азербайджанского языка в XIX в.

Диал. *алуха*, отмеченное в говорах Владимирской области, обозначает сорт вишни (СРНГ, I, 242). Видимо, это слово произошло из тюркского *alça* 'вишня' в результате переосмысления: *ал-ух-а* (по цвету — «алый»).

А р м у д. В южных диалектах русского языка словом *армуд* называют дерево и плод *Cydonia vulgaris*, то есть айву (СРНГ, I, 276 и сл.). Существует также форма *армуда* (СРНГ, I, 277) с тем же значением.

Слово *армуд* отмечается в словаре Даля: «армуд — айва, бедряна» (Даль, I, 23).

М. Фасмер приводит несколько тюркских параллелей данного слова, не указывая на конкретный источник заимствования.

В тюркских языках слово *armut* отмечается еще в Словаре Махмуда Кашгари (МК, I, 120) и в «Codex Cumanicus»⁶ в форме *armut*. Приводится также в «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова (Радл., I, 34; I, 649).

В большинстве тюркских языков данное слово имеет значение «груша», «сорт груши». В русских же говорах произошло семантическое изменение: название *armut* было перенесено на айву. Этому слову у В. В. Радлова, а также в СРНГ приписывается персидское происхождение.

Слово *армуд* могло быть заимствовано в русский из языка, в котором оно имело в ауслaute звонкий согласный *d*, ибо на русской почве не могло произойти озвончения конечного *t*. Поэтому неприемлемы уйг. *armit*, туркм. *armit*, кумык. *ʔarmit* и др. В турецком существует два варианта: *armit* и *armitid*. В азербайджанском имеется только форма *armitid*. Поэтому и по причинам культурно-исторического характера заимствова-

⁵ «Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского ассессора, десятилетнее странствование и приключения в Бухаре, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию и Россию». СПб., 1786, стр. 31.

⁶ W. Radloff. Das Türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. Komanisch-Deutsches Wörterverzeichnis. (Memoires de L'akademie imperiale des sciences de Saint-Petersbourg. Tome XXXV. St.-Pbg., 1887).

ние этого слова южнорусскими говорами из азербайджанского языка вполне вероятно.

Слово *армуд* зафиксировано, в частности, в говорах Северного Кавказа [в говоре гребенских казаков и жителей станицы Александрийской Кизлярского района Дагестанской АССР (СРНГ, I, 276 и сл.; Сел. II и сл.)].

Б е р г а м о т. В русском языке это слово является общим названием некоторых сортов груши и выступает в качестве ботанического термина (ССРЛЯ, I, 393). Оно обозначает также *Citrus bergamia* — небольшое дерево семейства рутовых с грушевидными, иногда округлыми плодами (БСЭ, IV, 620).

В смоленских говорах имеется форма *бергамотина* для обозначения грушевого дерева сорта «бергамот», ср. также псковск., ленингр., смоленск. *бергамотка* — уменьшительное от «бергамот (плод)» (СРНГ, II, 242).

Слово впервые фиксировано в Записках Болотова 1738—1795 гг. (По КСРС). Имеется в Словаре Нордстета 1780 г. Существует во всех славянских языках. Ср. укр. *бергамота* (Гринченко), *бергамот*; белорус. *бергамот*, польск. *bergamota*, *bergamuta*, *pergamuta*, *bergamotka* (Линде); чешск. *bergamotka*; словацк. *bergamota*, *bergamotka*; болг. *бергамот*; серб.-хорв. *бергамота*; словенск. *bergamotnica* (Шан. ЭС., II, 92).

По общему мнению, это турецкое слово вошло в русский через европейские языки. Ссылаясь на словари Гамильшега, Ключе-Гетце, Локоча, М. Фасмер выводит русское *бергамот* из тур. *bej armudu* (*beg armudu* > *bej armudu*) 'бейская, княжеская груша', проникшего в итальянский язык, а затем во французский и фонетически переоформившегося в результате народноэтимологического сближения с местным топонимом *Bergamo*: ит. *bergamotta*, фр. *bergamotte*. Этому же мнения были также Н. К. Дмитриев и Н. М. Шанский (Дмитр., 21; Шан. ЭС., II, 92).

«Словарь иностранных слов» объясняет это слово неверно: из ит. *bergamotto* < *pega bergamotta* 'бергамская груша' (СИС, 1954, 104).

О «европейском» пути данного турецкого по происхождению слова говорит и то, что оно отсутствует почти во всех тюркских языках. А чув. *bergamot* (Егоров, 25) является заимствованием из русского.

И з ю м. Это широко известное в русском языке слово⁷, означающее «сушеные ягоды винограда», встречается в русском памятнике конца XVI в.: «Велите ему послать сейчас к Сибирским царевичам и царицам перцу толченого. ягод винных, две гривенки изюму»⁸, а также в «Домострое» по списку И. Е. Забелина⁹ и в «Хождении» Котова¹⁰ (см. Фасм., II, 124; Назаров. 268). Из словарей отмечается впервые в «Лексиконе» Вейсмана 1731 г. (Вейсм. Лекс. 1731, 509), затем в «Российском целлариусе» (Росс. целлариус 1771, стр. 188) САР 1792 года фиксирует формы *изюмина*, *изюминка*.

Слово *изюм* по происхождению относится к общетюркской лексике и встречается в древнетюркских письменных памятниках: *üzüm* (МК, I,

⁷ В. И. Даль отмечает для рязанских говоров вариант *гузюм*.

⁸ См.: «Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией», т. II (1598—1613 гг.). СПб., 1841.

⁹ «Домострой» по списку Забелина. Чтения Общества истории и древностей. М., 1881, № 2.

¹⁰ «Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой половине XVII века». — «Известия Отделения русского языка и словесности», XII, 1 (1907), стр. 73.

104); *jüzüm* («Codex Comanicus», 126). Эти два варианта, отмеченные В. В. Радловым (Радл., III, 621), имеются в основном во всех современных тюркских языках: азерб., туркм., уйг., кр.-тат. *üzüm* 'виноград', ср. каз., каракалп. *žüzim* — то же значение и др.

В. В. Радлов и Н. К. Дмитриев считают русск. *изюм* заимствованием из крымско-татарского (Назаров, 268; Дмитр., 24). Это вполне возможно по причинам, о которых говорилось выше при рассмотрении слова *айва*.

При заимствовании значение тюркского *üzüm* сузилось на русской почве: «...по-тюркски это означает „всякий виноград вообще” и, в первую очередь, „свежий виноград”, а по-русски — только „сушеный виноград”, то есть такой, каким они его покупали...» (Дмитр., 7—8).

Наблюдается словообразовательное и семантическое изменение русского *изюм* и отдаление его от тюркского прототипа: появляются производные: *изюмец* — уменьшительно-ласкательное от *изюм* («Изюмцу или бы чего») ¹¹, *изюмный* 'сделанный из изюма'; 'относящийся к изюму'.

Наиболее интересны случаи употребления слова *изюм* и его производных в переносных значениях. Существует выражение *не фунт изюму* со значением «не штука, не пустяк». Смотрите употребление этого фразеологизма В. И. Лениным в его выступлении на II Всероссийском съезде горнорабочих: «Преувеличение допускается везде. Есть ведомства, в которых только в одной Москве тридцать тысяч служащих. Это не фунт изюму» ¹².

Слова *изюмина*, *изюминка*, во-первых, употребляются со значением единичности: «одна ягода изюма», во-вторых, имеют переносное значение «что-л. оригинальное, привлекающее какими-то свойствами»: «...у меня конь — изюмина!» ¹³; «Но что тебе сказать? Не было *изюминки*, — знаешь, в квасе *изюминка*? — не было игры в нашей жизни» ¹⁴.

И н ж и р. Слово *инжир* в русском языке как народное название и ботанический термин обозначает субтропическое плодовое дерево из семейства тутовых (иначе — фиговое дерево или смоковница), а также плод этого дерева (фига, смоква, винная ягода). В южных говорах представлен еще вариант *инджир* (Фасм., II, 133).

Слово *инжир* отмечается в «Опыте областного великорусского словаря» 1852 года.

Н. К. Дмитриев предполагает, что русское *инжир*, распространившееся в русском языке главным образом после Октябрьской революции, заменив русское название «винная ягода», восходит к узбекскому *ānžir* (Дмитр., 24), которое, в свою очередь, заимствовано из персидского *apžir*

Однако это утверждение представляется нам недостаточно обоснованным. По фонетическим соответствиям данное слово трудно отнести к какому-либо конкретному языку. Оба варианта, имеющиеся в тюркских языках, — с начальным широким гласным *ä* (ср. узб. *ānžir*, уйг. *ānžir*, каракалп. *ānžir* и т. п.) и с начальным узким кратким *i* (ср. тур. *inçir*, туркм. *inžir* и т. д.) — в русском языке в равной степени могут дать *и*.

Если обратиться к историко-лингвистическим фактам, то, хотя в русский литературный язык слово *инжир* вошло только в советское время (см. Ушаков, I, 1206), в диалектах русского языка оно было известно не

¹¹ Г. Успенский. Нравы Растеряевой улицы. — Полн. собр. соч., т. 2. М.—Л., 1950, стр. 40.

¹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 249.

¹³ Н. И. Наумов. В забытом краю. (Рассказы из быта сибирских крестьян). СПб., 1882, стр. 97.

¹⁴ Л. Н. Толстой. Живой труп. — Полн. собр. соч., т. 34. М., 1952, стр. 76.

позже первой половины XIX века, то есть еще до присоединения Средней Азии к России и до начала интенсивных связей России со среднеазиатскими народами.

Поэтому, как нам кажется, предпочтительнее в качестве территории заимствования данного слова указать на Кавказ.

К и з и л. *Кизил* (*кизиль*) — название *Cornus mascula*, южного дерева и мелких красных ягод, произрастающих на этом дереве. Слово отмечается еще в САР 1792 г.: *Кизил* и *кизильник* — собир. «кусты, заросли кизила». В. Даль отмечает слово *кизилёвка* — «наливка из ягод кизила» (Даль, II, 107).

Большинство этимологов (MiEW, 116, Бернекер, I, 506; Горяев, ЭС, 139; Преобр., I, 306; также Дмитр., 26) русское *кизил* возводит к тюркскому *quzul* 'красный', отмеченному еще Махмудом Кашгари (МК, I, 375) и встречающемуся почти во всех тюркских языках. М. Фасмер также придерживается этой точки зрения, хотя и приводит тур. *quzulžuk* 'кизил'. Только Э. В. Севортян (Сев., стр. 22—23) считает возможным заимствование слова из крымско-татарского или кумыкского языков, в которых название данного растения совпадает с русским. В значении кизила в «Диване» Махмуда Кашгари приводится слово *jutişya* (ДТС, 280).

По данным словарей можно проследить изменения, происходившие в словообразовательных вариантах данного слова. Если в САР 1814 года отмечается только прилагательное, образованное от *кизил* при помощи суффикса *-ев* (*кизилевый*), то через столетие САР 1909 года приводит формы на *-ев* и *-ов* (*кизилевый* и *кизиловый*) со значениями «относящийся к кизилу» и «сделанный из кизила».

В современном русском языке также допускаются обе эти формы (ССРЛЯ, V, 938).

К и ш м и ш. Слово *кишмиш* обозначает, во-первых, сорт винограда без семян, а во-вторых, изюм, приготовленный из такого винограда путем высушивания.

Данное слово фиксируется в САР 1792 года: *кишмиш*. В. И. Даль отмечает также диалектный вариант *кышмыш* со значением «белый изюм» (Даль, II, 112).

Как указывает Э. В. Севортян, это слово известно почти во всех тюркских языках, в первую очередь южных. В тюркские языки слово проникло из персидского, в котором обозначает указанный выше сорт винограда и изюм из него, ввозившийся Ираном в Россию и другие страны. Оба значения персидского слова сохранились и в русском языке, тогда как в ряде тюркских языков слово *kişmiş* имеет только значение «сорт мелкого черного винограда без косточек» (туркменский, узбекский и др.), а в некоторых других только значение «мелкие сушеные виноградные ягоды» (Радл., II, 1394). Оба значения слова сосуществуют в азербайджанском и крымско-татарском (Дмитр., 27). Поэтому можно предполагать заимствование слова русским языком как непосредственно из персидского, так и через тюркские языки Кавказа и Крыма.

К у р а г а. Вошедшее в наше время в русский литературный язык слово *курага* употребляется в собирательном значении как название сушеных абрикосов без косточек. Этим же словом в русских говорах Кавказа называют абрикосовое дерево (*Armeniaca vulgaris*) (ССРЛЯ, V, 983). Ср. также терск. *куряга* (РФВ, 44, 97) в том же значении.

Слово отмечается в словарях начиная с конца XVIII в. (САР, 1792). ССРЛЯ выводит слово *курага* из тюрк. *qıgı-* 'сохнуть', *qıgaq*, *qıgı* 'су-

хой'. Ссылаясь на Горяева (Горяев, ЭС, 176), М. Фасмер находит источник русского заимствования в кумыкском. Действительно, в словаре З. Бамматова фиксируется слово *kügege* со значением «свежий плод абрикоса». Интересно, что там же слово *урюк* объясняется так: «*qaq kügege (suegi bulan)*», то есть «сушеная курага с косточкой» (Бамматов, 1063).

Поэтому русское *курага* следует возводить не к тюркскому глаголу *qıgı*- 'сохнуть', а соответствующему кумыкскому названию, фонетически близкому к русскому. Еще в САР 1792 г., затем у В. Даля, а также у М. Фасмера слово зафиксировано в виде *курега*, что еще ближе к прототипу. И только начиная с «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова слово отмечается как *курага* (Ушаков, I, 1551; Дмитр., 28; ССРЛЯ, V, 983). Здесь, возможно, *e* в безударном положении уподобилось последующему ударному *a*. Очевидно, тюрк. *kügege* не связано со значением «сухой» (*qıgı*), а представляет собой заимствование из перс. *kure(a)ga*, также обозначающего курагу.

При переходе в русский язык слово подверглось семантическому изменению: если в кумыкском оно обозначало «свежий абрикос», то в русском стало обозначать «сушеный абрикос без косточек», поскольку соответствующее название в русском языке отсутствовало. Помимо этого, *курага* противопоставляется также заимствованному тюркизму *урюк* со значением «сушеный абрикос с косточками».

Мушмула. Слово *мушмула* обозначает *Mespilus germanica* L. — южное дерево с колючками из семейства розовых с круглыми листьями и съедобный мучнистый грушевидный плод этого дерева. Имеется также вариант *мушмала* (ССРЛЯ, VI, 1406).

В древнерусской литературе это слово впервые встречается в «Хождении» иеродиакона Зосимы (1420 г.) в форме *мусмала*.

М. Фасмер считает слово заимствованным из греческого через турецкий язык (Фасм., III, 21). У В. В. Радлова оно также указано как турецкое слово (Радл., IV, 2211). В пользу тюркского посредства в заимствовании слова *мушмула* говорят и данные географии растений. Мушмула особенно распространена на Кавказе и южном берегу Крыма. А в Талыше (Азербайджанская ССР), где это растение было одомашнено в древности, зафиксировано особенно богатое разнообразие сортов мушмулы¹⁵.

В турецком языке даже существует фразеологизм *muşmula gibi ol-tak* 'стать дряблым, как мушмула' (Радл., IV, 2211).

Таким образом, в заимствовании русским греческого слова имело место посредничество турецкого языка.

Наранжа. Некоторые восточные заимствования в русских названиях растений относятся только к древнерусской эпохе, ибо в дальнейшем они заменялись либо собственно русскими словами, либо заимствованиями из других языков. Например, слово *наранжа* в русском языке употреблялось в значении «апельсин» еще в средневековье.

Оно зафиксировано в «Хождении архимандрита Агрефения» (около 1370 г.)¹⁶ в форме множественного числа *наранзи*. Встречается в памятнике XVII века («Иеродиакон Иона») (1649 г.)¹⁷.

¹⁵ П. М. Жуковский. Указ. раб., стр. 502.

¹⁶ «Хождение архимандрита Графенья во святую землю». Отд. отт. из РФВ. Варшава, 1885, стр. 95.

¹⁷ «Иеродиакон Иона» 1649, изд. архимандрит Леонид. М., 1871, стр. 67.

М. Фасмер считает данное слово восходящим к перс. *paḡaṇž* 'апельсин', откуда и фр. *orange*, а также араб. *paḡaṇja*. [Примечательно, что от фр. *orange* при помощи суффикса *-ев* и образовалось русское слово *оранжевый* (цвет)].

Перс. *paḡaṇž* обозначает, во-первых, «апельсин», во-вторых, «померанец», а форма *paḡendži* — «оранжевый». В азербайджанском слово *paḡuṇč* «померанец» и *paḡuṇč(y)* и берет свое начало русск. *наранжа*, впоследствии вытесненное заимствованным из голландского словом *апельсин* (ср. голл. *appelsien* букв. 'китайское яблоко') (Шан. Кр, ЭС, 27). Впрочем, это остается пока только предположением, ибо вполне возможно и прямое заимствование данного слова из персидского языка.

Т у т. Являясь названием шелковицы (*Morus L.*), это слово в русском языке представлено в нескольких вариантах, производных от *тут*: *тўта*, *тўтовник*, *тўтовница*.

В ботанической терминологии слово *тутовые*, употребляясь в значении существительного, служит названием семейства растений (*Moraceae*), к которому принадлежат тутовое дерево, инжир, фикус и др.

Впервые отмечено в «Российском целлариусе» 1771 года и в Словаре Нордстета 1782 года.

Имеется несколько мнений о происхождении слова *тут* в русском языке. А. Маценауэр (358), Н. В. Горяев (ЭС, 381), А. Г. Преображенский (Доп., 22) возводят его к араб. *tut*, проникшему в русский через тюркское посредство.

Э. Бернекер считает первоисточником арамейский язык (BEW, 233). Другие исследователи — санскрит: *tuta*, *tuda*. Так, по мнению Х. Петерссона, О. Шредера и других, из санскрита это слово проникло в персидский, отсюда — в армянский и из последнего уже перешло в русский язык.

Н. К. Дмитриев отметил слово *tut* в «Диване» Махмуда Кашгари со значением «лиственница» (*Pinus larix*) и высказал предположение о возможности персидского происхождения этого слова (Дмитр., 43).

В. В. Радлов приводит казах., тур., азерб. и крым.-тат. *tut* со значением «шелковица» (Радл., III, 1334).

Можно предположить заимствование из перс. *tut* 'шелковица' (Галунов, 482).

Еще в XVII веке в целях развития шелководства в России царь Алексей Михайлович собирал специалистов, бывавших «въ Трухменехъ, і въ Хивѣ, і въ Балхѣ, і въ Бухарехъ»¹⁸. Около 1667 г. в Симбирске создается тутовый сад. А при Петре I недалеко от Царицына был открыт шелководный завод¹⁹.

Ученый С. Г. Гмелин, путешествовавший в XVII веке в Персию, пишет о «шелковичных деревьях.., которые персияне и уповательно от них россияне обыкновенно тут о м (разрядка наша. — А. Ж.) называют»²⁰.

Сказанное выше позволяет предположить, что название шелковицы пришло в Россию из Персии через тюркское посредство. Определение конкретного языка-посредника оказывается затруднительным. Но несомненно только то, что им был один из языков Кавказа или Средней Азии,

¹⁸ А. И. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917, стр. 133 и сл.

¹⁹ И. И. Петрушевский. Плодоводство, огородничество и бахчеводство у крестьян Астраханской губернии. Астрахань, 1905, стр. 2.

²⁰ С. Г. Гмелин. Путешествие по России для исследования трех царств естества. В 3-х частях, ч. 2. СПб., 1777, стр. 627.

поскольку в языках Сибири и даже в киргизском слово *tut* со значением «шелковица» отсутствует.

Слово *тутовник*, образованное с помощью суффикса *-ник* от *тутовый*, являющегося в свою очередь производным от тюрк. *tut* (по образцу *терновник*, *шиповник* и др.), в ССРЛЯ (XV, 1166) отмечается с ударением на начальном слоге: *тúтовник* (имеется также форма *тúтовница* — в том же значении). Только у Н. М. Шанского приводится вариант с ударением на *ó*: *тутóвник* (Шан. КР. ЭС, 456). Последний вариант соответствует живому произношению данного слова и, на наш взгляд, является наиболее правильным²¹.

У р ю к. Слово это вошло в русский язык только в XIX веке и впервые было отмечено в САР 1847 года. Употребляясь в собирательном значении, оно обозначает «сушеные плоды абрикоса вместе с косточками». В русских говорах республик Средней Азии урюком называют также свежий абрикос (ССРЛЯ, XVI, 849).

Если русск. *урюк* Н. В. Горяев возводил к татарскому языку, то М. Фасмер называет источником слова турецкий язык.

Данное слово восходит к общетюркскому пласту тюркской лексики. Др.-тюрк. *ägük* было общим названием персика, абрикоса и сливы, обозначая в составе различных сочетаний сливу (*qaqa ägük*), персик (*tülüy ägük*), абрикос (*sarıy ägük*) (МК, I, 99). Слово зафиксировано и в «Codex Cumanicus» (Дмитр., 47)²².

По мнению Н. К. Дмитриева, слово *ägük* первоначально имело значение «слива» (Дмитр., 47). Из словаря В. В. Радлова (Радл., I, 762, 1223, 1339), а также из словарей современных тюркских языков явствует, что слово это со значением «слива» функционирует только в турецком языке, в остальных же оно имеет значение «абрикос».

По фонетическим признакам слово *урюк* восходит к чагатайской (узбекской) форме *ögük* (*ügik*), так как остальные формы с начальным *ä* (е) (ср. туркм., кумык. *ägik*; тур., каракалп. *egik* и др.) не могли дать закрепившийся в русском языке вариант.

Слово *урюк* до сих пор не находит сколько-нибудь убедительной этимологии. Предложенная М. Фасмером этимология слова *ägük* от тюрк. *äg* 'ранний' (Фасм., III, 155) не убедительна хотя бы потому, что это слово в древности обозначало не только абрикос, но также сливу и персик, которые не созревают столь же рано.

Ф у н д у к. Данное название в русском языке носят произрастающий на юге вид орешника или лещины (*Corylus tuberosa*) и мелкий орех этого кустарника.

Слово зафиксировано в словаре Ф. Толля, 1864 г. и у В. Даля (IV, 539). В словаре В. В. Радлова слово отмечается в двух вариантах: тур., туркм. *rupduk*, *funduk* 'орех' (Радл., IV, 1364, 1931).

Н. К. Дмитриев считает, что слово заимствовано из турецкого языка и восходит к новогреческому источнику (Дмитр., 47). Но данное слово в форме *fundug* имеется в азербайджанском, причем со значением не «орех вообще», а именно «мелкий орех» (Гусейн., 312). Поэтому было бы правильнее предположить заимствование данного слова из азербайджанского языка. Что касается фонетических соответствий, то тюркский

²¹ Об этом см.: Л. И. Ройзензон. *Тúтовник* или *тутóвник*? — «Русская речь», 1968, № 6, стр. 51.

²² См.: также: W. Radloff. Das Türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus, стр. 9.

гласный *y* (более задний, нежели русский) в русском языке заменяется другими гласными и нередко звуком *ш* (ср. тюрк. *boğundyk* — русск. *бурундук* и др.). Конечный же звонкий согласный *g* перешел в *k* по закону конца слова [ср. азерб. *parağ* — русск. *панах(а)*].

Хурма. Это заимствованное слово обозначает *Diospyros L.*, южное дерево семейства эбеновых — финиковую пальму и сладкий оранжево-красный плод этого дерева — финик.

Приводится в САР 1847 года и в Словаре В. Даля (Даль, II, 223).

Н. К. Дмитриев отмечает, что в основе этого слова лежит его персидский эквивалент, усвоенный рядом тюркских языков.

М. Фасмер в качестве языков-посредников указывает турецкий, азербайджанский и крымско-татарский. Можно предполагать, что слово попало в русский язык через один из этих языков (скорее через крымско-татарский, нежели турецкий) или же непосредственно из персидского языка, ибо Персия, как известно, экспортировала многие виды фруктов. Следует отметить, что это слово до недавнего времени в словарях русского языка приводилось в виде *курма́*; лишь начиная с «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова фиксируется современная форма *хурма́*.

Шептала. В русском языке словом *шептала́* (в ССРЛЯ с пометой «устар.»), во-первых, называют сушеные персики и сушеные абрикосы с косточками, во-вторых, абрикосовые или персиковые деревья (ССРЛЯ, XVII, 1350). Кроме этого, в поэтическом обиходе оно употребляется в значении «поцелуй» (Дмитр., 36). Впервые зафиксировано в «Лексиконе» Ф. Поликарпова, 1704.

Слово встречается также в «Codex Cumanicus»: *šaftaly* 'персик' (Дмитр., 36). В. В. Радлов фиксирует его только в турецком, азербайджанском и крымско-татарском языках (Радл., IV, 1019).

В настоящее время это слово имеется во многих тюркских языках. Н. В. Горяев (Горяев, ЭС, 421) и Ф. Миклошич (MiTE, 164) считают, что слово *шептала* персидского происхождения. Однако определить, через какой тюркский язык оно попало в русский, весьма затруднительно; во всяком случае это был, несомненно, один из языков Кавказа.

Можно было бы предположить, что слово *шептала* проникло в русский язык через турецкий, так как в последнем имеется переносное значение этого слова — «поцелуй», заимствованное из персидского прототипа, также содержащего это значение. Но, скорее всего, это значение появилось в русском языке позже, чем основное, и главным образом под влиянием произведений поэтов XIX века (Пушкина, Лермонтова и др.), усвоивших его на Кавказе.

Во всех тюркских языках рассматриваемое слово оканчивается на узкие гласные *y, i, u* (тур. *şeftali*, азерб. *šaftaly*, тат. *šaftalu* и др.), а в русском языке узкий гласный тюркского слова по аналогии со словами женского рода перешел в широкий гласный *a*.

Анализ тюркизмов в русских названиях фруктовых деревьев и кустарников позволяет сделать следующие выводы.

1. В названиях данной группы растений тюркизмы главным образом заимствовались: а) для наименования южных растений и их плодов (*айва, тут, хурма, инжир* и др.); б) для обозначения плодов, доставлявшихся преимущественно в сушеном виде: *урюк, шептала, курага*; в) в качестве терминов для обозначения отдельных сортов, не имевших своего названия в русском: *алыча* и др.

2. При заимствовании русским языком происходили семантические изменения: а) сужение значения: *урюк*, *шентала*; б) перенос значения: *армуд* (тюрк. «груша, сорт груши» — русск. «айва»).

3. В большинстве случаев арабские, персидские и собственно тюркские слова переходили в русский язык как через тюркское, так и западноевропейское языковое посредство; например, слово *бергамот*.

4. В основном все тюркизмы в названиях фруктовых деревьев и кустарников ассимилировались в русском языке, подчинившись его фонетическим и морфологическим законам, образовав новые слова и формы при помощи различных аффиксов.

5. Все тюркизмы для обозначения деревьев и кустарников, плодов и их сортов употребляются в собирательном значении и только в единственном числе (*айва*, *алыча*, *армуд*, *изюм*, *инжир*, *курага*, *шентала*, *урюк*, *хурма* и др.).

6. Тюркизмы в названиях фруктовых деревьев и кустарников в основном сохраняют ударение на последнем слоге.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Абдурахм.* — «Русско-узбекский словарь». Под ред. Р. Абдурахманова. М., 1954.
Анн. 1856 — Н. Н. Анненков. Простонародные названия русских растений. М., 1856.
Бамматов — «Русско-кумыкский словарь». Под ред. З. З. Бамматова. М., 1960.
Бернекер — E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913.
Бертельс — «Таджикско-русский словарь». Гл. ред. Е. Э. Бертельс. М., 1954.
БРС — «Башкирско-русский словарь». М., 1958.
БСЭ — «Большая советская энциклопедия». Изд. 2-е, тт. 1—51. М., 1949—1958.
Бурнашев — «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного». Сост. В. Бурнашев, тт. I—II. СПб., 1843—1844.
Вейсм. Лекс. 1731 — Э. Вейсман. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.
Галуң. — Р. А. Галунов. Русско-персидский словарь, тт. I—II. М., 1936—1937.
Горяев, 1892 — Н. В. Горяев. Опыт сравнительного этимологического словаря русского языка. Тифлис, 1892.
Горяев, ЭС — Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
Гринченко — Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка в 4-х тт. Киев, 1907—1909.
Гусейн. — «Азербайджанско-русский словарь». Под ред. Г. Гусейнова. Баку, 1941.
Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е, тт. I—IV. СПб., 1880—1882.
Дмитр. — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. III. М., 1958, стр. 3—47.
ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
Егоров — В. Г. Егоров. Русско-чувашский словарь. Чебоксары, 1960.
Илишкин — Русско-калмыцкий словарь. Под ред. И. К. Илишкина. М., 1964.
КСРС — Картотека Среднерусского словаря Института русского языка АН СССР.
Лекс. 1762 — «Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все слова российского алфавита», ч. I—II. СПб., 1762.

- Магаз.* — Д. А. Магазаник. Турецко-русский словарь. Изд. 2-е. М., 1945.
- Маценауэр* — А. Matzenauer. Cizi slova ve slovanskych řečech. Brno, 1870.
- МiEW* — Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen von F. Miklosich. Wien, 1886.
- МiTE* — F. Miklosich. Die Türkischen Elemente in den südost- und osteuropaischen Sprachen, I—II. Wien, 1884—1885.
- Миллер* — Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1950.
- Мирт.* — А. В. Миртов. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.
- МК* — Махмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк), I—III. Тошкент, 1960—1963 (пер. С. Муталлибова).
- Никитин* — В. В. Никитин, Б. Б. Кербабаев. Народные и научные туркменские названия растений. Ашхабад, 1962.
- Нордстет, слов. 1780—1782* — «Российский с немецким и французским переводом словарь, сочиненный Иваном Нордстетом», ч. I—II. СПб., 1780—1782.
- Нугм.* — Т. Нугманов. Термины бахчеводства в узбекском языке (на материале ферганской группы говоров). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1971.
- Поликарпов, лекс. 1704* — Ф. Поликарпов. Лексикон трызачный, сиреч речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.
- Преобр.* — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1958.
- ПСРЛ* — Полное собрание русских летописей.
- Радл.* — В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I—IV. СПб., 1893—1911.
- Рейф. сл.* — «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон русского языка, составленный Филиппом Рейфом». СПб., 1835.
- Росс. целлариус* — «Российский целлариус, или этимологический российский лексикон. изданный Ф. Гелтергофом». М., 1771.
- РФВ* — «Русский филологический вестник». Варшава, 1879—1918.
- САР, 1789* — «Словарь Академии Российской», ч. I—IV. СПб., 1789—1794.
- САР, 1806* — «Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный», ч. I—IV. СПб., 1806—1822.
- САР, 1847* — «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук», тт. I—IV. СПб., 1847.
- САР, 1891* — «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук», тт. I—II. СПб., 1891—1899.
- Саур.* — «Русско-казахский словарь». Под ред. Н. Т. Сауранбаева. М., 1954.
- Сев.* — Э. В. Севортян. О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера. — «Лексикографический сборник», вып. V. М., 1962.
- Сел.* — А. А. Селимов. Иноязычные (тюркские) элементы в лексике русских говоров Дагестана (на материале говора станицы Александрийской Кизлярского района ДАССР). Автореф. канд. дисс. Л., 1966.
- Сирот.* — «Чувашско-русский словарь». Под ред. М. Я. Сироткина. М., 1961.
- СИС, 1954* — «Словарь иностранных слов», под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. М., 1954.
- СРНГ* — «Словарь русских народных говоров», вып. I—3. М.—Л., 1963—1965.
- ССРЛЯ* — «Словарь современного русского литературного языка», в 17-ти тт. М.—Л., 1949—1965.
- Толль, слов. 1863* — «Настольный календарь для справок по всем отраслям знания». Под ред. Ф. Толля и В. Р. Зотова, тт. I—III. СПб., 1863—1864.
- ТРС* — «Татарско-русский словарь». М., 1966.

- Ушаков* — «Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова», тт. I—IV. М., 1934—1940.
- Фасм.* — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, тт. I—III. М., 1964—1971.
- Шан. Кр. ЭС* — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1971.
- Шан. ЭС* — «Этимологический словарь русского языка». Под ред. Н. М. Шанского, т. I, вып. 1—2. М., 1963—1965.
- Юдах.* — К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
-

М. ОДРАН

ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ

Население нынешней Словакии на протяжении своей истории постоянно вступало в экономические, политические и культурные связи со многими народами, в том числе и тюркскими, причем тюркско-славянские контакты в истории формирования словацкой нации сыграли особенно значительную роль. Естественно, что одним из следствий длительных контактов между народами не могло не быть и весьма существенное языковое влияние. Так, в словарный состав словацкого языка проникло определенное количество тюркских лексических элементов. Хотя этот тюркский пласт здесь менее значителен, нежели в языках балканских славян, где османское влияние особенно сильно (даже и в морфологии и синтаксисе), тем не менее этот вопрос вполне заслуживает изучения. К сожалению, словацкие лингвисты не уделяли ему до сих пор должного внимания.

Следует подчеркнуть, что хронологическая классификация тюркских заимствований в словацком языке — задача весьма сложная. Основная трудность заключается в том, что письменных памятников и других исторических сведений, относящихся к древнейшим периодам заимствования, сохранилось чрезвычайно мало, в связи с этим приходится довольствоваться лишь материалами топонимики, гидронимики, ономастики и отдельными фрагментарными данными более поздних источников. Начиная с XVI в. (то есть со времени установления в Средней Европе османского господства) письменных памятников сохранилось значительно больше. Анализ тюркского пласта в словацком языке показывает, что он включает много слов, вошедших в словацкий литературный язык и диалекты через посредство других языков и в первую очередь — славянских (особенно русского и южнославянских) и венгерского языков¹, а не в результате непосредственных контактов между словаками и тюрками.

На основе истории развития словацко-тюркских отношений и главным образом языковых контактов проникновение тюркизмов хронологически может быть рассмотрено по следующим периодам.

Первый — г у н н о - а в а р с к и й период — к которому относится начало возникновения славяно-тюркских контактов. В это время, как известно, происходил распад праславянской общности на прародине славян. Первые встречи тюрков со славянами на территории современной России относятся еще к IV в. н. э.²

¹ О значительном пласте тюркских слов в венгерском языке писали многие ученые: А. Вамбери, Л. Лигети, Ю. Немет, С. Е. Малов, Н. А. Баскаков и др.

² См.: «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». М., 1967, стр. 4.

Наиболее значительным историческим событием этой эпохи было нашествие гуннов. Известно, что гунны представляли собой новое этническое единство, сложившееся в результате слияния с ними (благодаря более чем двухвековому совместному проживанию) приуральских угров. Причем доминирующими у гуннов были элементы тюркского происхождения.

В начале VI в. гунны устремились на запад и, пройдя через южнорусские степи, достигли Средней Европы. После военных побед, одержанных гуннами над франкскими и германскими племенами, они в 449—453 гг.³ образовали государство, получившее в Европе известность под названием «Империя Атиллы» с центром в Паннонии. Во владения Атиллы теперь входила почти вся Средняя Европа (до Рейна на западе)⁴.

Во второй половине VI в. на территорию восточных славян, а позднее и в Среднюю Европу из евразийских степей вторглось кочевое племя аваров. Вопрос об этногенезе аваров, принимавших в VI и VII вв. активное участие в исторических событиях в Восточной и Средней Европе, досих пор еще окончательно не решен. Большинство историков склоняется к тому мнению, что авары представляют собой сколок восточных хунну (жужаней). Чехословацкие историки и археологи все еще пытаются обнаружить в аварских захоронениях монголоидные типы, что представляется весьма затруднительным, так как проникшие в Среднюю Европу авары являются частью угров, бежавших во второй половине VI в. н. э. от тюркютов⁵.

В 582 г. авары, одержав победу над Византией, достигли Паннонии и расселились в междуречье Дуная и Тиссы⁶. Постепенно распространяя свою власть за пределы Паннонской равнины на север, они завоевали всю территорию нынешней Словакии⁷.

Паннонские славяне почти два столетия находились под властью аваров, и, хотя они нередко восставали против последних, это было скорее мирным сожительством: паннонские славяне (в том числе и предки словаков) совместно с аварами участвовали в завоевательных походах на Запад и прежде всего на Византию. Большую часть аварской армии составляли славяне, многие представители которых занимали видное положение в политической и военной иерархии аварского каганата. О существовании тесных связей между аварами и славянами свидетельствуют обнаруженные на территории Словакии десятки могильников, в которых совместно погребены аварец и славянин. Именно благодаря этому аваро-славянскому союзу германцы были оттеснены на запад и славяне получили возможность поселиться на территории Средней Европы. Таким образом, роль аваров в истории словаков следует в основном считать положительной.

Вполне закономерно предположить, что в лексику паннонских славян проникло известное количество слов из угорского, сильно тюркизированного, языка аваров. К сожалению, за исключением названий самих народов и некоторых топонимов, никаких следов гуннского и аварского языков до нашего времени не сохранилось.

Второй — печенего-кумано-монгольский период длился четыре столетия. В первой половине IX в. в восточных областях русских

³ См.: «Československá vlastivěda», VI. Praha, 1932, стр. 20.

⁴ J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, стр. 2.

⁵ Л. Н. Гумилев. Хунну. М., 1960, стр. 242.

⁶ M. Párducz. Die ethnischen Probleme der Hunnenzeit in Ungarn. Budapest, 1963, стр. 32.

⁷ См.: «Dějiny Slovenska». Bratislava, 1961, стр. 39.

степей появились печенеги⁸, захватившие территории к северу от Аральского моря, включая нижнее и среднее течение Сырдарьи. Печенеги, продвигаясь дальше на запад в прикаспийские степи, переправились через Волгу и стали теснить болгар и хазар. В X в. государство хазар пало, и болгары были разделены на волжских и дунайских.

В X—XI вв. все славянские земли регулярно подвергались грабительским набегам воинственных кочевников-печенегов. Первое упоминание о печенегах в русских письменных памятниках, относящихся к 915 г., можно найти в «Повести временных лет»: «Придоша печенези первые на Русскую землю и сотвориша мир с Игорем, идоша к Дунаю...»⁹. Помимо русских летописей, печенеги часто упоминаются в византийских, болгарских и венгерских хрониках, то есть в письменных памятниках народов, имевших контакты с печенегами.

Хотя Средняя и Юго-Восточная Европа почти полтора века находилась под властью печенегов, славянское население (и в том числе словаки) избегало широких связей с этими «жестокими кочевниками», как их называли европейские летописцы. Материалов по языкам печенегов, узов и других болгаро-огузских племен, поселившихся в Восточной, Средней и Юго-Восточной Европе в IX—X вв., сохранилось очень мало. В основном это отдельные слова: титулы ханов и правителей, названия племен и родов, номенклатура титулов.

В XI в. в прикаспийских степях появились новые кочевники — половцы. В Европе они получили известность под названием куманов. Роль куманов в истории Восточной и Средней Европы не может быть оценена однозначно. Хотя через русские земли они и проходили как завоеватели, однако в Болгарии и Венгрии нередко выступали в качестве союзников, оказывая этим государствам военную помощь.

В 1187 г. знатные болгарские бояре — братья Петр и Асен, заключив союз с куманами, двинулись против византийского императора Исаака Ангелиса и при помощи куманских отрядов¹⁰ одержали над противником решительную победу. Болгария, таким образом, освободилась от векового византийского ига, что привело к восстановлению так называемого второго болгарского царства. Болгарский царь Асен I разрешил многим куманам поселиться в Болгарии. О тесных болгаро-куманских связях свидетельствует и тот факт, что один из болгарских царей — Георги Тертер (1280—1292) — был куманского происхождения¹¹.

Венгерские короли также прибегали к помощи куманов для укрепления своей власти и проведения как внешней, так и, в еще большей степени, внутренней политики. Именно об этом говорит постановление короля Бела IV, который, чтобы укрепить свой престол и держать в повиновении непокорных феодалов, призвал в 1235 г. в Венгрию куманов и расселил их в междуречье Дуная и Тиссы¹². Куманы в Венгрии пользовались особенной благосклонностью в период правления королей из династии Арпада, когда в качестве полноправных союзников они принимали участие в военных походах, охраняли главные торговые пути, стратегически важные проходы и пункты королевства. Проживая в областях с основным словацким населением, куманы постепенно смешались с аборигенами. О пребывании куманов в областях Средней и Западной

⁸ См.: «Dějiny Ruska». Praha, 1967, стр. 20.

⁹ М. А. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 351.

¹⁰ Д. Косев, Х. Христов, Д. Ангелов. Кратка история на България. София, 1962, стр. 48.

¹¹ Там же, стр. 60.

¹² См.: «Ceskoslovenská vlastivěda», Dějiny I. Praha, 1963, стр. 185.

Словакии свидетельствуют многие топонимы, например, названия селений Plaveč, Plavecké Podhradie, Plavecký Štvitok, Plavecký Mikuláš.

Начало XIII в. ознаменовалось нашествием монголов, особенно активизировавшихся с 1206 г.¹³, когда на курултае монгольских нойонов всемонгольским ханом был провозглашен Темучин. После военных успехов Темучина-Чингисхана в Восточной Азии он стал совершать походы в Персию, Индию, Семиречье и Закавказье. В дальнейшем монголы перешли на правый берег Волги и вторглись в донские степи. Под власть Чингисхана в 20-х годах XIII в. подпала уже вся кыпчацкая степь — Дешт-и-Кыпчак. В 1223 г. войска Чингисхана одержали решительную победу на реке Калке над дружинами южнорусских князей. И когда в 1240 г. пала столица Киевской Руси¹⁴, путь в Среднюю Европу оказался открытым.

В 1241 г. монголы совершили поход в Польшу, одновременно другая часть монголов, возглавляемая ханом Батыем — внуком Чингисхана, двинулась с юго-востока на Венгрию. Монгольская конница, разгромив польских князей и моравско-силезских рыцарей (9 апреля 1241 г.), захватила Силезию и Моравию¹⁵, а несколько позже вступила и в Словакию.

Часть монгольской армии, предводительствуемая ханом Батыем, была встречена весной того же 1241 года на словацкой реке Слана шестидесятитысячным войском венгерского короля Бела IV¹⁶. Битва, в которой на стороне венгров выступали также куманы и словаки, завершилась полным разгромом венгерской армии (12 апреля 1241 г.)¹⁷. После этого вплоть до лета 1242 г.¹⁸ Венгрия жестоко грабилась татаро-монгольскими ордами.

Как мы видим, исторические события этой эпохи способствовали проникновению тюркской лексики в словацкий язык. Этот пласт болгаро-огузских, кыпчакских (часть монгольской армии составляли кыпчаки) и кыпчакско-половецких заимствований в словацком языке пока еще не изучен. Помимо письменных памятников («Codex Sumanicus» и хроники), должны быть исследованы топонимы и словацкие собственные имена, например: Kuman, Kumančik, Kún, Plavec, микротопонимы типа: Tatarská lúka 'Татарский луг', Tatarský les 'Татарский лес', Tatarská studňa 'Татарский колодец' и др. О многом говорят и сохранившиеся имена собственные: Tatár, Tatarka, Tatarčik. Кроме того, к свидетельствам печенего-кумано-монгольской эпохи следует отнести и лексемы типа: чап или tatarec. Последнее слово по значению совпадает с русским словом *нагайка* (кнут), которое возникло аналогичным образом от названия другого тюркского народа — ногайцев.

Спустя почти три столетия после татаро-монгольских нашествий наступает новый — третий и основной период в истории словацко-тюркских отношений, получивший название османского. В 1521 г. турецкие войска захватили Белград — сильную по тем временам крепость на южных венгерских границах и, таким образом, создали реальную угрозу венгерскому королевству. Венгрия, истощенная внутренней борьбой и междоусобицами, не смогла оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления туркам-османам. Решительное сражение между войсками сул-

¹³ См.: «Философия и история монгольских народов». М., 1958, стр. 130.

¹⁴ См.: «Dějiny Ruska», стр. 112.

¹⁵ E. Palacky. Der Mongolen Einfall im Jahre 1241. Prag, 1842, стр. 33.

¹⁶ Sayons. L'invasion des Mongols en Hongrie. Paris, 1875.

¹⁷ См.: «Ceskoslovenská vlastivěda». Praha, 1962, стр. 186.

¹⁸ F. Hānisch. Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1941.

тана Сулеймана и венгерского короля Людовика (9 августа 1526 г.) под Могачом¹⁹ завершилось полной победой османов. Это положило начало серии набегов османов на Венгрию. Уже в 1529 г. Мехмед-паша, резиденция которого находилась в Белграде, захватил часть Южной Словакии и долину рек Нитры и Вага²⁰. После взятия в 1540 г. войсками Мехмеда-паши Будина — столицы Венгрии страна на полтора столетия подпала под власть будинского паши. Непокоренными остались только Средняя и Северная Словакия и узкая полоса территории у западной границы, вся остальная Венгрия находилась или в прямом подчинении у османов, или в вассальной от них зависимости. Так, например, области Южной Словакии, ставшие в новых условиях пограничной зоной, в течение полутора веков подвергались постоянным набегам и грабёжам и превратились таким образом в *дар-и-харб* 'поле битвы'. Постепенно османские войска захватили все крепости в Южной Словакии, и, когда в 1554 г. войска Хамзы-паши взяли последнюю из них — Филяково, путь в Среднюю, Восточную и Северную Словакию был для османов открыт.

Захваченные османами области Южной Словакии были ими административно разделены на четыре *санджака* (округа): Остригомский, Филяковский, Новоградский и Сечанский. Словацкое население в средних и южных областях находилось в непосредственном контакте с османами вплоть до 1687 г., когда османские войска были под Виеной разгромлены и вся Венгрия освободилась от османского господства.

В результате длительных контактов словаков и турок-османов в словацкий язык были заимствованы многие османизмы. Через османское посредство в словацкую лексику проникло также много слов арабского и персидского происхождения, составлявших значительный пласт в османской лексике (именно это делает правомерным употребление термина «османизм»).

Все османизмы в словацком языке можно подразделить на следующие тематические группы:

а) организация государства и должностная иерархия: *sultán* 'султан', *sultanát* 'султанат', *pašalik* 'владения паши', *vilajet* 'область', *sandžak* 'округ', *páchiija* 'волость', *zijamet* 'район', *paša* 'паша', *beg* 'бек', *aga* 'господин', 'офицер';

б) административно-юридическая терминология: *kádi* 'судья', *šeriát* 'шариат', *kesim* 'дань', *džirja* 'налог', *defter* 'тетрадь', *taru defteri* 'книга налогов', *defterdar* 'писарь', *kajmakam* 'управитель области (города)', *ferman* 'послание', *tugra* 'печать';

в) военная терминология: *janičiar* 'янычар', *gháři* 'конник', *ulúfedži* 'кавалерист', *bedeha* 'конь', *jaťagan* 'ятаган';

г) лексика, связанная с исламской религией: *kogán* 'коран', *alah* 'аллах', *Mohamed* 'Мохамед', *mufti* 'муфтий', *hodža* 'ходжа', *gjaur* 'гяур', *hářem* 'гарем';

д) лексика, относящаяся к различным областям общественной жизни, в первую очередь — самоназвание народа: *Turek*, *Turčín*, имена, фамилии, топонимы: *Turček*, *Turecká* (селения в Средней Словакии) и лексемы типа: *brík* 'кумган', *šabraka* 'попона', *dolomán* 'верхняя одежда', *lokša* 'изделие из теста', *paťmaga* — ругательство, *šiator* 'шатер', *cham-bár* 'амбар', *orgovan* 'сирень', *korbáč* 'кну́т (бич)', *čibuk* 'чубук'.

Другим источником заимствования тюркизмов словацким языком был венгерский язык, в течение целого тысячелетия контактировавший

¹⁹ См.: «Dějiny Slovenska», стр. 117.

²⁰ См.: «Československá vlastivěda». Praha, 1963, стр. 353.

со словацким. Хотя венгерский язык и входит в семью финно-угорских языков, благодаря особенностям исторического развития в его лексике образовался значительный пласт слов тюркского происхождения. О «мощности» этого пласта свидетельствует хотя бы тот факт, что нередко в прошлом многие ученые принимали венгров за тюрков. Византийские и арабские летописцы именовали угров-мадьяров, входивших в состав Западного Хунну, западными тюрками. Освободились венгры около 631 г.²¹ (название *тюрк* тогда не имело лингвистического значения).

Тысячелетнее совместное проживание словаков и венгров в пределах одного государства (910—1918 гг.)²² способствовало возникновению на территории Южной Словакии билингвизма (теперь там проживают около 600 тыс. венгров)²³, что имело следствием взаимное влияние этих языков. В венгерском языке в настоящее время насчитывается до тысячи слов славянского происхождения²⁴, в том числе несколько сот словацких. В словацком же языке не меньшее число слов венгерского происхождения. Венгерское влияние особенно сильно проявилось в южнословацких диалектах, в которых венгерских элементов гораздо больше, нежели в литературном языке. Вместе с венгерской лексикой в словацкий язык проникли и тюркские лексические элементы.

Тюркские слова и ориентализмы, заимствованные словацким языком из венгерского, можно распределить по следующим тематическим группам:

а) бытовая и сельскохозяйственная лексика: *batár* 'глубокая телега', *chatár* 'земля', *chomút* 'хомут', *kefa* 'четки';

б) одежда и утварь: *keren* 'пальто', *kabát* 'пиджак', *pariža* 'домашние туфли', *tarbau* 'тюрбан', *atilla* 'военная одежда', *balta* 'секира', *bičak* 'нож', *findža* 'кружка';

в) топонимы: *Šarkau*, *Ďarmoty*, *Kapušany*, *Almaš*, *Terany*, *Nekije*, *Kiar*, *Kesihovce*;

г) имена собственные и фамилии: *Gejza*, *Zoltán*, *Arpád*, *Buzaši*, *Keleši*, *Taraba*, *Keder*, *Balta*, *Almáši*, *Čiešmár*;

д) прочие слова: *kalavuz* 'кондуктор', *lelek* 'аист', *pajtáš* 'друг', *tava* 'верблюд', *taliga* 'телега', *bosorka* 'ведьма', *šarkan* 'змея', 'дракон', *kazan* 'котел', *betar* 'женатый', *hagamia* 'разбойник'.

Отдельно следует сказать о новейшей эпохе развития словацкого литературного языка. Крупнейшие деятели словацкого возрождения Ф. Палацкий и Я. Коллар в 1848 г.²⁵ заложили основы словацкого литературного языка. На словацком литературном языке создана классическая проза и поэзия, на него переведено огромное количество произведений славянских и европейских литератур. В результате словацкий литературный язык постоянно обогащается иноязычными словами, в том числе и тюркского происхождения. Таким образом, несмотря на отсутствие прямых контактов между носителями языков, сложились новые условия для тюркско-словацких языковых отношений. Этому во многом способствует развитие культурных связей как непосредственно с тюркскими народами СССР, так и с другими народами.

²¹ М. А. Артамонов. Указ. раб., стр. 338.

²² См.: «*Dějiny Slovenska*», стр. 198.

²³ См.: «*Československá štatistika*». Praha, 1965.

²⁴ I. *Kniezsa*. *A magyar nyelv szlav jövényiszavai*. Budapest, 1954.

²⁵ J. *Stanislav*. *Dějiny slovenského jazyka*, I. Bratislava, 1958; E. *Paulíny*. *Dějiny spisovnej slovenčiny*. Bratislava, 1948.

Тюркские заимствования в словацком языке последнего периода можно классифицировать следующим образом.

1. Из русского литературного языка посредством книг проникли в словацкий:

а) слова тюркские по происхождению: *bojar* 'боярин', *batrak* 'батрак', *burlak* 'бурлак', *ataman* 'атаман', *burduk* 'бурдюк', *aršin* 'аршин', *šarovary* 'шаровары', *tovar* 'товар', *tovaryš* 'помощник', *bazar* 'базар' (<перс. بازار *bazar*), *kalpak* 'шапка', *arbus* 'арбуз', *kurgan* 'курган', *pirohy* 'пироги';

б) тюркские слова, связанные с реалиями жизни тюркских народов, проживающих в пределах Советского Союза (большинство этих слов проникло через посредство русского языка или переводов беллетристики и научной литературы непосредственно с тюркских оригиналов), например: *šašlyk* 'шашлык', *arba* 'арба', *čadra* 'чадра', *čekmen* 'чекмень', *aĵran* 'айран'²⁶, *saraj* 'сарай', *čajhana* 'чайхана', *tubetejka* 'тюбетейка', *aul* 'аул', *kyšlak* 'кишлак', *džigit* 'джигит', *kumys* 'кумыс', *akyn* 'акын', *jurta* 'юрта', *paracha* 'папаха', *balichan* 'верхняя одежда', *šaman* 'шаман'.

2. Из южнославянских и балканских языков:

а) через болгарский: *bajram* 'байрам', *čorba* 'похлебка', *čorbadži* 'баран', *baj* 'дядя', *čelib* 'барин', *feridže* 'чадра', *češta* 'колодец', *kečaĵa* 'волостной', *kelim* 'ковер', *čifut* 'еврей', *gakiĵa* 'водка';

б) через сербско-хорватский: *džerĵa* 'жар', *čufy* 'мясо', *harambaša* 'атаман разбойников';

в) посредством переводов из албанского, новогреческого и румынского: *salamlik* 'торжество', *adet* 'обычай', *zigna* 'зурна', *busa* 'буза', *serdar* 'сердар'²⁷, *bektaš* 'исламская каста', *bugek* 'вид пирога'.

3. Из переводов произведений турецкой и других литератур с тюркской тематикой. В большинстве случаев это слова, обозначающие турецкие и тюркские реалии, не имеющие эквивалентов в словацком языке, например: *kajak* 'каюк', *fez* 'феска', *čauš* 'унтер-офицер', *vali* 'начальник области', *radišach* 'падишах', *šechzade* 'принц', 'шахзаде', *baba* 'отец', *alfagin* 'мулла', *derviš* 'дервиш', *gamadan* 'рамазан', *eunuch* 'евнух', *turbe* 'могила', *kismet* 'доля', *hadži* 'паломник', *hakim* 'врач', *jogurt* 'кефир'.

4. Терминология, связанная с изучением языка, быта, образа жизни и истории тюрков (в Чехословакии используется в основном на факультетах тюркской и турецкой филологии), например: *namaz* 'намаз', *džatija* 'мечеть', *akša* 'деньги', *aptest* 'омовение', *kemalizmus* 'кемализм'; тюркские мусульманские собственные имена: *Mechmed*, *Gülčip*, *Sevda*; названия тюркских народов: *Seldžuk*, *Čagataj*, *Jakut*, *Turkmen*; географические наименования: *Kaĵa Kum*, *Büjük Dere*, *Kaĵa Kul*. Большинство этих терминов понятно только специалистам.

Проблема изучения и классификации тюркских лексических элементов в словацком языке сложна, и опыт хронологизации заимствований обусловлен разрешением целого комплекса вопросов. В первую очередь должны быть исследованы словацкая топонимика и ономастика. В области изучения тюркизмов словацкой лингвистике предстоит еще очень многое сделать.

²⁶ Напиток из кислого молока.

²⁷ Командующий.

О. НАЗАРОВ

ГРАФЕМНО-ФОНЕТИЧЕСКАЯ ПЕРЕДАЧА ТУРКМЕНСКИХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В условиях расширяющихся и углубляющихся экономических и культурных связей между народами нашей страны усиливается процесс взаимодействия языков, наиболее интенсивно протекающий на уровне лексики. Как известно, главенствующая роль в этом процессе принадлежит русскому языку, заимствования из которого пополняли и продолжают пополнять словарный состав языков всех народов СССР. Это в полной мере относится и к туркменскому языку, лексика и фразеология которого благодаря этому процессу значительно обогатились новыми элементами; сформировалась научная терминология туркменского языка, в первую очередь философская и общественно-политическая¹, возникли и развились различные функциональные стили. Большая часть русских заимствований органично вошла в лексическую систему туркменского языка, другая часть находится в стадии освоения.

Наряду с влиянием русского языка на туркменский наблюдается и обратный процесс — проникновение туркменских лексических элементов² в русский, чему способствует перевод туркменской художественной литературы на русский язык. Туркменские слова включаются русскими писателями и поэтами в тексты оригинальных произведений, посвященных Туркмении, встречаются в научных трудах по туркменской истории и этнографии, широко используются в местной прессе, издающейся на русском языке. Преимущественно это слова, обозначающие понятия, связанные со спецификой национального быта, обычаями, культурой туркменского народа, с особенностями флоры и фауны Туркмении.

¹ П. А. Азымов. Туркмен дилинин меселелери. Ашгабат, 1969; Г. Сарыев. Влияние русского языка на обогащение словарного состава туркменского языка. Автореф. канд. дисс., Баку, 1954; М. С. Харланова. К вопросу об обогащении общественно-политической терминологии туркменского языка за счет советско-интернациональных слов. — «Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук», 1964, № 1 и др.

² В данном случае к туркменским отнесены как собственно туркменские, так и общетюркские и заимствованные из персидского и арабского языков слова, ставшие единицей лексической системы современного туркменского литературного языка. Об аналогичном употреблении терминов *азербайджанские слова* и *киргизские слова* в русском языке соответственно см. в работах: М. Ш. Ширалиев. Основные вопросы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР (на материале азербайджанского языка). — В кн.: «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР», М., 1969; И. Бажинова. К вопросу о киргизских заимствованиях в русском языке. — «Советская тюркология», 1972, № 5.

В отличие от русских заимствований в туркменском языке (не имеющих локальных или каких-либо других ограничений) туркменские слова в русском используются в основном лишь в связи с туркменской тематикой. Хотя абсолютное большинство таких слов многократно повторяется в ряде произведений русской художественной (переводной и оригинальной) литературы и в периодике, все же было бы неверным считать, что все эти слова полностью усвоены русским языком. Однако в исследовании весьма сложной проблемы взаимодействия и взаимообогащения языков важным представляется «не только изучение заимствований, усвоенных русским литературным языком, а также заимствований, имеющих локальное, местное распространение внутри говора, одного диалекта или одной более широкой зоны, но и процессов постепенного проникновения каждого заимствования в русский литературный язык»³.

На характер освоения заимствуемых слов существенное влияние оказывает графемно-фонетическая передача иноязычных слов средствами заимствующего языка, ибо без такой передачи иноязычное слово «воспринимается в тексте как иноязычное вкрапление, не связанное с окружающими словами»⁴.

Туркменские слова, попадая в русский текст, претерпевают значительные изменения, причем в некоторых случаях допускается графическая вариативность, препятствующая семантизации нерусского слова русским читателем. Например, туркменское слово *чекдирме* [çekdirme] 'национальное блюдо из вареного мяса' в русском тексте встречается в вариантах *чекдирме* — *чектырме* — *чекдырме* — *чехтырма* — *чикдирма* — *чакдырма* — *чихиртма*⁵. Если учесть, что большинство туркменских заимствований не только не включено в толковые словари русского языка, но и не разъясняется в подстраничных примечаниях (или специальных послетекстовых словарях), или значение их в последних раскрывается не всегда верно, то становится очевидной необходимость унификации графемно-фонетической передачи туркменских слов в русском языке. Проблема создания определенной системы в фонетической адаптации тюркоязычных заимствований русским языком уже начала исследоваться, однако пока еще только на материале ономастики⁶. Тем не менее вопрос графемно-фонетической передачи туркменских слов (как имен собственных, так и нарицательных) в русском языке нуждается в специальном анализе.

³ Н. А. Баскаков, В. И. Абаев и др. Развитие и обогащение русского языка за счет заимствований из языков народов СССР. — В кн.: «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». М., 1969, стр. 63.

⁴ Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, стр. 38—39.

⁵ Языковой материал статьи составили 500 с лишним туркменских слов, многократно использованных разными авторами в произведениях русской оригинальной и переводной художественной литературы с туркменской тематикой, а также в местной периодике.

⁶ А. Р. Махмудов. Фонетические основы передачи азербайджанских имен собственных на русском языке и русских имен собственных на азербайджанском языке. Баку, 1973; В. Н. Попова. Фонетическая адаптация казахских гидронимов русским языком. — В кн.: «Языки и топонимия Сибири», Томск, 1966; С. Атанязов. Некоторые замечания к транскрипции географических названий Туркменистана. — «Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук», 1966, № 5; П. Померанцев. О единстве транскрибирования географических названий. — «Туркменская искра», 4 декабря 1951 г. В этом отношении интересны также рекомендации «Инструкции по русской передаче географических названий Туркменской ССР». Составители Е. Н. Бушуева, К. Т. Бойко. М., 1971.

Иноязычная лексика вводится в русскую речь различными способами⁷. «Чужеродность» слова сразу бросается в глаза (если, конечно, оно не транслитерировано) в том случае, когда взаимодействующие языки пользуются различными графическими системами. Зрительное выделение иноязычных элементов в языках, имеющих одну графическую систему, представляет значительную трудность. В последнем случае необходимо уточнить, что передается в заимствующем языке: графический облик иноязычного слова или его произношение в языке-источнике посредством субституции звуков контактирующих языков. Поскольку современный туркменский алфавит построен на основе русской графики, этот вопрос требует соответствующего разъяснения.

Наличие среди туркменских заимствований в русском языке слов типа [йы]лгын 'гребенщик, тамариск', ча[йы]р 'пырей', [гы]ртак 'рабыня; оскорбительное обращение к женщине', [хы]рлы 'ружье с треножкой' и других, имеющих в своем составе буквосочетания, не характерные для русского языка, но полностью соответствующие орфографическим нормам туркменского языка, создает впечатление, будто на русскую почву переносится графический облик туркменского слова в языке-источнике. Однако туркменский алфавит располагает также буквами э, ө, ү, ж, ң, представляющими собой соответственно графические обозначения фонем [ä:], [ö], [ö:], [ü], [ü:], [ž], [ŋ], специфичных для фонологической системы туркменского языка. При передаче в русском языке слов с перечисленными выше буквами последние заменяются русскими буквами и буквосочетаниями, обозначающими фонемы русского языка, артикуляторно-акустически близкие к туркменским звукам: *гореш* [göreš] — *гореш* 'национальный вид состязания в борьбе', *кэриз* [kä:rið] — *кяриз* 'система подземных галерей и колодцев, служащих для извлечения грунтовых вод', *сүзме* [šüðme] — *сюзьма* 'процеженное кислое молоко', *жуваз* [žuwäd] — *джуваз* 'маслобойка', *гыңач* [güñaç] — *кыңач* 'большой женский головной платок'. Аналогичную трансформацию букв можно наблюдать и при передаче значительного числа слов, имеющих графически одинаковые для русского и туркменского алфавитов буквы. Это обстоятельство позволяет предположить, что при введении туркменского слова в русский текст субституция звуков основывается преимущественно на их произношении.

Существование заметных, зачастую серьезных расхождений между написанием туркменских заимствований в русских текстах и их графическим обликом в языке-источнике связано со специфическими особенностями фонетического строя туркменского языка. Особенно значительные различия в звуковом строе русского и туркменского языков обнаруживаются в области вокализма⁸. Система гласных фонем туркменского языка в количественном отношении превосходит систему русских гласных. Кроме [ä], [ö], [ü], не имеющих эквивалентов в русском языке, туркменский вокализм характеризуется наличием фонематической оппозиции кратких [a], [o], [u], [ü], [y], [i], [ö] и долгих [ā], [ō], [ū], [ü:], [y:], [i:], [ö:] гласных. Все 16 гласных фонем туркменского языка⁹, обозначаемые на

⁷ А. А. Леонтьев. Иноязычные вкрапления в русскую речь. — В сб.: «Вопросы культуры речи», вып. 7. М., 1966, стр. 60—68.

⁸ Е. Н. Ершова. К вопросу о сопоставительном изучении вокализма в русском и туркменском языках. — «Ученые записки Туркменского университета им. А. М. Горького», вып. 13, 1958.

⁹ Вопрос о количестве гласных фонем в туркменском языке все еще остается открытым; в различных фонетических исследованиях число их колеблется между 16 и 18.

письме 13 буквами, в туркменских заимствованиях передаются при помощи 10 букв русского алфавита, отражающих систему из шести гласных фонем: [a], [o], [и], [ы], [y], [э]. Несовпадением количества гласных фонем в туркменском и русском языках, а также их индивидуальными особенностями объясняется сложность передачи туркменских гласных средствами русской графики. При обозначении туркменских звуков буквами русского алфавита не различаются долгие и краткие гласные, характерные для языка-источника. Так, фонемы [a] и [ā], [o] и [ō] передаются в русском языке соответственно буквами *a* и *o*: *гатлама* [gatlama] — *катлама* 'жаренная в масле лепешка из слоеного теста', *аксакгал* [ākʰakkal] — *аксакал* 'почтенный старый человек, старейшина'; *гош* [goš] — *кош**, *боржак* [bōgʒok] — *борджак* 'растение пустыни, эфедра'¹⁰. В той же фонетической позиции гласным [o] и [ō] иногда соответствует русская буква *y*: *тораңы* [toɾoŋɣy] — *туранги* и *туранга**, *молла* [mōlla] — *мулла**. Гласный [o] в сочетании с межгубным круглощелевым фрикативным согласным [w] обычно заменяется буквой *a*: *ховуз* [howuɖ] — *хауз* 'искусственный водоем', *говурма* [gowurma] — *каурма* 'мелко нарезанное жареное мясо'.

Узкие гласные звуки [u], [ū], [i], [i:] почти без исключения передаются соответственно буквами русского алфавита *y*, *и*, то есть написание их в русском и туркменском языках совпадает: *гунба* [gurpa] — *гунба* 'куполовидное головное девичье украшение, прикрепляемое к тюбетейке', *бушлук* [būšluk] — *бушлук* 'сообщение доброй вести', *чили́м* [čilim] — *чили́м* 'прибор для курения', *петир* [peti:r] — *петир* 'тонкая лепешка'. Фонема [y] в большинстве случаев передается буквой *ы*: *батыр* [bātyr] — *батыр* (см. *батырь**), *тамдыр* [tamdyr] — *тамдыр* 'глиняная шарообразная печь для выпечки лепешек'. Написание *и* после шипящих и заднеязычных согласных вместо буквы *ы* в туркменских заимствованиях обусловлено широко известным принципом русской орфографии, согласно которому после названных согласных, как правило, не допускается написание букв *ы*, *ю*, *я*: *халвачы* [halwačy] — *халвачи* 'приготавливающий и продающий халву', *жын* [žyn] — *джин* и *джинн**, *онбашы* [onpašy] — *онбашы* 'десятник', *жыкыр* [žukyr] — *чигирь**. Передача *ы* через *и* более последовательно осуществляется после шипящих (хотя и здесь возможны отклонения), после заднеязычных же часто наблюдается вариативность *ы||и* даже в транслитерации одних и тех же слов: *агыл* [āyul] — *агыл* и *агил* 'загон для овец', *такыр* [takyr] — *такыр** и *такир*, *хырлы* — *хырлы* и *хырли*¹¹.

Гласный [e] в туркменских словах обычно передается в русском языке через *e*: *гелин* [gelin] — *гелин* 'молодая женщина', *жеңгел* [žeŋgeɭ] — *дженгели* 'густые заросли кустарников и мелких деревьев'. Случаи передачи этой фонемы через русскую букву *a* встречаются редко и преимущественно в словах не исконно туркменского происхождения: *теби́л* [tebi:p] — *табиб* 'знахарь, лекарь', *эйван* [ejwān] — *айван* 'веранда'.

Серьезные трудности возникают при передаче в русском языке туркменских слов, содержащих характерные для туркменского языка гласные фонемы [ö], [ä], [ü]. Специфика этих фонем, чуждых звуковой

¹⁰ Здесь и далее звездочкой отмечены слова и их графемно-фонетические варианты (при наличии поливариантности), зафиксированные в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка». (М.—Л., 1948—1965).

¹¹ При повторном приведении примеров их транскрипция и толкование не даются.

системе русского языка, стихийность процесса их транслитерации, вызванная отсутствием единого принципа передачи слов с этими гласными, порождают разнотип в графическом оформлении их в русском языке. Правда, в отдельных работах отмечается возможность субституции туркменского [ä] через русскую букву я, [ö] через ё, [ü] через ю¹²; предлагаются также замены $\lambda \rightarrow a$, $\theta \rightarrow o$, $\gamma \rightarrow y$ ¹³. Однако практика показывает, что подобные соответствия не всегда находят свое отражение. Так, в ряде случаев лабиализованный краткий гласный переднего ряда среднего подъема [ö] в абсолютно одинаковых фонетических позициях передается через русские буквы о, е, э, а, у: *gәreш* — *гореш*, *tөwelläчы* [töwölläčy] — *тевеллачи* 'посредник, уговаривающий', *дөw* [döw] — *дэw* и *див**, *kөwүш* [köwüş] — *кавуши* 'кожаная туфля без задника', *чөрек* [čögök] — *чурек**. Вместе с тем следует отметить, что в русском языке как долгий [ö:], так и краткий [ö], передаются в основном одной буквой: *gөknар* [gö:knär] — *гокнар* 'наркотик из опиумного мака', *сөзөн* [šö:den] — *созен* 'акация песчаная'. Подобная субституция туркменских гласных [ö:] и [ö] фонетически оправдана только в анлауте слова (*өwлүйә* [öwlijä:] — *овлия* 'могила святого на кладбище') или после шипящих (*чөwүрме* [čöwügme] — *човурме* 'длинношерстная мужская папаха'). В остальных случаях представляется целесообразным передавать [ö], [ö:] через букву ё. Это обеспечило бы более близкое к исходному звучанию произношение слова, так как данные фонемы, как и все туркменские гласные переднего ряда, способствуют некоторой палатализации предыдущего согласного.

Не имеет соответствия в русском языке туркменский гласный переднего ряда нижнего подъема [ä:], заменяемый обычно буквами а и я: *мәш* [mä:š] — *маш* 'растение семейства бобовых', *пәлван* [pä:lwän] — *пальван* 'борец, силач', *теләр* [telä:r] — *теляр* 'навес (обычно на четырех столбах)', *тәрим* [tä:rim] — *тярим* 'нижняя часть деревянного остова туркменской кибитки', хотя не исключена и передача через е (*терим*) и э (*эрсары* [ä:ršärgy] — *эрсары* 'название одного из туркменских племен', *сәхет* [šähhet] — *сэхет* 'день, считающийся благоприятным для всякого начинания'). Последнее наблюдается обычно при замене начальных [ä:], а также краткого нефонематичного звука [ä], встречающегося в немногочисленных словах не исконно туркменского происхождения.

Туркменская специфическая фонема [ü] при фонетической передаче туркменских заимствований субституируется, как правило, русским звуком [у] и обозначается буквами у и ю: *гүляка* [güljaka] — *гуляка* 'брошь', *күрте* [kürte] — *курте* 'вышитый женский халат', *сүзме* — *сюзьма*, *сүлгүн* [šülgün] — *сюльгун* 'фазан', однако случаи передачи данной фонемы через у или ю четко не дифференцированы, о чем свидетельствует существование вариантов типа *дүззүм* [düşdüm] — *дуззүм* и *дюззюм* 'игра, напоминающая шашки', *күндүк* [künüük] — *кундук* и *кюндук* 'длинногорлый кувшин для умывания'. Что касается слов с долгой гласной фонемой [ü:], долгота которой в туркменском языке более последо-

¹² «Сравнительная грамматика русского и туркменского языков», ч. 1. Фонетика и морфология. Под ред. Н. А. Баскакова и М. Я. Хамзаева. Ашхабад, 1964, стр. 15.

¹³ С. Атанязов. Некоторые замечания к транскрипции географических названий Туркменистана. — «Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук», 1966, № 5, стр. 83; Т. Тачмурадов, Б. Чарыяров. Вопросы двуязычия и многоязычия в условиях Туркменской ССР. — В кн.: «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972, стр. 191.

вательно отражается на письме, то при адаптации их русским языком они преимущественно сохраняют показатель долготы — *й* после *у* (*ю*): *түйдүк* [tū:dük] — *туйдук*, *туйдук* 'свирель из камыша', *түйнүк* [tū:pük] — *туйнук*, *туйнук* 'верхнее отверстие туркменской кибитки', но встречается и *тюнок*.

Значительно меньше изменений, по сравнению с гласными, происходит в системе консонантизма при графемно-фонетической передаче туркменских заимствований в русском языке. Согласные туркменского языка, как правило, заменяются своими русскими соответствиями или близительными по артикуляторно-акустической характеристике звуками, а звонкая аффриката [ʒ] и носовой сонант [ŋ], характерные для туркменской фонетики, передаются при помощи буквосочетаний. Так, фонема [ʒ] на русской почве почти всегда субституируется сочетанием *дж*: *гелнеже* [gelneʒe] — *гельнедже* 'жена старшего брата', *жуваз* — *джуваз*. Туркменская специфическая фонема [ŋ] в русском языке передается обычно буквосочетанием *нг*: *гыңач* — *кыңач*, *сиңрен* [ŋiŋren] — *сингрэн* 'кустарниковое растение пустыни', но это не единственная замена: *түңче* [tūŋʃe] — *тунче* и *тунче* 'кувшин для кипячения воды', *таңка* [taŋka] — *танка* (то же значение). Двойной [ŋŋ] передается одним *нг*: *тораңчы* — *туранги*, *жеңсел* — *дженгели*.

Небольшие расхождения между написанием туркменских заимствований в русском языке и графическим обликом их в языке-источнике имеют место при фонетической передаче слов, содержащих согласные фонемы [g], [t], [p]. Глубокозадняязычный вариант фонемы [g] в препозиции относительно гласных непереднего ряда на русской почве заменяется буквой *к*: *гамчы* [gamʃy] — *камча**, *гушак* [guʃok] — *кушак*, что, однако, проявляется не совсем регулярно. Ср.: *газал* 'лирическое стихотворение', *гупба* и др. Зафиксированы случаи субституции туркменского фрикативного звука [ɣ] (орфогр. *г*) русской буквой *х*: *бахшы* [baɣʃy] — *бахши* 'сказитель, певец'. См. такую замену в именах собственных: *Ашгабат* — *Ашхабад*, *Магтымгулы* — *Махтумкули* и др. Немногочисленные туркменские слова, восходящие генетически преимущественно к арабскому и персидскому языкам, при передаче их в русском языке обнаруживают тенденцию к замене глухих согласных [t], [p] парными звонкими [d], [b], что присуще в основном финальным звукам корня: *мүрит* [mürit] — *мюрид**, *мекдеп* [mekdep] — *мекдеб* 'школа', *мирап* [mi:gär] — *мираб**. Редко встречается замена *п* → *ф*, не зависящая от фонетической позиции согласного звука в слове: *перман* [permäp] — *фирман* 'указ', *капыр* [käpyr] — *кяфыр* и *кяфир* 'иноверец', *элип* [eli:p] — *элиф* и *алеф* (первая буква арабского алфавита, символ стройности в поэзии).

Среди других особенностей графемно-фонетической передачи туркменских слов в русском языке привлекает внимание явление утраты отдельных согласных. Так буква *в*, обозначающая межгубной круглощелевой фрикативный звонкий звук [w], выпадает в позиции между двумя лабиализованными гласными [o] и [u]: *ховуз* — *хауз*, *говурма* — *каурма*, *говурга* [gowurɣa] — *коурга* 'жареная пшеница'; последние два слова иногда пишутся и с буквой *в* (*ковурма*, *ковурга*). Средненёбный сонорный [j] утрачивается обычно тогда, когда находится в препозиции относительно узких нелабиализованных гласных [i] и [y]: *рейис* [rejið] — *реис* 'глава', *чайыр* — *чаир* и *чайыр*, *йылак* [jylak] — *ылак* и *йылак* 'растение пустыни, осока'.

Своеобразной чертой русского консонантизма в сравнении с системой гласных туркменского языка является то, что большинство русских

согласных входит в корреляцию по твердости-мягкости, причем такое противопоставление имеет фонематическое значение. При сочетании с гласными переднего ряда туркменские согласные также подвергаются определенной палатализации, не выполняющей, однако, смысловозначительной функции. Тем не менее мягкость согласных в туркменских заимствованиях, хотя и спорадически, отражается в их написании в русском языке: *сүзме* — *сюзьма*, *телпек* [telpek] — *тельпек**, *чакмен* [čä:kmen] — *чекмень**. Однако обозначение мягкости согласных (главным образом сонорных) нельзя считать полностью нормализованным. Ср.: *мерген* [merɣen] — *мергень* и *мерген* 'меткий стрелок; охотник', *везир* [webir] — *визирь** и *визир*, *яшулы* [jašuly] — *яшули* и *яшулы* 'почтительное обращение к старшему' *палван* — *пальван* и *палван*. При этом следует отметить, что более последовательно обозначается мягкость согласных, находящихся после гласных переднего ряда.

Расхождения между фонематическими системами русского и туркменского языков, создающие основную сложность в графемно-фонетической передаче заимствованной лексики в русском языке, неразработанность принципов и отсутствие общих норм этой передачи привели к возникновению нежелательной графической вариативности. В русском языке широко распространено двойное написание туркменских заимствований, но нередки случаи, когда одно и то же слово встречается в трех (*кетени* [keteni] — *кетени* — *китени* — *кетень* 'домотканая шелковая материя и платье из нее', *гелналжы* [gelnalžy] — *гелиналджи* — *гелналджи* — *гельнаджи* 'свадебный поезд'), четырех (*борук* [bö:rük] — *борук* — *берук* — *борык* — *бёрык* 'старинный женский головной убор'), пяти (*хоржун* [horžun] — *хорджун* — *хурджун* — *хурджин* — *хурджум* — *курджум* 'переметная сума') и более графических вариантах. Появлению столь многочисленных вариантов в известной мере способствует и то, что заимствуемые туркменские слова в русском языке лишаются внутренней формы, которая могла бы ставить в какие-то рамки изменение их графического облика.

Проведенный краткий анализ состояния графемно-фонетической передачи туркменских слов в русском языке позволяет сделать следующие выводы:

1. Процессы проникновения русской лексики в туркменский язык и туркменской — в русский имеют свои особенности. Русские слова проникают во многие пласты словарного состава туркменского языка, становясь неотъемлемой частью его лексической системы, в то время как функционирование туркменских слов в русском языке ограничено определенным ареалом и зачастую несет стилистические функции. Одним из серьезных препятствий для освоения туркменских заимствований русским языком является отсутствие унификации их графемно-фонетической передачи.

2. Туркменская лексика в русскую письменную речь вводится переведенными с туркменского на русский язык произведениями художественной литературы, оригинальными произведениями литературы и журналистики о Туркмении, причем в каждом случае, как правило, оформление туркменских слов в русском тексте не совпадает. При этом русским языком туркменское слово заимствуется не графически, а фонетически. Не владея практически орфоэпическими нормами туркменского языка, переводчики и авторы способствуют увеличению количества варьирующихся туркменских заимствований.

Туркменские звуки	Фонетическая позиция	Русские буквы	Примеры	
			туркменские слова	русское написание
[ö]	в начале слова	о	өвлүйә	овлия
	после шипящих	о	чөвүрме	човюрме
	в остальных позициях	ё	сөзен гөкнар	сёзен гёкнар
[ä]	в начале слова	э	әрсары	эрсары
	в остальных позициях	я	теләр	теляр
			кәриз	кяриз
[ü]	в начале слова	у	үме	уме
	после й	у (ю)	йүзүк	юзюк
	в остальных позициях	ю	түйдүк күрте	тюдюк кюрте
[y]	после шипящих	и	халвачы багшы	халвачи бахши
			после й	и
	[ž]	езде	дж	жуваз боржак
[ŋ]	перед шипящими	н	түңче	тюнче
	в остальных позициях	нг	синрен тораңы	сингрен торанги
[g]	перед гласными ненедеднего ряда	к	гатлама гыңач гупба	кат.лама кынгач купба

3. Основные трудности нормализации написания туркменских заимствований в русском языке объясняются принадлежностью взаимодействующих языков к типологически разным системам. Наибольшие расхождения наблюдаются в системе гласных. Так, в отличие от русского языка туркменский вокализм характеризуется наличием корреляции по долготе—краткости, однако долгота гласных в современной туркменской графике отражается не совсем последовательно, что, в свою очередь, затрудняет фонетическое освоение туркменских слов русским языком и приводит к отождествлению долгих гласных с краткими. Освоение осложняется еще и тем, что в русских словах долгое произношение гласных обусловлено ударением, в туркменском же языке этой связи нет, и ударение обычно падает на последний слог слова. В результате туркменский безударный долгий гласный звук в русской речи звучит кратко, а ударный краткий гласный — долго. Дифференциация долгих и кратких гласных в туркменской графике в определенной степени способствовала бы верному освоению оригинального звучания туркменских слов носителями других языков.

4. В строгом упорядочении нуждается графемно-фонетическая передача туркменских заимствований, включающих туркменские гласные и согласные, не имеющие артикуляторно-акустических соответствий в фонетической системе русского языка. Наиболее приемлемой с точки зрения близости к исходному звучанию представляется передача специфических туркменских звуков следующими буквами русского алфавита (см. таблицу на стр. 59).

5. Предложенные рекомендации могут быть использованы и в фонетической адаптации русским языком туркменских собственных имен (антропонимов, топонимов, этнонимов и др.), графемно-фонетическая вариативность которых особенно нежелательна.

Разумеется, в процессе унификации русского написания туркменских слов необходимо учитывать факт существования в русском языке довольно обширного пласта заимствованной лексики, общей для определенной группы тюркских языков и встречающейся в переводной и оригинальной литературе о тюркоязычных народах, но окончательно не закрепившейся в лексической системе русского языка. При составлении справочников и словарей тюркизмов в русском языке, имеющих как повсеместное, так и территориально ограниченное употребление, было бы целесообразно отобразить в каждом случае наиболее распространенный в русских текстах графемно-фонетический вариант общетюркского слова и предложить его в качестве инварианта.

М. ЕРЗИН

К ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ ТОЛКОВАНИЮ СЛОВ «ТУЛУМА» И «ТОРМА»

В 1221 году по приглашению Чингисхана к берегам Амударьи отправился даоский монах Чан-чунь. Через северные провинции Китая он прибыл в Монголию, а затем в Среднюю Азию, завершив свое путешествие в 1224 году. Ученик и спутник этого монаха Ли Чжи-чан впоследствии написал «Записки о путешествии на Запад праведника Чан-чуня», содержащие немало ценных сведений по географии Монголии и Средней Азии, а также по истории и этнографии населявших эти территории народов.

Эти Записки с давних пор привлекали внимание ученых, черпавших в них самые различные интересующие их сведения. В частности, лингвистов заинтересовало встречающееся в Записках слово *tuluma*.

В тексте Записок говорится: «...27 дня 9 месяца мы достигли города Алима (Алмалык. — М. Е.)... Здесь есть ткань по названию *tuluma*... В народе говорят, что она соткана из посаженной шерсти овец»¹.

В китайских словарях встречается слово, близкое по звучанию к *tuluma* и имеющее сходное иероглифическое изображение. Однако слово *tuluma* в китайских словарях означает не ткань, а религиозное понятие². Следовательно, можно полагать, что это слово не китайского происхождения.

Известный русский синолог Палладий (имя, данное в монашестве Кафарову Петру Ивановичу) высказал предположение о том, что слово *tuluma* восходит к названию города Термеда. А Бретшнейдер, ссылаясь на Троттера, прочитал это слово как *tolma* (толма). Китайский же исследователь Ван Го-вэй считает, что оно является транскрибированным вариантом слова *doulomiän*³.

Многие исторические источники указывают на то, что в Восточном Туркестане выращиванием и обработкой хлопчатника занимались с древнейших времен, вырабатывая из полученного сырья различные хлопчатобумажные ткани. Культура хлопчатника была заимствована китайцами из Восточного Туркестана в XIII веке. Одновременно были восприняты способы очистки хлопка, прядения его волокон, а также заимствованы

¹ «Чан-чунь чжэнь-жэнь си-ю цзи» («Записки о путешествии на Запад праведника Чан-чуня»). — В «Сборнике Юн Юаня», т. 24, стр. 166. (Юн Юань — псевдоним Чжан Ши — составителя сборника сочинений древних и средневековых китайских авторов).

² «Пэйвэнь юньфу» (крупнейший китайский фонетический словарь с расположением слов по рифмам. Сост. Ханьлинской академией в 1704 г.), т. 2. Шанхай, 1937, стр. 910.

³ «T'OUNG PAO», Leide, 1931, стр. 422—423.

ткацкие станки, а вместе со всем этим соответствующие термины, относящиеся к данному ремеслу. Так, например, китайское слово *bo-de*, как и уйгурское *рахта*, означает «хлопок».

В свое время наряду с названием хлопка *bo-de* употреблялось также слово *doulomiän*, характерное главным образом для юга Китая. В китайских этимологических словарях последнее слово подается как составное: *doulo* — название одного из видов дерева и *miän* 'вата', то есть «вата-доуло»⁴. Данное сложное слово иногда употребляется китайцами и для обозначения ткани. Однако его первый компонент *doulo* является транскрипцией санскритского *tula*, обозначающего только хлопок, а не ткань⁵. Поэтому санскритское *tula* не имеет связи со словами *рахта* и *tuluma*. С этой точки зрения мнение Ван Го-вэя о том, что слово *tuluma* происходит от *doulomiän*, нельзя считать соответствующим действительности.

Из содержания Записок явствует, что *tuluma* — это ткань из хлопка. Хлопок и изделия из него появились в Китае довольно поздно, в начале XIII века. В северных его районах во времена Чан-чуня они были малоизвестны, и поэтому в Китае о хлопке существовали самые необычные представления. Ткани из хлопка, отличавшиеся от шелковых и льняных лучшими теплоизоляционными качествами и большей эластичностью, китайцы называли также *таову* досл. «шерстяная или мохнатая ткань»⁶. Среди китайцев того времени существовало поверье, что если посеять кости овец, то из них могут вырасти овцы с шерстью⁷. Этим поверьем и объясняется упоминание Чан-чуня о некоей выращенной на земле овечьей шерсти. Автор Записок сообщает и о том, что ему удалось достать несколько кусков такой ткани, мягкой, чистой, тонкой, и что из волокон этого удивительного растения можно прядь нитки, вить веревки, ткать холст и изготавливать вату⁸.

Из Записок Ли Чжи-чаня следует, что слово *tuluma* является названием не китайской ткани, и поэтому его происхождение должно восходить к языкам народов Восточного Туркестана. Это слово созвучно с уйгурским *toluma* (*tolima*)⁹, обозначающим «хлопчатобумажная ткань», и близко ему по значению. Об уйгурском происхождении слова *tuluma* говорят также исторические и лингвистические факты.

Как известно, культура хлопка в Восточном Туркестане восходит к древнейшим временам. В 54 цзюане Ляншу — одной из китайских летописей, сообщающей о событиях VI века, — говорится: «В Гаочане (стране уйгуров. — М. Е.)... имеется множество растений. Плоды одного из них похожи на коконы шелкопряда, имеют тонкие волокна и называются *бодэ-цза*; местное население тклет из них ткань, которая очень мягка, бела и используется на рынке как предмет обмена»¹⁰.

Уйгуры, очень рано начавшие культивировать хлопок, были настоящими мастерами изготовления различных хлопчатобумажных тканей,

⁴ «Цыхай». Шанхай, 1948, стр. 140; *Морохаси Тэцудзи*. Дай канвадзитэн («Большой китайско-японский словарь»), т. I. Токио, 1955, стр. 1035.

⁵ Слово *tula* в современном бенгальском языке также обозначает «хлопок». (См.: «Русско-бенгальский словарь». М., 1959, стр. 569).

⁶ «Тайпин юйлань» [Высочайшее обозрение годов правления Тайпин (976—983 гг.). Энциклопедия], т. 97, цзюань (глава) 960, стр. 6а.

⁷ «Цыюань». Шанхай, 1947, стр. 1110.

⁸ «Чан-чунь чжэнь-жэнь си-ю цзи», стр. 166.

⁹ С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяня. М., 1961, стр. 160; Э. Н. Наджип. Уйгурско-русский словарь. М., 1968, стр. 323.

¹⁰ «Эршисы ши» (История 24 династий и царствований), т. 7. Пекин, 1958, стр. 8074—8075 (456—457).

которые в зависимости от качества и способа их изготовления получали у них различные названия: хам, čäk'män, mata, toluma (tolima), suluma, üštä, čota, süpitä, šativa, ämzäk', sägäz и т.д. Особенное развитие ткацкое дело получило в Турфане, Хотане и Кашгаре. Хотанская, кашгарская и турфанская tolima высоко ценилась на внешнем и внутреннем рынке и пользовалась большим спросом.

Источники свидетельствуют также о том, что хлопчатобумажные ткани, производившиеся в Восточном Туркестане, начали появляться в Китае еще в III веке н. э. и отличались от прочих тканей белизной и чистотой выработки¹¹. Ткацкое ремесло уйгуров имело древние традиции и играло важную роль в хозяйственной жизни народа. Подавляющее большинство пятимиллионного уйгурского населения Восточного Туркестана до недавнего времени обеспечивалось ткацкой продукцией своего собственного производства. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что в уйгурском языке до сих пор сохранились многие наименования и термины, связанные с древним ткацким ремеслом.

Такие понятия, как «сучить», «прясть», «обвязывать»¹², «вязать», «плести»¹³, «мотать»¹⁴, «штопать»¹⁵, передаются в уйгурском языке целым рядом глагольных основ: äšmäk', egirmäk', örmäk', oğumak, jögimäk', toglimak. Слово toglima > toluma в значении «штопать; плести сеть из нитки; вязать кружева» и т. п. образовано от общетюркского корня tog 'сеть, невод; паутина' (отсюда: tog köjñäk' 'трикотажная рубашка; свитер', tog jaylık 'вязаная шаль') при помощи глагольного аффикса -la и именного -та. В соответствии с фонетическими законами уйгурского языка в данном производном образовании неустойчивый сонорный r перед другим сонорным l в устной речи уйгуров, как правило, выпадает, что получило свое отражение и на письме. В результате исходное toglima дало [r]lma > toluma и в этой форме было заимствовано китайцами.

Известный французский китаевед П. Пелльо не отрицает возможности передачи слова tuluma в чагатайской транскрипции в форме турша¹⁶, хотя и не считает эти понятия тождественными. Приведенное П. Пелльо слово турта не что иное, как تورما или تورمه, транскрибированное В. В. Радловым как төрмә, тюрмә. Слово تورما (правильнее было бы его читать как toгта) обозначает тонкую шерстяную ткань¹⁷, и упоминаемое П. Пелльо турта означает не хлопчатобумажную, а шерстяную ткань. Кроме того, слову tuluma из Записок по звучанию и значению соответствует не турта, а toluma.

¹¹ «Тайпин юйтань», т. 83, цзюань (глава) 820, стр. 36.

¹² به شی تیللیق مانجوچه لوغت (Пятиязычный маньчжурский словарь), т. II. Пекин, 1957, стр. 3226—3227.

¹³ شیخ سلیمان. «لغت چغتای و ترکی عثمانی»، جلد اول، استانبول، ۱۲۹۸ (1880) — صخیفه.

¹⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. I. СПб., 1905, стр. 1186.

¹⁵ Э. Н. Наджип. Уйгурско-русский словарь, стр. 321, 323.

¹⁶ «T'OUNG PAO», стр. 422.

¹⁷ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. I, стр. 1259; т. III, ч. II, стр. 1566. حسین کاظم قدری. «تورک لغتی»، ایکینجی جلد، استانبول—۱۹۲۸، صخیفه، ۱۸۷—صخیفه، شیخ سلیمان. «لغت چغتای و ترکی عثمانی»، جلد اول، استانبول—۱۸۹۲ (1880) — صخیفه.

П. Пелльо делает оговорку, что слово *tuḡta*, претерпев в свое время фонетические изменения, могло употребляться в форме *tolma*, как это было записано Троттером. Основываясь на высказываниях Троттера, Бретшнейдер утверждает, что в Восточном Туркестане слово *tolma* и в те времена употреблялось для обозначения определенной ткани. По нашему мнению, *tolma* восходит к *tolima (toluma)*, в котором в соответствии с фонетическими законами уйгурского языка выпал сонорный *r* в позиции перед сонорным *l*, а гласный второго слога *u* (<*i*) в безударном положении редуцировался.

В начале VIII века карлуки находились в союзе с близкими им по языку уйгурами. Объединенными усилиями им удалось разбить восточнотюркский каганат. Впоследствии карлуки вышли из союза и переселились на запад, в Семиречье. В IX веке после падения уйгурского каганата на Орхоно-Селенге часть уйгуров переселилась в долину Или. Алмалык был связан с Бешбалыком оживленными торговыми путями, что свидетельствует о существовании в то время тесных хозяйственных и культурных контактов Алмалыка с другими уйгурскими городами. Все это позволяет предположить, что в долине Или и ее окрестностях хлопок и хлопчатобумажные изделия были хорошо известны, а относящаяся к ним терминология, созданная на этой территории, получила отсюда повсеместное распространение.

Источники свидетельствуют о том, что некоторые из этих терминов были весьма широко употребительны и в Бешбалыке, и в окрестностях Алмалыка. Уйгур из Бешбалыка Синку Сали, переводивший буддийские сутры, писал: «...*Bišbalıyılıḡ Sınqu Säli tutuḡ tawḡaç tilintin türk-uyuḡ tilinčä ikiläyü äwirmiš*» («...житель Бишбалыка Сынку Сали Тудун перевел опять с языка тавгач на тюркско-уйгурский»)¹⁸. В Записках же сообщается, что тавгачами население Алмалыка именovalo китайцев¹⁹. Значит, в языке уйгуров Бешбалыка и жителей Алмалыка *тавгач* означало «китаец». Возможно, что и в Бешбалыке и Алмалыке термины *toluma*|| *toḡta*, имеющие общий уйгурский корень, были употребительны в равной степени.

¹⁸ *Suvarṇaprabhāsa* (Сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Изд. В. В. Радлов и С. Е. Малов, вып. VII—VIII. Пг., 1917, стр. 674, строка 4—9 (*Bibliotheca Buddhica*, XVII).

¹⁹ «Чан-чунь чжэнь-жэнь си-ю цзи», стр. 16б.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. СЫДЫКОВ

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЫ В ТВОРЧЕСТВЕ КИРГИЗСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗИТЕЛЕЙ

В арсенале художественных средств, используемых в народно-эпических сказаниях, значительное место занимают устойчивые поэтические фразы (в научной литературе они получили известность как «устойчивые формулы», «эпические „клише”», *loci communes* и т. д.), переходящие от одного поколения сказителей к другому, почти не подвергаясь изменениям. Эти веками оттачивавшиеся фразы позволяют самыми экономными поэтическими средствами сразу же ввести слушателя в мир, изображаемый эпосом. Эти традиционные словесные формулы, как бы цементирующие отдельные части повествования, дают концентрированное отображение черт национальной самобытности, специфики языка, мировоззрения народа, особенностей его художественного мышления. Об устойчивости этих формул говорит хотя бы тот факт, что некоторые из них в одинаковом словесном оформлении встречаются в отрывках из эпоса «Манас», записанных еще В. В. Радловым. Например, там имеются устойчивые строки о родословной Манаса, обычно в виде зачина предвещающие повествование, а также следующее четверостишие-вступление:

*Манас Манас болгондо,
Манас атка конгондо,
Алчайып атка мингенде,
Алыска сапар жургөндө¹*

‘Когда Манас стал Манасом,
Когда он стал называться Манасом,
Когда он, раскорячившись, сел на коня,
Когда стал ходить в далекие походы’.

В радловских записях встречается традиционная формула, характеризующая Алмамбета (*Алтын айдар, чок белбоо* ‘С золотой косой и кушаком с кисточкой’²), устойчивые строки о благодатном времени, наступившем для родов Кёкчё с приходом к ним Алмамбета, угнавшего у соседних племен множество табунов и обогатившего весь род:

Келинге кете байлатты,

‘Молодух одел в кете (род дорогой
ткани. — А. С.),

Кемпирге куйрук чайнатты

Старухи стали есть курдючное сало’.

Там же приводится широко известная формула-характеристика великана Джолоя в своеобразном словесном оформлении.

*Жети жылы жөө басып,
Тер жыттанган Жолойду,
Жетимиш алты өлтуруп,
Кан жыттанган Жолойду³*

‘Исходив семь лет пешком,
Потом пахнущего Джолоя,
Убив семьдесят великанов,
Кровью пахнущего Джолоя’.

¹ «Манас». Вариант, записанный В. В. Радловым (копия). Рукописный фонд Отделения общественных наук Академии наук Киргизской ССР, инв. № 1090, стр. 75.

² Там же, стр. 24, 32.

³ Там же, стр. 89.

Именно неизменяемые формулы и традиционные места текста имел в виду В. В. Радлов, когда писал: «Если исследователь желает получить понятие об истинно народных элементах... эпоса, тогда раньше всего ему следует выделить различные места, повторяющиеся в менее или более измененном виде. ... Они составляют материал, из которого поэт создал свой эпос»⁴.

Многими поколениями киргизских *манасчи* был выработан круг устойчивых поэтических формул для описания различных сцен и эпизодов: В данной статье нам хотелось бы остановиться на одном факте, позволяющем дать более подробную характеристику традиционных формул, употребляемых киргизскими сказителями.

Известно, что сказитель Саякбай Каралаев был активным участником установления Советской власти в Средней Азии. Дважды (в 1957 и 1967 гг.) в Киргизии была издана книга воспоминаний С. Каралаева⁵. Во втором издании автор рассказывает о своем безрадостном детстве, о бегстве в Китай после поражения восстания киргизов против царизма в 1916 году, о событиях гражданской войны в Туркестане, участником и очевидцем которых он был, воспроизводит по памяти песни-импровизации, исполнявшиеся его современниками (Кыдык, Акун, Джакшылыкырчи и др.). В книге С. Каралаева приведены 4119 стихотворных строк, причем 2400 из них он сочинил сам. Именно эти строки представляют наибольший интерес, ибо они содержат около сотни устойчивых формул и типических мест, характерных для творчества сказителя и использованных им в «Манасе», «Семетее» и «Сейтеке»; некоторые из них даже вкраплены в стихи-песни других исполнителей, приводимые С. Каралаевым в его собственном переложении.

Отличие этих типических мест и традиционных формул от использованных в эпосе состоит в том, что они применимы к иным жизненным обстоятельствам, относящимся к исторически недавнему прошлому. Однако если опустить некоторые сюжетные эпизоды и детали, современные географические названия, русские имена собственные и заимствования: «партизан», «полк», «поезд», «комсомол», «пулемет» и др., а также лексику времен гражданской войны: «басмачи», «бухарский эмир» и т. д., то может создаться такое впечатление, что перед нами отрывок из текста «Манаса». Внешнее, словесное оформление устойчивых формул сохранено почти в неприкосновенности, причем некоторые из них используются автором многократно.

В книге С. Каралаева представлен тот же круг традиционных поэтических формул, что и в эпосе: типические пейзажи, выступление войск (в данном случае красноармейцев против белогвардейцев и басмачей), устойчивые сравнения, описание сражения, трудных переходов, бега коня, формулы, употреблявшиеся для характеристики Манаса, его врагов, женщин и т. д.

Пейзажные описания, широко представленные в трилогии «Манас», принадлежат к числу наиболее типичных и распространенных поэтических картин. Об этом свидетельствует стихотворный текст книги С. Каралаева «Незабываемые дни», где картины природы воссоздаются устойчивыми типическими формулами (в девятнадцати случаях) посредством

⁴ В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Предисловие к V т. — В кн.: «„Манас“ — героический эпос киргизского народа». Фрунзе, 1968. стр. 36.

⁵ С. Каралаев. Эстен кетпейт. (Это не забывается). Фрунзе, 1957; его же. Унутулгус кундор. Эстеликтер. (Незабываемые дни. Воспоминания). Фрунзе, 1967.

цы», остальные строки он сохранил такими же, какими они довольно часто (в той или иной последовательности) встречаются в «Манасе».

Численность красноармейских полков сравнивается с традиционным для эпоса селевым потоком, грозный вид воинов описывается устойчивыми строками, изображающими в эпосе разгневанного Манаса или другого богатыря:

<i>Кайра жаачу булуттай</i>	'Словно туча, готовая вторично	пролиться,
<i>Каары бетте айланып</i>	Его чело обволок гнев'.	
(стр. 136)		

Об устойчивости традиционных формул красноречиво говорит, например, хотя бы то, что С. Каралаев при описании одного из боев ввел в свой текст эпическую формулу-сравнение, сохранив в ней даже неуместное в данном случае слово «стрелы»:

<i>Жамгыр кылып жаа тартып...</i>	'Напустив, как дождь, стрелы...'
(стр. 66)	

Выступление в поход партизан описано следующими строками из эпоса:

<i>Асманга учуп топурак,</i>	'В небо летела пыль,
<i>Аскер кайнап топурап,</i>	Воины толпились, сгрудившись,
<i>Кылычтын баши кагышып</i>	Сабли стучали друг о друга'.
(стр. 33)	

Как известно, отрицательные персонажи эпоса «Манас» характеризуются соответствующей сатирической формулой. Этот принцип также сохранен в книге «Незабываемые дни».

Что касается образов положительных героев книги С. Каралаева, то для них автор использует формулы-характеристики Манаса и других любимых героев. Например, у комсомольцев «запастья сильные, сердца каменные» («билеги жоон, таш журак») (стр. 121), причем вторая часть этой формулы «негодник, части тела которого подобны слоновьим» («пил мучолуу бадирек») опущена сказителем за явной неприемлемостью.

Красноармейцев, боевых соратников, С. Каралаев описывает следующими строками, характеризующими в эпосе спаянность и верность дружинников Манаса:

<i>Чалгын чалса чаң бирге,</i>	'На разведке путь один,
<i>Өлүм орток, жан бирге,</i>	И жизнь, и смерть — пополам,
<i>Ашыбыз бирге жоролош,</i>	Пища наша — одна,
<i>Акыл бирге короолош</i>	Ум — вместе'.
(стр. 135)	

Интересно, что последняя строка данного отрывка в эпосе выглядит так:

Кою бирге короолош 'Овцы (то есть все добро) — в одном загоне (то есть общие)'.

Слово «овцы» заменено автором более уместным в данном контексте словом «ум».

Для характеристики защитников Советской власти автор также использует поэтические средства. Так, о красноармейце добровольческого отряда Акуне он пишет:

<i>Балбандыгы байкача,</i>	'Силач особенный,
<i>Баатырдыгы бир мынча,</i>	Храбрец недюжинный,
<i>Найзакерден ыктуу эле,</i>	Искусным копейщиком был,
<i>Кылычка уста мыкты эле</i>	Хорошо владел саблей'.
(стр. 140)	

Здесь С. Каралаев снова оставил нетронутым архаизм — красноармеец вооружен копьем; однако в другом месте копье заменено им на гранату:

<i>Гранат алган ыктууну, Ык билуучу мыктууну</i>	'Ловких, вооруженных гранатами, Знающих приемы [боя]'
--	--

(стр. 137)

Гнев героев книги также описан устойчивой формулой:

<i>Кынсыз кылыч байланган Кайра жаачу булуттай</i>	'На поясе меч без ножен, Словно туча, готовая вторично пролиться,
<i>Каар жузунө айланган</i>	Гнев обволоок (его) чело'.

(стр. 136)

Приказ командиров о выступлении красноармейцев против атамана Махно очень напоминает монолог-обращение богатыря к своим воинам перед боем:

<i>Бул буйрукка көңүлө: Ал өңдөнгөн душмандын Жазасын колго бергиле! Каарды катуу төккүлө! Канын суудай чачкыла!</i>	'Внемлите приказу: Врага проучите, Расправьтесь с ним! Излейте свой гнев! Пролейте кровь врага!' и т. д.
--	--

(стр. 173)

О конкретной женщине Бурулча (даже имя ее взято из эпоса!) говорится формулой, как о девах-богатырях в «Манасе»:

<i>Ургаачынын шери экен, Ургаачы жолборс өзү экен</i>	'Она оказалась львицей из женщин, Оказалась самой тигрицей'.
---	---

(стр. 147)

Красота женщин — туркменок и каракалпачек — современниц автора изображается традиционными фольклорными средствами: *оймок ооз, бото көз* (стр. 159) 'с маленьким ротиком и томными глазами'.

Командиры и военачальники Красной Армии обладают теми же качествами, что и Манас и другие легендарные эпические богатыри. Например, воля и энергия М. В. Фрунзе — «словно перевал горы Кап» (устойчивое сравнение из эпоса); или:

<i>Кула кашка ат минген, Куп келишкен, жарашкан, Кынсыз кылыч байланган, Кайра жаачу булуттай Каар жузунө айланган. Кирпиги — жалың, көзү—чок, Адамда мындай таалай жок</i>	'На саврасом коне с лысиной, Ладный, пригожий, На поясе меч без ножен, Словно туча, готовая вторично пролиться, Гнев обволоок чело. Ресницы — пламя, глаза— огонь, Нет среди людей такого'.
---	---

(стр. 168)

Сказитель рисует выдающегося советского полководца и государственного деятеля теми же художественными средствами, какими описан эпический богатырь Манас, что для С. Каралаева, воспитанного на традициях «Манаса», вполне естественно, ибо герой эпоса в его представлении является идеалом человека. Поэтому сказитель прибегает к готовым, отшлифованным, выдержавшим испытание веками традиционным строкам и приемам. И этим приемом автор пользуется при любой возможности.

Из многочисленных общих мест и устойчивых словесных формул, встречающихся в книге С. Каралаева «Незабываемые дни», мы остановились лишь на наиболее характерных и наглядных. Подобные примеры можно умножить.

Прав был фольклорист П. Д. Ухов, когда писал: «Наиболее объективным является метод типических мест, который позволяет безошибочно выявить фальсификацию текста в целом или в каких-то его частях»⁷.

В книге «Незабываемые дни» удалось, например, обнаружить несколько случаев замены одного слова традиционного текста другим с целью «улучшения», причем это было сделано, несомненно, не автором, что нетрудно доказать. Необходимо подчеркнуть, что подобные изменения, при всей кажущейся на первый взгляд незначительности, обычно приводят к искажению образа и всего смысла.

Поэтому с первоначальными текстами произведений устного народно-поэтического творчества следует обращаться исключительно бережно. Устойчивые формулы особенно «чувствительны» к различного рода «улучшениям» и изменениям, которые здесь совершенно недопустимы.

Эпос «Манас» изобилует типическими местами и традиционными поэтическими формулами. Сказители при создании своих произведений широко используют их для развития сюжета, для характеристики реальных лиц и событий, орнаментируя ими свой рассказ. «Типические места с определенным сюжетом не связаны и переходят из одного сюжета в другой, и по своему словесному оформлению приобретают строго законченный вид»⁸.

Таким образом, наблюдения, сделанные на материале русских былин, подтверждаются примерами типических мест текста и устойчивых поэтических формул, содержащихся в киргизском героическом эпосе «Манас».

---

⁷ П. Д. Ухов. Атрибуции русских былин. М., 1970, стр. 186—187.

⁸ Там же, стр. 10—11.

АНТРОПОНИМИКА

Т. И. ТЕПЛЯШИНА

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПРИЧЕПЕЦКИХ ТАТАР

До настоящего времени исследователи специально не занимались анализом семейно-наследственных наименований каринских татар, то есть татар, живущих в пределах Каринского сельсовета Слободского района Кировской области. Селение Карино расположено в нижнем течении р. Чепцы, недалеко от ее впадения в р. Вятку¹. Татары селения Карино в специальной литературе именуются также нократскими татарами по их самоназванию².

В рукописной работе П. М. Сорокина (конец XIX века) рассматривается состав фамилий нократских татар и делается попытка отделить местных бесермян от татар³. Имеется также небольшой список фамилий и имен татар, составленный П. Н. Лупповым⁴.

В основу настоящей работы положены фольклорные и полевые материалы, собранные автором во время специальных поездок в районы расселения причепецких татар.

В связи с рассмотрением состава фамилий татар мы коснемся и вопроса об их расселении, используя при этом также соответствующие исторические документы XV—XVII вв.⁵

В бассейне р. Чепцы татары живут в Слободском районе Кировской области и в Ярском, Юкаменском, Балезинском районах Удмуртской АССР. По имеющимся данным⁶, татары проживают в 48 населенных пунктах бассейна р. Чепцы:

Кировская область, Слободской район:

1. Арсланово Каринского сельсовета.
2. Ильясово Каринского сельсовета.
3. Касимово Каринского сельсовета.

¹ См.: Т. И. Тепляшина. Из патронимии каринских татар. — «Советская тюркология», 1972, № 5, стр. 53—57.

² Имеются в виду диалектологические работы, в частности: «Татар теленен диалектологик сузлеге», под редакцией Л. Т. Махмутовой. Казань, 1969.

³ П. М. Сорокин. Северо-вятские татары и бесермяне, взаимные соотношения их численности, действительное вероисповедание, расселение и численность. Рукопись хранится в Ленинградском отделении Архива АН СССР, ф. 811, оп. 1, ед. хр. 41, лл. 114—116 и 116 об.

⁴ П. Н. Луппов. Фамилии и имена татар. Рукопись хранится в Рукописном фонде Библиотеки Удмуртского научно-исследовательского института (Ижевск), д. 214, л. 658.

⁵ П. Н. Луппов [Сост.]. Документы по истории Удмуртии XV—XVII веков. Ижевск, 1958, стр. 179 и далее. В дальнейшем при ссылке на этот труд: Документы.

⁶ Сведения нами извлечены из книги: «Удмуртская АССР. Административно-территориальное деление, на 1-е сентября 1955 года». Ижевск, 1956.

4. Абашево Каринского сельсовета.
5. Деветьярово Каринского сельсовета.
6. Митюково Каринского сельсовета.
7. Шамарданово Каринского сельсовета.
8. Кокир Ильинского сельсовета.
9. Пос. Боронский Ильинского сельсовета.

Удмуртская АССР:

10. Моино Ворцинского сельсовета Ярского района.
11. Зянкино Ворцинского сельсовета Ярского района.
12. Ворца Ворцинского сельсовета Ярского района.
13. Бегашур Ежевского сельсовета Юкаменского района.
14. Мамалей Ешмаковского сельсовета Юкаменского района.
15. Муллино Пышкетского сельсовета Юкаменского района.
16. Верхняя Пажма Ешмаковского сельсовета Юкаменского района.
17. Татарские Ключи Ежевского сельсовета Юкаменского района.
18. Юнусенки Юкаменского сельсовета Юкаменского района.
19. Подлешур Ешмаковского сельсовета Юкаменского района.
20. Мустай Ешмаковского сельсовета Юкаменского района.
21. Починки Ежевского сельсовета Юкаменского района.
22. Кешур Уканского сельсовета Ярского района.
23. Юкаменское — центр Юкаменского района.
24. Большой Палагай Палагинского сельсовета Юкаменского района.
25. Зягруд Юкаменского сельсовета Юкаменского района.
26. Малый Палагай Палагинского сельсовета Юкаменского района.
27. Шафеево Верх-Унинского сельсовета Юкаменского района.
28. Верхний Дасос Засековского сельсовета Юкаменского района.
29. Иманай Засековского сельсовета Юкаменского района.
30. Засеково Засековского сельсовета Юкаменского района.
31. Малый Вениж Бадеринского сельсовета Юкаменского района.
32. Тутаево Бадеринского сельсовета Юкаменского района.
33. Порпиево Сыгинского сельсовета Глазовского района.
34. Петяпи Тат.-Парзинского сельсовета Глазовского района.
35. Татарские Парзи Тат.-Парзинского сельсовета Глазовского района.
36. Большие Потапи Тат.-Парзинского сельсовета Глазовского района.
37. Кешур Бадеринского сельсовета Юкаменского района.
38. Татарский Починок Сыгинского сельсовета Глазовского района.
39. Кестым Кестымского сельсовета Балезинского района.
40. Малые Парзи Тат.-Парзинского сельсовета Глазовского района.
41. Бектыш Юндинского сельсовета Балезинского района.
42. Красный Поселок Прохоровского сельсовета Красногорского района.
43. Бурово Прохоровского сельсовета Красногорского района.
44. Ахмади Юндинского сельсовета Балезинского района.
45. Падера Юндинского сельсовета Балезинского района.
46. Гордино Оросовского сельсовета Балезинского района.
47. Гурзи Люкского сельсовета Глазовского района.
48. Балезино — центр Балезинского района⁷.

На схематической карте можно видеть, что многие селения имеют смешанный состав населения.

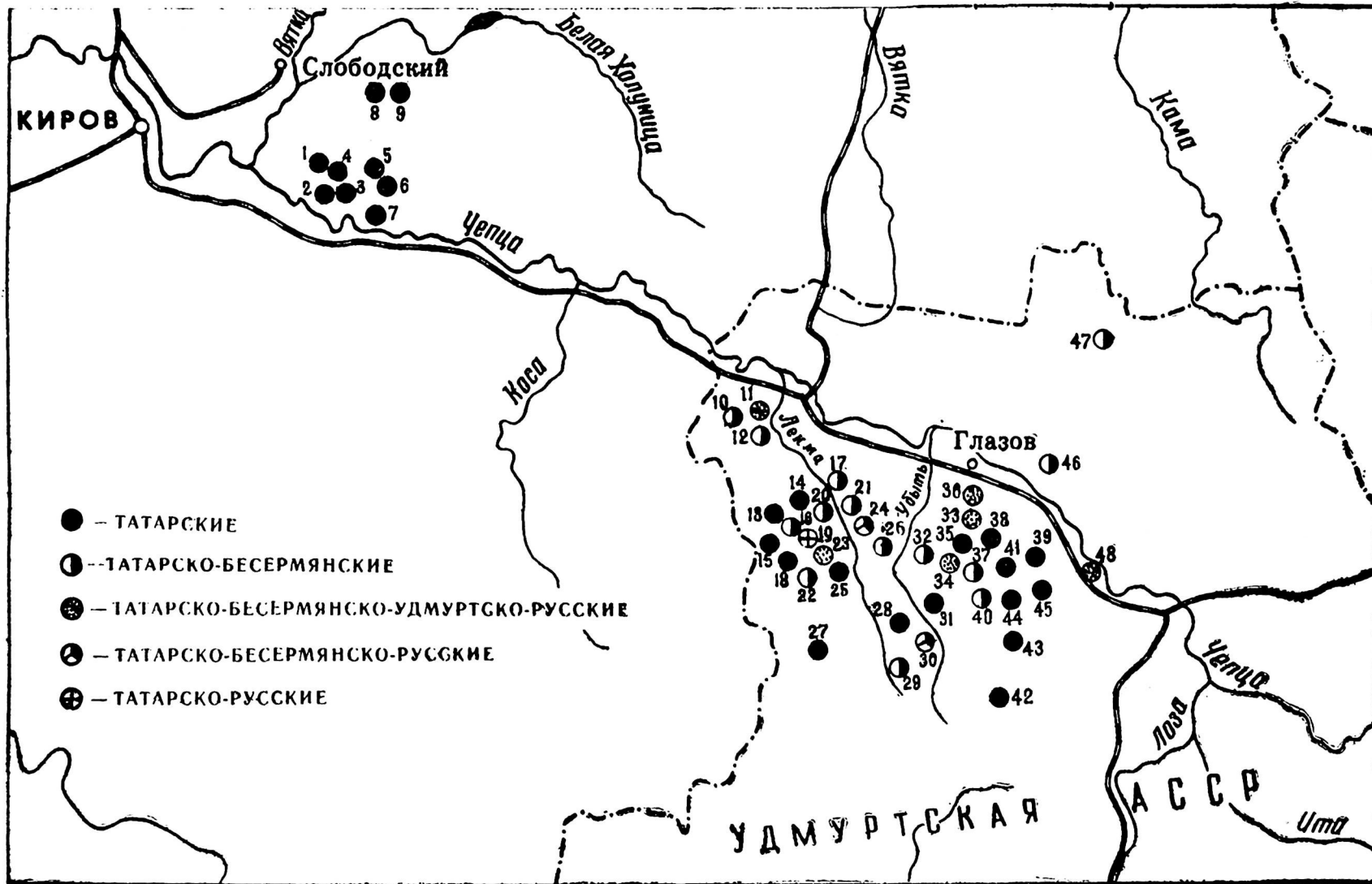
Чисто татарских населенных пунктов — 25: Абашево, Арасланово, Ахмади, Бектыш, пос. Боронский, Бегашур, Бурово, Верхний Дасос, Деветьярово, Зягруд, Ильясово, Касимово, Кестым, Кокир, Красный Поселок, Малый Вениж, Мамлей, Митюково, Муллино, Падера, Татарский Починок, Татарские Парзи, Шамарданово, Шафеево, Юнусенки;

татарско-бесермянских селений — 14: Верхняя Пажма, Ворца, Гордино, Гурзи, Иманай, Кешур, Кешур, Малые Парзи, Малый Палагай, Моино, Мустай, Починки, Татарские Ключи, Тутаево;

татарско-бесермянско-удмуртско-русских — 6: ст. Балезино, Большие Потапи, Зянкино, Петяпи, Порпиево, с. Юкаменское;

⁷ См. схематическую карту расположения населенных пунктов, в которых проживают татары. Номера у знаков соответствуют номерам вышеприведенного списка.

Схематическая карта расселения татар.

татарско-бесермянско-русских — 2: Большой Палагай и Засеково; татарско-русских — 1: Подлешур.

Как в низовьях р. Чепцы, так и в среднем ее течении среди татар распространены следующие фамилии: *Абашев, Арсланов, Деветьяров, Долгоаршинных, Дюняшев, Зеналеев, Зянчурин, Касимов, Кибешев, Мангутов, Митюков, Сабреков, Урасин, Шафеев*.

Самая распространенная татарская фамилия в нижнем и среднем течении р. Чепцы — *Касимов*. Ее носят почти все жители одного из крупных селений бассейна р. Чепцы — Кестыма. Значительная часть современных татар носит фамилии *Абашев* и *Арсланов*.

Остановимся подробнее на ареалах распространения татарских фамилий в бассейне р. Чепцы, уделив особое внимание фамилиям по нижнему течению, ибо расселение татар происходило именно с этой территории.

АБАШЕВ. Эту фамилию носят жители дер. Абашево (20 дворов из 35). Данный населенный пункт местные жители именуют *бисэрмэн*. Любопытно, что в Юкаменском районе Удмуртской АССР также имеется бесермянско-русское селение Абашево. Все его бесермянские жители, составляющие почти половину населения (24 двора из 51), носят фамилию *Абашев*. Предание гласит, что в далеком прошлом их предки жили в низовьях р. Чепцы, около Карино, и прибыли в данную местность в поисках лучших земель. Это подтверждается историческими данными.

Фамилия *Абашев* три-четыре столетия тому назад была широко распространена в низовьях р. Чепцы среди бесермян. Исследователи нократских татар, к сожалению, не принимали во внимание объяснения самого татарского населения каринского куста о собственном происхождении, не учитывали исторические данные писцовых книг более раннего периода. В настоящее время не все татары бассейна р. Чепцы считают себя «чистыми» татарами; часть причепецких татар своими предками называет бесермян, составляющих теперь лишь небольшую этническую группу. Фамилия *Абашев*, которую носили прежде татары и бесермяне, встречается в числе прочих также в низовьях р. Чепцы. Так, в Дозорной книге 1615 г. в Нижнем татарском погосте (183)⁸ и в документе под номером 92 — «Показанье каринских татар, бесермян... о народном восстании на Вятке в 1635 г.» (378) *Чугайко Абашев* представлен как бесермянский целовальник. Его потомок — *Кубашко Чугаев сын Абашев* по Переписной книге 1678 г. значится в Нижнем погосте, иначе именуемом *бесермяна* (278)⁹. Фамилия *Абашев* встречается и в других исторических документах. По Переписи 1646 г. в Документах зарегистрирован бесермянин *Кутюнка Тупашев сын Абашев* (215). Потомок его в Переписной книге 1678 г. значится как *Зянкушко Кутюков сын Абашев* (270). Здесь же упоминаются жители: *Тенечко да Дусайко Зянкуловы дети Абашевы* (там же); *Кемышко Тетяков [Тютюков]*¹⁰ *сын Абашев* значится в Починке Тутаев, что подле Убыти (288); *Филка Козмин сын Абашев* (276).

В настоящее время татары, носящие фамилию *Абашев*, известны в деревнях севера Удмуртии: Абашево, Большой Палагай, Тутаево. Эта

⁸ В скобках указывается номер страницы Документов.

⁹ Населенный пункт, названный в источнике 1615 г. Нижний татарский погост, через 63 года — в 1678 г. отмечен как Нижний Погост, но с припиской *бесермяна*. Последнее означает, во-первых, что Нижний Погост 1678 г. соответствует нынешнему Нижнему Карино, во-вторых, что это бесермянское селение, по-видимому, представлено современным Абашево — частью Нижнего Карино.

¹⁰ В квадратные скобки заключено наше чтение.

фамилия распространена среди бесермянских жителей деревень Абашево, Жувам, Тылыс.

АРСЛАНОВ. Фамилия *Арсланов* известна жителям Арасланова (*Арслан*), Кокира (7 дворов) и Боронского (1 двор из 9). В древних записях она широко употребительна: по Переписи 1646 г. значится Погост Нижний, а в нем дворы: *Зенбаров Арасланки сына Дилялова [Хилялова]*, *Кузка Арасланов сын Хилялова с детьми* (214); *Зенбайки Арасланова сына Хилялова*. По документу № 60 (1662 г.) в Погосте Нижний Мочагин отмечен: ...племянник *Догдашко Арсланов сын Едигаров...* (247). В деревне Нижний Погост по Переписи 1678 года отмечены татарские жители: *Усейко да Исупко Козьмины дети Араслановы; Шагдаутко да Алмаметко [Ахмаметко] да Васка Зянбаевы дети Араслановы; Ханко да Иштеречко да Ескейко Ахмаметовы дети Араслановы* (264). По Переписи 1678 г. *Тютяшко Козмин сын Арасланов* записан в Починке, что выше Ежева над Лекмою рекою (287).

В современном селении Ильясово татары с фамилией *Арсланов* не проживают. В пределах Удмуртии татары, носящие фамилию *Арасланов*, известны в дер. Татарские Ключи Юкаменского района.

ДЕВЕТЬЯРОВ. Эта фамилия характерна для жителей дер. Деветьярово (15 дворов) и пос. Боронского (8 дворов из 9). Деревня Деветьярово зарегистрирована в писцовых книгах начала XVII в.¹¹ В Погосте Большом Каринского стана (1646 г.) эта фамилия встречается многократно, ср.: *Байтеречко Деветьяров; Зянкилдейко Кидышев сын Деветьяров; двор пуст Кибинейка Иванова сына Деветьяровского, Кибинейка сбежал в Уфимский уезд* (209). По Переписи 1678 г. в дер. Большой Погост зарегистрированы татары: *Дускейко Кадышев сын Деветьяров, у него дети Иштеречко да Сулеманко да Шагдатутко...; Ескейко Альшов сын Деветьяров и их потомки* (263).

ДОЛГОАРШИННЫХ. Данная фамилия встречается в дер. Ильясово (4 двора). В письменных источниках она выступает в несколько иной форме. По Переписи 1678 г. в дер. Ильясово отмечены жители: *Уразачко Арасланов сын Аршинного, Мустафачко Арасланов сын Аршинного* (264). По-видимому, между этими двумя фамилиями имеется какая-то связь.

ДЮНЯШЕВ. Эту фамилию носят жители 20 хозяйств дер. Ильясово. По Дозорной книге 1615 г. в Погосте Илясов зарегистрированы: *князь Бичура да брат его Зянчурка Дюняшевы* (182). По Переписи 1646 г. в Погосте Илясов татарский Каринского стана значится *Баимко Бичурин сын Деняшев [Дюняшев] с детьми* (208). В Погосте Большом зарегистрирован сын брата князя: *Байхматко Зянчурин сын Дунашев [Дюняшев]* (210). По документам, в должности каринского татарского выборного указан *Ахмачка Ашмаметов сын Дюняшев* (407). Среди бесермян и удмуртов данная фамилия не встречается.

ЗЕНАЛЕЕВ. Эту фамилию носят жители дер. Митюково (10 дворов). В Погосте Илясов Каринского стана (1615 г.) отмечено: *Двор пуст татарина Ингильдея и Ивашка Зеналеевых* (182). В Большом татарском погосте значатся: *Ураско Зеналеев, Тюшка Зеналеев* (там же), *Шихалейко Заналеев [Зеналеев], Уразлейко Зеналеев* (там же). По Переписи

¹¹ П. Н. Луппов [сост.]. Документы, стр. 179.

си 1646 г. в Погосте Большом зарегистрирован *Ивашко Тетин* [Тютин] сын *Зеналеев с братом с Мемаметком 8 л.* (209). По той же Переписи во втором списке числятся жители: *Дусанка Анкидеев сын Зеналеев, Зябхатка Урасина сын Зеналеев* (217). По документу 1662 г. — «Приставные дворы...», в селении Погост Большой записаны четыре домохозяина под фамилией *Зеналеев* (248). В Переписи 1678 г. перечисляются восемь потомков *Зеналеевых* (269). В современной деревне Митюково живут татары, происходящие, по их собственному утверждению, от бесермян. Фамилию *Зеналеев* в настоящее время носят бесермяне дер. Моино (бес. *Мөйвөл*, букв. 'верховье р. Мои') Ярского района Удмуртской АССР, считающие, что их предками были выходцы из-под Карино.

ЗЯНЧУРИН. Эта фамилия встречается среди татарских жителей дер. Ильясово (5 дворов). По Переписи 1646 г. в Починке Полом подле р. Богатырки был зарегистрирован отяк [то есть, вотяк — прежнее наименование удмуртов] *Митка Прошин сын Зянчуриин с детьми...* (233). В той же Переписи читаем: Погост Гоженов, а в нем чувашаи и отяки [чувашаи — прежнее наименование бесермян на р. Чепца]. Здесь же отмечен: *Удешка Исаков сын Зянчурина* (245). В дер. Илясовская по Переписи 1678 г. значатся жители: *Шагайко Кадышев сын Зянчуриин; Данабейко да Кузябайко Байхватовы дети Зянчурины* (265). В Переписных книгах более позднего времени фамилия Зянчуриин отмечается в разных населенных пунктах, принадлежащих удмуртам, ср.: *Зянсарко Зеналеев сын Зянчерин* [Зянчуриин]; *Зянтушко Зеналеев сын Зячерин* [Зянчуриин] и другие — дер. Кенменская [соврем. Кынмон] (315).

КАСИМОВ. *Касимовы* живут в четырех хозяйствах дер. Ильясово. По Переписи 1646 г. в Погосте Нижнем зарегистрированы: *двор Уразайка Биянова сына Касимова; Сенка Васильев сын Касимов* (215). В Погосте Верх Лекмы речки за Ежевым погостом у мельничного ключа по Переписи 1662 г. значится: *двор вновь татарина Токтамышка Бекмансурова сына Касимова* (251). В деревне Нижний Погост по Переписи 1678 г. зарегистрированы татарские жители: *Елийко Касимов, Сенка Васильев сын Касимов, Маметхулко Берьемалейко Шагумовы дети Касимовы* (264). Известен каринский татарский выборный *Юнуска Семенов сын Касимов* (408). Как уже отмечалось выше, в настоящее время в крупном татарском селении Кестым Балезинского района Удмуртской АССР почти все жители *Касимовы*. Фамилию *Касимов* носят также бесермяне деревень Юкаменского района Удмуртии: Турчино, Филимоново, Васильевка¹².

КИБЕШЕВ. Эту фамилию носят татары дер. Абашево (15 дворов). В исторических материалах упоминается она часто: *Курбаналейко Кибешев, Нурышко Кибешев, Сунчалейко Кибешев, Бурнашко Кибешев* (182). По Переписи 1646 г. в том же Погосте Нижнем значатся: *двор бесермянина Алешки Бурнашка сына Кибешева* (215); *бесермянин Цыбыш Курилов сын Кебешева; бесермянин Первушка Кибешев с сыном Сенкою* (216). В Нижнем Погосте по Переписи 1678 г. отмечены бесермянские жители: *Алышко Чыбышев сын Кибешев; Ешмаметко Куардин сын Кибешев; Шихмуско да Баймеметко Ханимовы дети Кибешевы; Самко да Юнуско Семеновы дети Кибешевы; Сенка Зянкин сын Кибешев* (270). По Переписи 1646 г. в Починке Кидинской на ключе отмечен та-

¹² Подробно о расселении бесермян см. в работе: Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М., 1970, стр. 12—35.

тарин *Первушка Кибешев*, имеющий половников (211). В настоящее время жители дер. Абашево считают, что фамилию *Кибешев* носят татары — выходцы из бесермян.

МАНГУТОВ. Данную фамилию носят члены одной семьи в дер. Шамарданово. В других селениях она не встречается. В письменных документах не отмечена.

МИТЮКОВ. Эта фамилия встречается лишь в дер. Митюково (10 дворов). В исторических документах эта фамилия встречается часто. Под 1615 г. в Большом татарском погосте зарегистрирован *Тюшка Митюков* (182). По Переписи 1646 г. в Погосте Большом Каринского стана отмечен *Зянкилдейко Миятков [Митюков] сын Митюков с детьми* (209). По Переписи 1678 г. в дер. Большая значатся бесермянские жители: *Сенка Тулкилдеев сын Митюков; Келдышко Ханимов сын Митюкова* (268), *Турайка Бакелдеев сын Митюков* (269).

Современную дер. Митюково, являющуюся частью крупного селения Карино, все его жители считают принадлежавшей прежде бесермянам, да и себя считают отатарившимися бесермянами. В настоящее время на территории Удмуртской АССР нам не удалось обнаружить бесермян с фамилией *Митюков*.

САБРЕКОВ. Эту фамилию носит абсолютное большинство жителей дер. Шамарданово (26 хозяйств из 28).

По Дозорной книге 1615 г. в Большом татарском погосте отмечены: *Акузяшко Сабреков* (182), *Кубанко Сабреков* (183), он же: *бесермянин кузнец Кубашко Санбреков [Сабреков] сын Урасин* (217). По той же Переписи в Починке на Чепце у Осокорева озера отмечен: *Зенбарко Акузин сын Сабреков с братьями* (217). По Переписи 1662 г. в Погосте Шамарданов зарегистрирован *Кунахкулка Урасин сын Сабреков* (248). По этому же документу: на Гординском Городище двор поставил каринский бесермянин *Зянка Сабреков* (253). По Переписной книге 1678 г. Сабрековы отмечены в Починке Дузоковском [Дусыковском]: *Танатарко Бакилдеев сын Сабреков; Байгулко Байбахтин сын Сабреков; Мамашко Зянкин сын Сабреков* (288).

Отметим, что в Юкаменском районе Удмуртской АССР в настоящее время есть сравнительно большое бесермянское селение Шамардан. Половина его жителей (66 дворов из 112) носит фамилию *Сабреков*¹³. Переселенцы из этой деревни живут в Лемском выселке (в полутора километрах от дер. Шамардан), в шести хозяйствах — *Сабрековы*. Бесермяне с этой фамилией проживают в дер. Ворча (1 двор), Филимоново (1 двор) и в Ежевском Починке (1 двор). Среди удмуртов данная фамилия не встречается. Современные татарские жители дер. Шамарданово Слободского района Кировской области рассказывают, что прежде их селение было больше, но затем часть его жителей переехала в Глазовский уезд. Старый житель Шамарданова *Сабреков Сафиулла (Сафиулла абзи)*, рожд. 1887 г., утверждает, что еще его дед помнил тех шамардановцев, которые переехали в Глазовский уезд.

¹³ Т. И. Тепляшина. Становление бесермянских фамилий. — «Советское финно-угроведение», 1969, № 3, стр. 191; *ее же*. О современных бесермянских фамилиях. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 187—197; *ее же*. Древние бесермянские фамилии. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Казань, 1970, стр. 124—133.

УРАСИН. Эта редкая фамилия встречается лишь в двух хозяйствах дер. Митюково. По Переписи 1615 г. в Большом татарском погосте отмечен *Ураско Зеналеев* (182). При следующей переписи (1646 г.) зарегистрирован его потомок: *Зенбахтка Урасин сын Зеналеев* (210). По Переписи 1678 г. в дер. Большая проживали бесермяне: *Байбахтачка Урасин сын Зеналеев*; *Баймаметко Зенбахтин сын Урасин* (268). В той же Переписной книге записан: *Починок татарина Усейка Деветьярова да бесермянина Иманайка Урасина* (277).

Материалы писцовых книг показывают, что фамилия *Урасин* (с вариантами *Ураскин*) принадлежит бесермянской этнической группе удмуртов. Ныне бесермяне по фамилии *Урасинов* живут в дер. Большая Юнда (40 дворов из 125) и Малая Юнда (11 дворов из 33) Балезинского района Удмуртской АССР. Удмурты эту фамилию не носят. Неизвестна она и другим причепецким татарам.

ШАФЕЕВ. Под данной фамилией известна лишь одна семья, проживающая в дер. Шамарданово. Жители Шамарданова Слободского района рассказывают, что в свое время из-под Казани в их селение в качестве муллы прибыл Шафеев для несения службы в шамардановской мечети. С того времени одна семья в Шамарданове наследует эту фамилию. В других населенных пунктах фамилия *Шафеев* не известна. Отсутствует она также среди татар и удмуртов в среднем и верхнем течении р. Чепцы.

Итак, среди каринских татар наиболее распространены фамилии: *Абашев, Арсланов, Деветьяров, Дюняшев, Зеналеев, Зянчурин, Касимов, Кибешев, Митюков, Сабреков, Урасин*. Все они отмечены и в письменных памятниках бассейна реки Вятки в XV—XVII вв.

Почти все эти фамилии образованы от личных имен. В тех же документах зарегистрирован ряд имен, впоследствии легших в основу семейно-наследственных наименований. Так, фамилия *Арсланов* возникла от древнего личного имени *Арслан* <арслан 'лев', ср.: *Араслан Богданов* (378); *Деветьяров* — от *Деветьяр(-ко)*, ср.: *Салейко Бегердиев сын Сеитаров, у него дети..., Деветьярко 3 лет; у Шахмаметка сын Девлетьярко 2 л.* (264); *Зянчурин* — от *Зянчура*, ср.: *Дизма да Занчурка [Зянчурка]*¹⁴ *да Мучка Токтамышевы* (188), *Зянчурка Дюняшев* (182); *Урасин* — от *Урас(-ко)*, ср.: *Ураско Зеналеев* (182); *Ахмаметко 10 л., да Маметелейко 6 л., да их же племянник Ураско женат* (215) и т. д.

На основании рассмотрения состава фамилий современных каринских татар можно сделать следующее заключение:

1. Часть современных фамилий каринских татар первоначально принадлежала особой этнической группе — бесермянам. Бесермянскими по своему происхождению являются фамилии *Сабреков, Митюков, Кибешев, Урасин, Зеналеев*. Эти фамилии в письменных документах не относятся к числу татарских. Современные носители их считают себя потомками бесермянской народности. На основной территории расселения современных бесермян — в районе среднего течения р. Чепцы и по рекам Лекме, Убыти, Пажме, Юнде, Варыжу встречается ряд населенных пунктов, в которых названные фамилии сохранились до нашего времени. Так, *Сабреков* в настоящее время встречается у жителей бесермянской деревни Шамардан Юкаменского района Удмуртии; *Урасиновы* в дан-

¹⁴ О нарушении единого принципа в системе передачи местного произношения в переписных книгах Вятской земли см.: Т. И. Тепляшина. Заметки по фонетике бесермянских личных имен. — В кн.: «Ономастика». М., 1969, стр. 113—114.

ное время живут в Большой и Малой Юнде Балезинского района Удмуртской АССР; бесермянская фамилия *Зеналеев* сохраняется в дер. Моино Ярского района Удмуртской республики. Фамилии *Митюков* и *Кибешев* не получили дальнейшего распространения и со временем перестали существовать как бесермянские. Их носят ныне татарские жители дер. Митюково Слободского района Кировской области.

2. Семейно-наследственные наименования *Арсланов*, *Деветьяров*, *Дюняшев* в бассейне нижней Чепцы являются исконно татарскими. Они были весьма употребительными также три-четыре века тому назад; во многих татарских селениях причепецкого края эти фамилии распространены и теперь. Бесермяне и удмурты, расселенные на смежной с татарской территории, указанных фамилий не носят.

3. Фамилии *Абашев* и *Касимов* являются общими для татар и бесермян и встречаются по настоящее время. *Абашев* и *Касимов* часто упоминаются в писцовых книгах, причем фамилия *Абашев* как бесермянская, а *Касимов* — как татарская.

4. Фамилия *Зянчурин* имеет ограниченное распространение, хотя в письменных источниках встречается довольно часто. Эта татарская фамилия впоследствии утвердилась и среди удмуртов, сохраняясь по настоящее время на севере Удмуртской АССР.

Крайне редки фамилии каринских татар позднейшего происхождения: *Долгоаршинный*, *Мангутов* и *Шэфеев*.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. М. ЩЕРБАК

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ТЮРКСКОГО АРХЕТИПА АНЛАУТНЫХ

$I \sim \check{z} \sim Z \sim \check{s} \sim \check{c} \sim S...$

Восстановление тюркского архетипа $j \sim \check{z} \sim z \sim \check{s} \sim \check{c} \sim s...$, объединяемых в одну группу наличием закономерных фонетических соответствий, относится к числу трудных проблем сравнительной фонетики тюркских языков и не удивительно, что ни одна из осуществленных до сих пор реконструкций не получила широкого признания.

Высказано много предположений и гипотез как о фонетических параметрах архетипа, так и о характере и последовательности его изменений. Нет необходимости подробно излагать их, так как почти любая специальная работа содержит экскурс в историю рассматриваемого вопроса. Укажем лишь, что в настоящее время известны, по меньшей мере, пять вариантов реконструкции соответствующего архетипа:

- 1) $*\check{z} \sim *s \sim *c...$ (С. Е. Малов)¹;
- 2) $*j$ (Б. А. Серебренников, К. Г. Менгес)²;
- 3) $*d'$ (И. Маркварт)³;
- 4) $*d$ (Г. Дёрфер)⁴;
- 5) $*\vartheta$ (А. М. Щербак)⁵.

¹ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. — «Известия Отделения литературы и языка АН СССР», XI, 1952, № 2, стр. 141.

² Б. А. Серебренников. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков. — «Вопросы языкознания», 1960, № 4, стр. 65—70; *его же*. О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений. — «Вопросы языкознания», 1964, № 3, стр. 29—31; К. Н. Menges. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968, стр. 87, 88.

³ J. Markwart. Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten, III. Historische Zeugnisse für anlautendes alttürk. $d' > j$. — «Ungarische Jahrbücher», IX, 1. Berlin—Leipzig, 1929, стр. 81—88.

⁴ G. Doerfer. Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre. — «Orientalistische Literaturzeitung», 66. Jahrgang, № 7/8. Berlin, 1971, стр. 332, 333.

Иногда в этом ряду называют также имена З. Гомбоца, Г. И. Рамстедта и Н. Поппе. Действительно, архетипом анлаутных $i \sim \check{z} \sim z \sim \check{s} \sim \check{c} \sim s...$ З. Гомбоц считал $*d \sim *\delta$, Г. И. Рамстедт — $*d, *z, *n$, Н. Поппе — $*\delta, *z, *n, *j$, однако на уровне не тюркского, а алтайского праязыка. См.: Z. Gombocz. Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen. — «Keleti Szemle», XIII. Budapest, 1912, стр. 36—37; G. J. Ramstedt. Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte, III. Der j-Laut und damit zusammenhängende Fragen. — «Keleti Szemle», XVI. Budapest, 1915/16; *его же*. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre. — «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», 104. Helsinki, 1957, стр. 66 и сл.; N. Poppe. Altaisch und Urtürkisch. — «Ungarische Jahrbücher», VI, 1—2. Berlin—Leipzig, 1926, стр. 101—107. См. также: M. Räsänen. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. — «Studia Orientalia», XV. Helsinki, 1949, стр. 185.

⁵ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 79—80, 159—160.

В монографиях, статьях и рецензиях в отношении каждого из вариантов приводятся доводы «за» или «против», каждый вариант оценивается положительно или отрицательно, отмечаются его сильные и слабые стороны, что естественно и, в известном смысле, закономерно. Вместе с тем сами критические разборы нередко содержат положения, представляющиеся нам необоснованными, спорными или явно ошибочными.

Прежде всего вызывает возражения попытка рассматривать одни варианты как чисто спекулятивные, умозрительные, а другие — как основывающиеся на учете богатого фактического материала. Расхождения между тюркологами, предложившими те или иные варианты архетипа, заключаются не столько в количестве привлекаемых фактов, сколько в их интерпретации.

Трудно также согласиться с мнением, что перечисленные варианты могут быть подразделены на весьма вероятные, маловероятные и совершенно неприемлемые в зависимости от степени соответствия постулируемых линий развития реконструированного архетипа диахроническим универсалиям⁶: почти все диахронические универсалии относительны и могут привлекаться, как правило, лишь в качестве вспомогательных доказательств. С общefonетической точки зрения допустимо как изменение j в $\check{z}$, z , $\check{s}$, $\check{c}$, $s...$, так и изменение $\check{z}$, z , $\check{s}$, $\check{c}$, $s...$ в j , непосредственно или, что более вероятно, через промежуточные ступени. Например, переход $\check{z}$ в j , относительно возможности которого неоднократно высказывались сомнения, отмечен в башкирском языке и в диалектах узбекского языка, ср. башк. $j\ddot{a}n$ 'душа' (<перс. جان), $j\ddot{a}m\ddot{a}y\ddot{a}t$ 'общество' (<араб. جماعة⁷); узб. (диал.) $j\ddot{a}n$ 'душа' (<перс. جان), $j\ddot{a}w\ddot{a}p$ 'ответ' (<араб. جواب⁸). Ср. также внутри слова: узб. (диал.) $m\ddot{a}j\ddot{l}is$ 'собрание' (<араб. مجلس⁹). Некоторые тюркологи склонны объяснять наличие j в приведенных примерах как результат субституции необычного для соответствующих языков и диалектов $\check{z}$. Безусловно, в ряде случаев для такого объяснения есть основания. В примерах же типа $m\ddot{a}j\ddot{l}is$, с учетом их диалектной принадлежности, появление j , как нам кажется, трудно считать следствием субституции.

Что касается вообще изменения простых согласных в аффрикаты, то для тюркского анлаута это вполне характерный процесс и, пожалуй, даже более типичный, чем переход аффрикат в простые согласные, тем более, что в пратюркском анлауте пока надежно восстанавливается лишь одна аффриката — $\check{c}$, выступающая в предельно ограниченной группе слов. Так, в определенных фонетических условиях в чувашском языке, в диалектах татарского, уйгурского и других языков общетюркский анлаутный $*t$ перешел в $\check{c}$, ср. чуваш. $\check{c}\ddot{a}y\ddot{a}$ 'курица', $\check{c}ul$ 'камень', $\check{c}\ddot{e}l\check{y}\ddot{e}$ 'язык', $\check{c}\ddot{e}g$ 'колени', $\check{c}\ddot{e}g\ddot{e}$ 'живой', $\check{c}\ddot{e}gn\ddot{e}$ 'ноготь', $\check{c}\ddot{e}m$ 'дыхание', $\check{c}\ddot{e}tgn\ddot{e}$ 'дрожать'; в говорах уйгурского языка анлаутный $*k$ факультативно варьирует с $\check{c}$, ср. $k\ddot{i}p \sim \check{c}\ddot{i}m$ 'кто', а в говорах турецкого языка анлаутный $*k$ изменился сначала в g , а затем в $\check{z}$, ср. $k\ddot{a}l \rightarrow g\ddot{a}l \rightarrow \check{z}\ddot{a}l$ 'приходить'.

⁶ Ср. у Б. А. Серебrenникова: «Постулируемый переход ($\check{\theta} > s, \check{s}, \check{c}...$ — А. Щ.), однако, не подтверждается диахронической универсалией» (Б. А. Серебrenников. О лингвистических универсалиях. — «Вопросы языкознания», 1972, № 2, стр. 16).

⁷ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 32.

⁸ См.: Н. Раджабов. Ўзбек диалектологияси курсидан материаллар (сиртки ва кечки бўлим студентлари учун). Самарканд, 1962, стр. 33.

⁹ См.: Ҳ. Ғуломов. Ўзбек тилининг Жиззах шеvasи. — «Ўзбек диалектологиясидан материаллар», I. Тошкент, 1957, стр. 73.

Наконец, сомнительна правомерность оценки того или иного варианта, исходя из результатов анализа тюркских заимствований в монгольских¹⁰, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских или в каких-либо других языках: заимствования относятся к различным периодам времени и их источниками являлись разные тюркские языки и диалекты. Даже если бы существовала полная уверенность относительно непродолжительных по времени контактов какого-либо нетюркского языка с тюркским праязыком, все равно нельзя было бы при реконструкции всецело полагаться на заимствования. Во-первых, тюркский праязык уже на ранних этапах своего существования распался на диалекты и не был фонетически единообразным. Во-вторых, заимствованные слова обычно подвергаются значительной фонетической обработке в заимствующих языках, так что первоначальная картина в процессе заимствования в большей или меньшей степени меняется. Разумеется, надо учитывать такие факты, как отмеченная в свое время Н. Поппе древнегреческая передача тюркского наименования реки Урал ($\Delta\alpha\iota\chi$)¹¹, как фонетические особенности древнечувашских (булгарских?) заимствований в разных финно-угорских языках¹², как замена в тюркизмах лакского языка согласного, соответствующего азербайджанскому анлаутному j , свистящим абруптивом ζ ¹³. Подобные факты, безусловно, подтверждают значительную древность многообразного отражения рассматриваемого согласного, но они не являются аргументами в пользу того или иного варианта реконструкции.

При восстановлении тюркского архетипа анлаутных $j \sim \zeta \sim z \sim \check{s} \sim \check{c} \sim s \dots$ следует опираться в первую очередь на факты самих тюркских языков, точнее, на глубокое и всестороннее исследование их фонологических систем, на изучение особенностей синтагматического распределения согласных в каждом из них и учет основных тенденций системных преобразований.

В настоящее время имеется достаточное количество собственно тюркских ориентиров, определенно указывающих путь к решению интересующей нас проблемы. Важнейший из них заключается в том, что для большинства тюркских языков примечательно развитие корреляции согласных по признаку глухости/звонкости (силы/слабости) и постепенное ослабление анлаута. В плане синтагматического распределения большой интерес представляет первоначальное отсутствие в анлауте звонких (слабых) согласных и прежде всего сонантов (сверхслабых). Ясно, что в фонологической системе j , если исключить бесспорные случаи протезы, не занимает обособленного положения, а поэтому при реконструкции архетипа системные данные должны иметь первостепенное значение.

Допустим, что архетипом анлаутных $j \sim \zeta \sim z \sim \check{s} \sim \check{c} \sim s \dots$ был сонант $*j$, рефлексами которого в современных тюркских языках являются:

¹⁰ Ср. у Г. Дёрфера: «Das Mongolische deutet auf *d-». (G. Doerfer. Указ. раб., стр. 332).

¹¹ N. Poppe. Altaisch und Urtürkisch, стр. 102. См. также: Н. К. Дмитриев. Соответствие $p||d||t||z||\check{z}||\check{c}$. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I. Фонетика». М., 1955, стр. 327.

¹² См.: М. К. Palló. Die Vertretung ung. sz-(s) < türk. j- in den alten türkischen Lehnwörtern der ungarischen Sprache. — «Ural-Altäische Jahrbücher», XXXIII, 1—2. Wiesbaden, 1961, стр. 128—135; М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, I. Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1971, стр. 68, 69; его же. История чувашского языка, I. Звуки. Чебоксары, 1971, стр. 68, 69.

¹³ См.: И. С. Джидалаев. К характеристике тюркско-дагестанских языковых контактов. Автореф. докт. дисс. Баку, 1972, стр. 29.

j (азерб., башк., гаг., кар., кум., тур., туркм., узб.)

$\check{z}$ (кирг.)

$\check{z}, z$ (карач.-балк.)

$\check{z}, \check{z}$ (казах., каракалп.)

$\check{z}, \check{z}, j$ (ног.)

$\check{z}, j$ (тат., уйг.)

$t' \sim d', \check{c}, j$ (алт.)

$\check{c}, \check{s}, j$ (хак.)

$\check{c}, t', \check{s}$ (шор.)

$\check{c}$ (тув.)

s' (чуваш.)

s (якут.)

Реконструируя архетип в виде $*j$, необходимо объяснить причину его десонантизации и преобразования в ряде языков в глухой шумный (ср. $\check{s}, \check{c}, s$). Сделать это, однако, очень трудно. Дело в том, что сонанты в тюркских языках, в отличие от не-сонантов, оказались довольно устойчивыми и, если подвергались каким-либо изменениям, то все равно обычно сохраняли сонантность. Трудности истолкования причины десонантизации анлаутного j усугубляются фактом его повсеместного сохранения в конечной позиции, ср. туркм. $\check{a}j$, хак. a_j , якут. i_j 'луна, месяц'; туркм. o_j , хак. o_j , тув. o_j 'низина, углубление'; туркм. $b\check{a}j$, хак. ra_j , якут. $b\check{a}j$ 'богатый'; туркм. $j\check{a}j$ (в $j\check{a}jla$ 'летнее пастбище'), хак. $\check{c}ajj\ddot{u}$, тув. $\check{c}aj$, якут. saj 'лето'; туркм. taj 'жеребец', хак. taj 'жеребенок от двух до трех лет'; туркм. $t\check{a}j-$, тув. $taj-$ 'скользить, поскользнуться'. Нет сомнения, что разные позиции создают почву для разных отражений. Но несомненно и то, что качественные и количественные особенности рефлексов находятся в прямой зависимости от характера позиционно-комбинаторных данных. И здесь возникает важный вопрос. Отличается ли в тюркских языках начальная позиция от конечной более благоприятными условиями для оглушения согласных? Скорее всего — нет, не отличается. Как в современных, так и в древних тюркских языках налицо факторы, способствующие не оглушению, а, напротив, озвончению анлаута: поскольку консонантные группы в начале слова для тюркских языков полностью исключены, анлаутный согласный всегда оказывается перед гласным. Следует также обратить внимание на широко развитый процесс так называемого внешнего сандхи, ср. ст.-узб. $seni\check{n} birl\check{a} k\check{o}\check{n}\ddot{u}l birdur ham\check{i}\check{s}a/val\check{i}kin s\check{i}n\check{a} \check{y}andur sakla \check{s}\check{i}\check{s}a$ 'сердце всегда вместе с тобой, / однако грудь кровоточит, держи наготове сосуды' («Та'ашшук-наме», л. 285б); башк. (диал.) $\check{u}tk\check{a}n \check{y}\check{i}\check{s}ta \check{y}ajtt\check{i}$ (лит. $\check{u}tk\check{a}n k\check{i}\check{s} kajtt\check{i}$) 'он вернулся прошлой зимой'¹⁴. Итак, допуская, что архетипом анлаутных $j \sim \check{z} \sim z \sim \check{s} \sim \check{c} \sim s...$ был сонант j , мы встречаемся с препятствиями, которые нельзя обойти, не игнорируя системные особенности фонетики тюркских языков. Правда, можно предположить, и это уже делалось, что в тюркских языках на одном из древнейших этапов их развития звонкие согласные в анлауте подверглись оглушению и имела место утрата оппозиции согласных по признаку глухости/звонкости. Построение модели пратюркского консонантизма с включением коррелятивной оппозиции согласных по признаку глухости/звонкости (силы/слабости) и с такой интерпретацией дистрибутивных свойств, которая не исключает употребления в анлауте звонких (слабых) согласных, — очень интересный эксперимент, но полезный, с нашей точки зрения, только в негативном плане. Примечательно, что все, кто принимал участие в этом эксперименте, оставили без ответа вопрос

¹⁴ См. Н. Х. Максютова. Говор айских башкир. Автореф. канд. дисс. М., 1964, стр. 14.

о причине десоноризации анлаутных шумных и вопрос о том, чем объяснить отсутствие в тюркском праязыке в начальной позиции сонантов.

Фонологические системы тюркских языков и распределение в тюркских языках согласных таковы, что представляется более правильным считать *j* не архетипом, а самым отдаленным от архетипа рефлексом, не случайно последовательно выступающим главным образом в огузских языках, в которых глухие (сильные) согласные в анлауте подверглись озвончению (ослаблению) раньше и больше, чем в других тюркских языках.

Аналогичные упомянутым выше препятствия встречаются и при реконструкции тюркского архетипа анлаутных $j \sim \check{z} \sim z \sim \check{s} \sim \check{c} \sim s...$ в виде $^*j$, $^*d$ или $^*d'$. В некоторых случаях к ним добавляются и другие, например, при реконструкции архетипа в виде $^*d$. Если принять во внимание, что на уровне тюркского праязыка (чаще алтайского) восстанавливается архетип $^*d$, рефлекс которого в тюркских языках — глухой (сильный) и звонкий (слабый) дентальные, то окажется, что в тюркском праязыке в совершенно одинаковых фонетических условиях выступали два $^*d$, или, иными словами, тюркский архетип $^*d$ имел две разные, фонетически не мотивированные, группы рефлексов.

Есть также неразрешимые частные проблемы, препятствующие реконструкции архетипа анлаутных $j \sim \check{z} \sim z \sim \check{s} \sim \check{c} \sim s...$ в виде $^*j$. Назовем одну из них. Известно, что в чувашском и якутском языках рефлекс рассматриваемого согласного совпал с рефлексом общетюркского анлаутного $^*c$. Каким образом, вследствие каких фонетических тенденций в одной и той же позиции могло произойти совпадение рефлексов глухого (сильного) шумного и сонанта?

Больше всего оснований думать, что архетипом анлаутных $j \sim \check{z} \sim z \sim \check{s} \sim \check{c} \sim s...$ являлся глухой (сильный) согласный, скорее всего глухой щелевой, хотя нельзя полностью исключать и аффрикату. При подобной трактовке архетипа становится понятной причина совпадения его рефлексов с рефлексом $^*c$: с одной стороны, явная фонетическая близость двух архетипов, с другой, чрезвычайно малая функциональная нагрузка фонемы $\check{c}$ в тюркском анлауте.

Несколько лет тому назад мы высказали предположение, что архетипом анлаутных $j \sim \check{z} \sim z \sim \check{s} \sim \check{c} \sim s...$ был межзубный $^*d$. Исходной посылкой для этого предположения послужил вывод об отсутствии в тюркском праязыке оппозиции согласных по признаку глухости/звонкости (силы/слабости) и о недопустимости в анлауте звонких шумных согласных (слабых) и сонантов (сверхслабых)¹⁵. Реконструкция архетипа в виде $^*d$ производилась также с учетом того обстоятельства, что рефлекс загадочного анлаутного согласного в значительной мере совпадают с рефлексом межзубного $^*d$, выступающего в интервокальном положении, разумеется, если не иметь в виду особенности, связанные с различием позиций.

¹⁵ См.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков, стр. 191 [«в анлауте могли быть только сильные (глухие) аллофоны»].

К. М. ЛЮБИМОВ

ПРЕДИКАТИВНОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ VAR/BAR В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Тюркское слово *var/bar* до сих пор не получило в тюркологической литературе точного определения. Большинство авторов грамматик и учебников тюркских языков ограничивается лишь приведением возможных вариантов перевода этого слова, но фактически не объясняет его. Между тем проникновение во внутреннее содержание этого слова могло бы выявить его сущность, постичь его способность сочетаться с аффиксами сказуемости, с глаголом *olmak* и его производными, а также и с другими словами, не говоря уже о том, что позволило бы правильно переводить различные предложения и словосочетания, содержащие *var/bar*. Тюркологи относят *var/bar* к различным грамматическим категориям¹.

Так, Н. К. Дмитриев называет его «модальным словом», а также «именем», «существительным», «существительным в функции прилагательного».

А. Н. Кононов определяет его просто как «слово», образующее в сочетании со связкой *-dir* именное сказуемое.

А. Н. Самойлович называет *var/bar* «именем», «именем-сказуемым» и «именным сказуемым».

В. А. Гордлевский считает это слово «именем», выполняющим в языке функцию глагола.

В. М. Насилов придерживается мнения, что это имя, «играющее особую роль в языке, являясь вспомогательным словом».

С. С. Майзель относит его к «именным сказуемым».

Из вышесказанного можно сделать только один вывод: слово *var/bar* внутренне неопределенное, и эта неопределенность явилась причиной различного толкования его значений и многочисленности его приведенных выше наименований, ни одно из которых не раскрывает в должной мере сущности этого слова и не характеризует его отношения к частям речи.

По мнению авторов грамматик и учебников тюркских языков, слово *var/bar* выражает: «наличие чего-либо» (Н. К. Дмитриев), «наличие

¹ В данной статье делаются ссылки на следующие работы: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 59—60; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 393; А. Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 143; В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. — «Избранные сочинения», т. II. М., 1961, стр. 33; В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 116—117; С. С. Майзель. Учебник турецкого языка, вып. I (уроки 1—20). М., 1946, стр. 34.

у кого-либо или где-либо чего-либо» (А. Н. Кононов), «наличие (существование) кого-нибудь или чего-нибудь» (А. Н. Самойлович).

Некоторые тюркологи приводят значение этого слова в скобках. В. А. Гордлевский: *var* (сущий, наличный), С. С. Майзель: *var* (имеющийся).

Все авторы переводят слово *var/bag* на русский язык одинаково, а именно: «есть», «имеется». Н. К. Дмитриев, кроме того, дает еще перевод: «существует», В. М. Насилов — «наличен», а С. С. Майзель — «находится», «налицо».

Поскольку в русском языке нет полного эквивалента *var/bag*, приходится переводить его в различных контекстах по-разному, сохраняя лишь общее значение.

Происхождение слова *var/bag* пока еще не совсем ясно, и, насколько нам известно, специальных исследований, посвященных его этимологии, нет. Н. К. Дмитриев считал, что первоначально это слово употреблялось как существительное со значением «нахождение налицо» или «наличие чего-либо», а также как прилагательное в значении «имеющийся в наличии», «наличный»; в дальнейшем оно стало употребляться с предикативными аффиксами как именная часть сказуемого.

В настоящее время авторы грамматик и учебников тюркских языков считают слово *var/bag* сказуемым. А. Н. Кононов утверждает, что оно «в сочетании со связками образует особый разряд именного сказуемого». Н. К. Дмитриев пишет, что «для современных тюркских языков *бар* и *юк* сами создали особый тип сказуемого наряду с собственно-именным и собственно-глагольным». В. М. Насилов отмечает, что это имя «ничем не отличается от спрягаемых именных форм причастия».

По нашему же мнению, это слово следует рассматривать как предикативное прилагательное со значением «имеющийся налицо», «наличествующий». Такой вывод согласуется с определением, данным в турецком толковом словаре², автор которого называет *var* прилагательным (*sifat*), употребляющимся только как сказуемое; в качестве определения это слово употребляется вместе с *olan* (*var olan*). Во всех приведенных примерах присутствует значение «имеющийся налицо», «наличествующий».

Слово *var* в турецком языке, как и любое прилагательное или причастие, спрягается по лицам в настоящем и прошедшем времени:

<i>ben varım</i>	'я есть/являюсь	}	имеющийся налицо (наличествующий)'
<i>sen varsın</i>	'ты есть/являешься		
<i>o vardır</i>	'он есть/является		
<i>biz varız</i>	'мы есть/являемся	}	имеющиеся налицо (наличествующие)'
<i>siz varsınız</i>	'вы есть/являетесь		
<i>onlar vardır</i>	'они есть/являются		
<i>ben vardım</i>	'я был/являлся	}	имеющийся налицо (наличествующий)'
<i>sen vardın</i>	'ты был/являлся		
<i>o vardı</i>	'он был/являлся		
<i>biz vardık</i>	'мы были/являлись	}	имеющиеся налицо (наличествующие)'
<i>siz vardınız</i>	'вы были/являлись		
<i>onlar vardı</i>	'они были/являлись		

Литературные примеры:

² Mehmet Ali Ağakay. Türkçe Sözlük (üçüncü baskı). Ankara, 1959, стр. 795.

1) *Korkma, arkanda ben varım* (газета) 'Не бойся, за тобою я есть/являюсь имеющийся налицо (наличествующий)', то есть 'За тобою нахожусь я'.

2) *Saatim vardır* (А. Н. Кононов) 'Мои часы есть/являются имеющиеся налицо (наличествующие)', то есть 'У меня есть часы'.

3) *Dört kişi vardık* (В. А. Гордлевский) 'Мы, четыре человека, были имеющимися налицо (наличествующими)', то есть 'Нас было четыре человека'.

4) *Jurdumuzda bir çok madenler vardır* (словарь) 'В нашей стране (обстоятельство места) многие ископаемые (подлежащее) являются имеющимися налицо или являются наличествующими (составное сказуемое)', то есть 'В нашей стране имеется много ископаемых'.

Н. К. Дмитриев пишет: «Первоначально *bar* и *yuk*, по-видимому, употреблялись как именная часть категории сказуемости, т. е. в виде *barзыр* и *yуктыр*. Эти формы существуют и теперь во многих тюркских языках...». Для современного турецкого языка употребление слова *var* с аффиксами сказуемости 3-го лица настоящего и прошедшего времени является нормой. Однако аффикс сказуемости *-dir* на письме и, особенно, в устной речи может опускаться, если из контекста или ситуации видно, что действия и события происходят в настоящее время. Аффикс сказуемости прошедшего времени *-di*, как правило, не опускается.

Слово *var* в турецком языке, как и всякое прилагательное или причастие, принимает и другие аффиксы. А. Н. Кононов приводит следующие примеры: 1) *saatim varsa* 'если у меня имеются часы', 2) *saatim varmış* 'говорят, у меня имеются/имелись часы', 3) *saatim varken* 'когда у меня имеются/имелись часы'.

Слово *var* в определительной функции употребляется с причастием *olan* 'являющийся/являвшийся', например: *saati var olan adam* 'человек, часы которого являются/являлись имеющимися налицо', то есть 'человек, который имеет/имел часы'; *iki çocuğu var olan kadın* 'женщина, двое детей которой являются/являлись имеющимися налицо', то есть 'женщина, имеющая/имевшая двух детей'; *dünyada var olan hayvanlar* 'животные, являющиеся/являвшиеся имеющимися налицо (наличествующими) в мире', то есть 'существующие в мире животные'.

Слово *var* в функции подлежащего, сказуемого и дополнения употребляется с глагольным существительным *olduğu* от глагола *olmak* 'быть', 'являться', 'становиться', например: *Güneşin etrafında hareket eden gezegenler var olduğu bellidir* 'Существование планет, движущихся вокруг Солнца (группа подлежащего), есть известно (сказуемое)' то есть 'Известно, что имеются (являются наличествующими) планеты, которые движутся вокруг Солнца'; *Güneşin etrafında hareket eden gezegenler var olduğunu biliyoruz* 'Мы (подлежащее) знаем (сказуемое) о существовании планет, движущихся вокруг Солнца (прямое дополнение)', то есть 'Мы знаем, что имеются (являются наличествующими) планеты, которые движутся вокруг Солнца'.

Тот факт, что слово *var/bag* является основой для словообразования, не противоречит его адъективному характеру, так как известно, что тюркские прилагательные и причастия могут служить такой основой. Например: *var etmek* 'создавать', то есть 'делать имеющимся налицо', 'делать наличествующим'; *var olmak* 'существовать', то есть 'быть имеющимся налицо', 'быть наличествующим'; *var yemez* 'скупой', то есть 'тот,

кто не ест имеющееся налицо (наличествующее)' (в последнем примере слово *var* — существительное); *var kuvvetiyle* 'изо всех сил', то есть 'с имеющейся (наличествующей) своей силой'; *varlık* (существительное): 1) 'наличие'; 'достояние'; 2) 'бытие, существование'; 3) 'предмет' (в грамматике).

Все сказанное выше о слове *var/бар* полностью относится и к слову *jok* с той лишь разницей, что последнее имеет противоположное значение и переводится как «неналичествующий», «отсутствующий».

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

С. БАЙЧОРОВ

НАДПИСИ ХУМАРИНСКОГО ГОРОДИЩА

Центром обширного северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности является Хумаринское городище. Обнаруженные на плитах городища надписи хотя и известны исследователям, но до сих пор не дешифрованы.

В 1960 и 1962 гг. археолог В. А. Кузнецов вывез из Хумаринского городища семь плит с надписями. Кроме того, А. Д. Бесленев передал археологу рисунок еще одной надписи на плите, впоследствии случайно уничтоженной во время работ в каменном карьере. Надписи были опубликованы В. А. Кузнецовым¹. Их дальнейшим изучением занялись А. М. Щербак² и Г. Ф. Турчанинов³.

А. М. Щербак считает эти надписи древнетюркскими. В. А. Кузнецов также указывает на их сходства с орхоно-енисейскими памятниками⁴. Г. Ф. Турчанинов же заявляет, что граффити Хумаринской крепости им удовлетворительно прочитаны по-касожски⁵.

В своей более поздней работе А. М. Щербак, приводя примеры различного прочтения и толкования одних и тех же северокавказских рунических текстов рядом авторов, пишет: «Вероятнее всего, ни один из приведенных вариантов чтения не является окончательным, и все они представляют собой лишь опыты дешифровки, проверка которых будет производиться по мере выявления новых материалов»⁶.

Признавая справедливость этих слов, следует, однако, отметить, что со времени обнаружения надписей на плитах Хумаринского городища прошло уже тринадцать лет, и ныне мы располагаем значительным материалом для их изучения.

¹ В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. — «Советская археология», 1963, № 1, стр. 298—305.

² А. М. Šerbak. Les inscriptions inconnues sur les pierres de Khoumara (au Caucase du Nord) et le problème de l'alphabet runique des Turcs occidentaux. — «Acta Orientalia», XV, 1—3. Budapest, 1962, стр. 283—290.

³ Г. Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, стр. 78, 89—94, 97.

⁴ В. А. Кузнецов. Указ. раб., стр. 300.

⁵ Г. Ф. Турчанинов. Указ. раб., стр. 89.

⁶ А. М. Щербак. О рунической письменности в юго-восточной Европе. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 77—78.

Надписи Хумаринского городища читаются на основе известных орхоно-енисейских алфавитов. В результате исследования надписи было установлено следующее:

а) в основе хумаринских и орхоно-енисейских надписей лежит один и тот же язык;

б) лабиализованные гласные в словах не опускаются, а нелабиализованные гласные, за редким исключением, отсутствуют, например: уп^ап^си, ип, böd'gm'iš, bolty, šu;

в) в глаголах с основой на -l вместо ожидаемого аффикса -du пишется -ty, например: bolty;

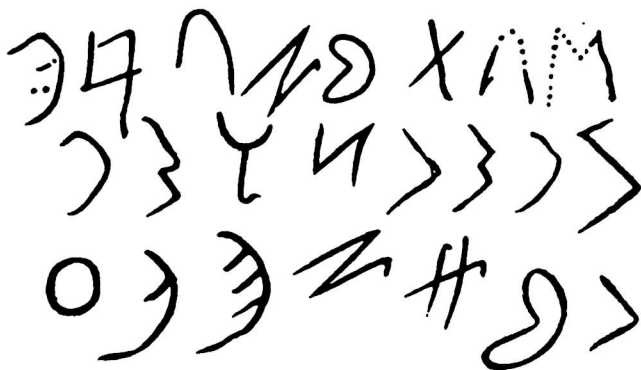
г) имеются специальные обозначения для твердых и мягких вариантов согласных фонем, например: ̇ (b) в слове bolty и ̂ (b') в слове beg; но иногда, как и в орхоно-енисейских памятниках, вместо обозначения мягкой фонемы пишется знак, обозначающий твердую фонему, например, знак ̇ (n) в аффиксе инструментального падежа в слове etilinč.

Третий знак третьей строки первой надписи, совпадающий с третьим знаком первой строки третьей надписи, в орхоно-енисейских памятниках не встречается. Однако, анализируя один из забайкальских памятников, турецкий эпиграфист Оркун определил этот знак как тамгу⁷. Как в первой, так и в третьей хумаринских надписях этот знак следует после основ существительных в винительном падеже. Учитывая, что прямое дополнение может оформляться и основным падежом, а упомянутый знак может оказаться не падежным аффиксом, а идеограммой, в транскрипции мы делаем на его месте пропуск.

Хумаринские эпиграфические памятники, на наш взгляд, относятся к значительным образцам древнетюркского письма и стоят в одном ряду с орхоно-енисейскими.

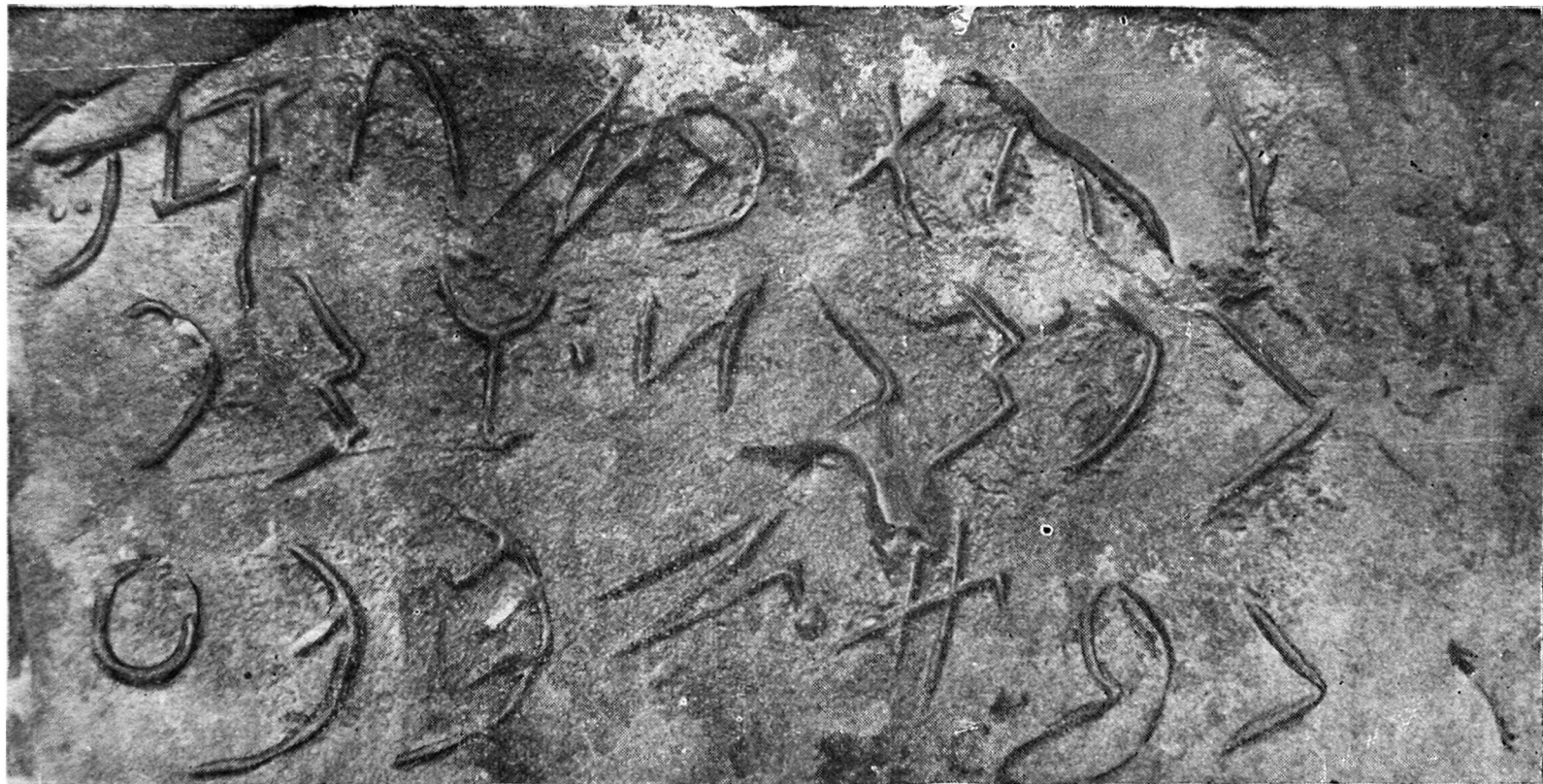
Плиты, найденные в 1962 г.

НАДПИСЬ № 1

Плита (№ 5, по В. А. Кузнецову) хранится в Карачаево-Черкесском музее краеведения. Размеры: 64×33×23 см. Надпись — трехстрочная, состоит из 23 знаков. Два знака в верхней строке повреждены. У первого поврежденного знака сохранилась правая половина, совпадающая с правой половиной первого знака на плите № 6, которому соответствует в орхоно-енисейской графике знак, обозначающий сочетание *lt*. У второго знака повреждена только верхняя часть, и он легко идентифицируется с

⁷ Н. Н. Orkun. Eski türk yazıtları. I. Istanbul, 1939, стр. 146.

Надпись № 1

орхоно-енисейским знаком для *s* и *š*. Частично поврежден и последний знак первой строки, обозначающий *g*, но начертание его не нарушено. Четвертый знак первой строки и второй знак третьей строки близки к знаку, обозначающему *m*. Третий знак третьей строки, как указано выше, в орхоно-енисейских памятниках не встречается, но в рассматриваемой надписи, как и в третьей, им заканчиваются существительные в винительном падеже.

Транскрипция:

- 1) *elti šdim taš bāg*
- 2) *упанчу *et'i'nč'i'n**
- 3) *um · teggim*

Перевод:

- 1) Я потягался [с тем, что] внешний бек
- 2) делался доверенным.
- 3) Я достиг желаемого.

Словарь⁸:

1) *eltiš-* (совм. от *elt-*) 'тягаться, спорить, ссориться': *qīlī[qī ter]kiš. kiši birlā eltišgūci* 'характер у него сварливый, он будет ссориться с людьми' (ДТС, стр. 171);

2) *teggim: seŋār teggüsi ol iki böz ülüš* '[Все равно] на твою долю выпадут два куска бязи' (ДТС, стр. 195);

3) *упанч* 1. 'вера, доверие'; 2. «доверенный», чин, должность': *īпанч бег* 'доверенный бек' (ДТС, стр. 218);

4) *um* 'надежда, желание'.

НАДПИСЬ № 2

Плита (№ 6, по В. А. Кузнецову) хранится в Карачаево-Черкесском музее краеведения. Размеры: 56×33×14 см. Надпись — однострочная и содержит не 10, как указывал В. А. Кузнецов⁹, а 11 знаков. Читается слева направо, что, по-видимому, обусловлено местоположением плиты на стене Хумаринской крепости.

ор+э□пзэз>м

Надпись № 2

⁸ В примерах из ДТС *i* соответствует принятому журналом *y*.

⁹ В. А. Кузнецов. Указ. раб.. стр. 301.

Транскрипция:

Bōdigmiš atum boltu

Перевод:

Мое имя стало Бёдигмиш (то есть вступивший на престол).

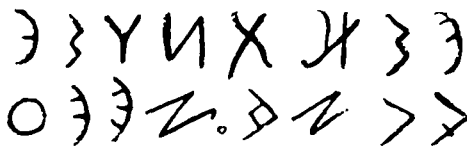
Словарь:

1) bōd 'трон', 'престол' (встречается в орхонских памятниках); Bōdigmiš 'вступивший на престол'.

НАДПИСЬ № 3

Данная надпись, как указывалось выше, сохранилась лишь в зарисовке А. Д. Бесленеева¹⁰.

Надпись состоит из двух строк, насчитывающих 16 знаков. Четыре последних знака первой строчки полностью совпадают с последними четырьмя знаками второй строчки первой надписи, составившими слово etilincin. Третий и четвертый знаки второй строчки совпадают с седьмым и восьмым знаками однострочной надписи № 2, составившими слово atum. Последние же четыре знака второй строчки совпадают с последними четырьмя знаками третьей строчки надписи № 1, образовавшими слово teggim. Таким образом, в этой надписи остается прочесть первые четыре знака первой строчки и первые два знака второй строчки.

Надпись № 3

Транскрипция:

1) gānč· az etilincin

2) šu atum teggim

Перевод:

1) [В связи с тем, что] богатство иссякало (уменьшалось)

2) Этого имени я достиг.

Словарь:

1) gānč=gānž (<п. كنج) 'сокровище, богатство': seṇä gānž aṇa gānž berigli uṇan 'бог, жалующий тебе огорчения, а ему сокровища' (ДТС, стр. 194—195).

Содержание надписей, найденных в 1962 г., позволяет сделать вывод о том, что все они являются фрагментами одного и того же текста большего объема.

¹⁰ В. А. Кузнецов. Указ. раб., стр. 299—300.

Б. П. САДЫХОВ

ОБ ОДНОМ ДРЕВНЕМ АФФИКСЕ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В АЙРУМСКОМ ГОВОРЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

В диалектах и говорах азербайджанского языка сохранились некоторые древнейшие фонетические, грамматические и лексические особенности, зафиксированные в языке древнетюркских письменных памятников. В этом отношении несомненный интерес представляет айрумский говор азербайджанского языка, в котором имеется ряд древнетюркских кыпчакских элементов, отсутствующих в других современных тюркских языках, а также в их диалектах и говорах. Это прежде всего показатель родительного падежа с двумя вариантами: 1) -уη, -iη, -uη, -üη; 2) -ук, -ik, -uk, -ük.

Первый вариант показателя родительного падежа характерен для западной группы диалектов и говоров азербайджанского языка, например: haɣavanuη 'арбы', kuşuη 'птицы', tākügiη 'колеса', haɣavanuη içinā tulla 'бросай в арбу', aɣxuη suju tıppan artuγ olmaz¹ 'вода канавы не может быть лучше (букв.) больше этого'. Этот показатель встречается в некоторых ранних памятниках азербайджанского языка, а также в произведениях классиков средневековой азербайджанской литературы: bu-γanuη 'быка'; Beg'ilüη 'Бегилы'; Kazanun halalynu tutmuşuz 'Мы поймали жену Казана'²; Cün Näsiminiη vüçudin nurinä jandyrdy nar³; 'Ибо сжѣг тело Насими от лучей огня [твоего]'. Аффикс -уη, -iη, -uη, -üη и его фонетические варианты встречаются также в большинстве других тюркских языков, а также их диалектов и говоров. В тюркологии существует несколько мнений об их происхождении.

Однако гораздо больший, с нашей точки зрения, научный интерес представляют случаи употребления в айрумском говоре азербайджанского языка аффикса -ук, -ik, -uk, -ük, например: Gānyk saγunda gözdö:j däsik 'Наверное ждет на правой стороне скалы', Kosa ārvadyk āγuppan jaryşdy, elä bildi keçäldi niηa kin tanymejdy (gaɣapnyγyγdy) 'Коса (безбородый) схватил свою жену за ноги, думал, что это плешивый, потому что не узнал ее (было темно)' (из полевой записи сказки) и т. д. Этот аффикс выступает также в парадигмах склонения личных и указательных местоимений, например: tıpuκ, opuκ, bizik, sizik, mānik, sānik и т. д.

¹ «Азербайжан дилинин гәрб групу диалект вә шивәләри». Бақы, 1967, стр. 79.

² *Muħarrem Ergin*. Dede Korkut kitabı. Türk Dil Kurumu yayınları, sayı 169. Ankara, 1958, стр. 161.

³ Ч. Гәһрәманов. Нәсими диванынын лексикасы. Бақы, 1970, стр. 208.

Поскольку данная морфологическая особенность наблюдается чрезвычайно редко, ее вряд ли можно рассматривать как результат какого-то фонетического процесса.

Этот вариант аффикса родительного падежа в настоящее время зафиксирован лишь в языке памятников Кюль-тегину и Бильге-кагану. В этих памятниках параллельно с аффиксами *-uŋ*, *-iŋ*, *-uŋ*, *-üŋ* встречаем также аффикс *-iŋ* (*-uŋ*): «Türk budunıŋ atı küsi yoq bolmazun» tiyin, qaŋım qaŋanıŋ ögüm qalunuŋ kötürmis täŋri, il birigmä täŋri. «Türk budun atı küsi joq bol[mozun] tiyin, özümin ol täŋri] (E 26) qaŋan olurtdı ärinç!⁴ 'Тогда небо, которое, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, возвысило моего отца — кагана и мою мать — катун. Небо, дарующее [ханам] государство, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа'.

В. Г. Кондратьев считает аффикс *-iŋ* (*-uŋ*) в слове *budunıŋ* 'народа' фонетическим вариантом *-uŋ*, *-iŋ*⁵ и не соглашается с мнением В. Томсена, который считал переход $\eta > \gamma$ диссимиляцией. По нашему мнению, веллярное *-ŋ*, судя по многим источникам, иногда раньше выступало в звукосочетании *nŋ/ng*, со временем распавшемся на отдельные звуки, употреблявшиеся отдельно.

М. Ш. Ширалиев указывает два варианта развития этих звукосочетаний: 1) *ng/nŋ > ŋ > n*; 2) *ng/nŋ > q/ŋ*⁶. В связи с переходом $\eta > \gamma$, наблюдаемым в памятниках, автор считает аффикс *-uŋ* его фонетическим вариантом. Однако правильнее, на наш взгляд, считать *-uŋ* не фонетическим вариантом аффикса *-uŋ*, *-iŋ*, а самостоятельным аффиксом, так как оба они употреблялись параллельно. В древности указанный аффикс являлся грамматическим признаком огузских и кыпчакских языков. В словаре Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк» племена огузов и кыпчаков отнесены к древнейшим тюркским племенам. В языках этих племен во всех лицах единственного числа употреблялось *ŋ/k*. Поэтому нельзя считать аффикс *-uŋ* особенностью одного племенного языка и фонетическим вариантом аффикса *-uŋ*, *-iŋ*, *-uŋ*, *-üŋ*, являющегося признаком другого племенного языка.

В айрумском говоре, однако, как уже указывалось, можно встретить эту особенность в склонении личных местоимений, причем не только в родительном падеже. Так, в дательном падеже вместо лит. *mänä*, *sänä* употребляется *maŋa*, *saŋa*, ср. также кирг. *мага* ~ *маган*, *сага* ~ *саган*⁷, кумык. *магъа*, *сагъа*⁸, ног., шор. *мага*, *сага*, хакас. *маға*, *саға*⁹, сарыгюг. *маба*, *саба*¹⁰. В айрумском же говоре в глагольных формах 2-го лица единственного числа категорического прошедшего времени вместо лит. *getdin* употребляется *getdik* 'ты ушел', ср. *aldun* — *aldyk* 'ты получил', *baŋdun* — *baŋdyk* 'ты смотрел', а в формах повествовательного прошедшего времени вместо *gälibsän* — *gälifsik* 'ты пришел', *görübsän* — *gögüfsük* 'ты увидел'. Данная морфологическая особенность, отсутствующая

⁴ A. v. Gabain. *Altürkische Grammatik*, 2. Verbesserte Auflage. Leipzig, 1950, стр. 252; см. также: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 31—39.

⁵ В. Г. Кондратьев. Очерк грамматического строя памятников тюркской рунической письменности VIII века из Монголии. Канд. дисс. Л., 1964, стр. 44—45.

⁶ М. А. Сиралиев. Sur l'origine de l'affixe personnel dans les dialectes de la langue azerbaïdjanise. — «Acta Orientalia». Budapest, 1961, стр. 119, 121.

⁷ Г. Бакинова. Диалектологиялык материаллары, жыйноо боюнча, справочник. Фрунзе, 1955, стр. 30.

⁸ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 6.

⁹ Ф. Г. Исхаков. Местоимения. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956, стр. 214.

¹⁰ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. М., 1967, стр. 7.

щая в других современных тюркских языках, зафиксирована, однако, в языке всех древнетюркских памятников (*är-tig, öl-tig; бар-ыџ/бар-дыџ*)¹¹, а также восточнотуркестанских текстах (*bylduџ* 'ты нашел', *kalduџ* 'ты остался'¹²) и т. д. Г. И. Рамstedт указывает, что оба варианта личных аффиксов 2-го лица единственного числа прошедшего времени глагола употреблялись параллельно (например: *öl-t-iŋ, öl-t-ig*)¹³.

Учитывая эту особенность, В. А. Богородицкий писал, что 2-е лицо единственного числа почти во всех диалектах оканчивается на заднеязычный носовой *ŋ* и лишь орхонские надписи представляют исключение — в них зафиксировано неносовое *γ*. В. А. Богородицкий высказал предположение, что эти окончания, возможно, родственны друг другу, причем родство может опираться на способность *γ* произноситься с носовым оттенком и последующую субституцию (см. также половецкие формы 2-го лица единственного числа прошедшего времени *bardig* 'ты отправился' *kiriding* 'ты вошел')¹⁴. Все это можно считать результатом исторического развития сложного звука или звукосочетания *ng/nγ*.

Можно предположить, что параллельное употребление форм *n* и *γ/k* являлось одним из признаков диалектного членения тюркского языка, представленного в древних памятниках. Возможно также, что этот аффикс употреблялся некоторое время самостоятельно. Этот вопрос требует дальнейшего исследования на основе диалектных фактов.

В некоторых источниках отмечено употребление интересующего нас аффикса в форме *-ing*, в частности в «Диване» Махмуда Кашгари (*-ing: -sening, anung, mening*)¹⁵, в «Codex Sumanicus» (*-ning/-ing: kisining, tegeŋig*)¹⁶, а также в ряде современных тюркских языков, в том числе кумыкском¹⁷, узбекском¹⁸, каракалпакском¹⁹ и других.

Вышеприведенное указывает на то, что употребление в айрумском говоре азербайджанского языка аффиксов в родительном падеже *-uk, -ik, -uk, -ük* не является случайным, а свидетельствует о сохранении в айрумском говоре древнего грамматического элемента языка огузских и кыпчакских племен.

¹¹ W. Radloff. Die Altürkische Inschriften der Mongolei. Spb., 1895, стр. 416—417; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951, стр. 48.

¹² А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII веков из Восточного Туркестана. М., 1961, стр. 155.

¹³ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 117.

¹⁴ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 132; см. также: М. И. Исламов. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 21.

¹⁵ «Divanı lügat-it-türk» tercümesi. Ceviren Besim Atalay, III cilt. Ankara, 1941, стр. 297, 372.

¹⁶ А. Курьшижанов. Парадигмы склонения в языке письменного памятника XIII—XIV веков «Codex Sumanicus». — В сб.: «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. VII. Алма-Ата, 1958, стр. 63.

¹⁷ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 107.

¹⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 174; К. К. Юдахин. Карабулакский говор. — В сб.: «Узбек диалектологиясидан материаллар», II. Тошкент, 1961, стр. 14—15.

¹⁹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. Фонетика и морфология, ч. 1. Части речи и словообразование. М., 1960, стр. 260—270.

Э. ТРЬЯРСКИЙ

ПОЛЬСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ (1964—1973)

Последнее десятилетие явилось сложным периодом в развитии польской тюркологии¹. Кончина выдающегося ученого, создателя и руководителя Варшавского тюркологического центра, профессора Ананиаша Зайончковского (1970 г.), единственного востоковеда, являвшегося действительным членом Польской Академии наук, стала невосполнимой утратой для польской тюркологической науки². Тяжелой утратой для науки явилась также смерть крупнейшего знатока языка, литературы и быта караимов Юзефа Сулимовича (1973 г.).

На развитии польской тюркологии не могло не отразиться и то, что с 1969 г. перестал существовать единственный в Польше академический исследовательский центр ориенталистики — Институт востоковедения Польской Академии наук (Zakład Orientalistyki PAN)³.

Этим институтом, которым в течение многих лет руководил А. Зайончковский, была проведена значительная работа по исследованию древнетюркских рунических памятников Монголии, изучению и изданию армяно-кыпчакских и мамлюко-кыпчакских рукописей, составлению (совместно с советскими тюркологами) караимского словаря, анализу турецких диалектов Болгарии и Румынии. Помимо этого, коллектив института занимался описанием и систематизацией тюркских рукописей, находящихся в польских архивах, и библиографической работой⁴.

В настоящее время тюркологические исследования ведутся главным образом в Центре тюркологии и иранистики Варшавского университета и в Тюркологическом центре созданного в 1973 году Института востоковедения (ранее кафедра, позднее—центр) Ягеллонского университета в Кракове.

Однако, несмотря на упомянутые трудности, польские тюркологические исследования последних лет и более раннего периода отличаются широтой тематики и тесной связью со смежными областями науки. Так, например, академик А. Зайончковский сочетал тюркологические исследования с иранистикой и в определенной степени — с арабистикой; Я. Рейхман, нынешний руководитель Центра тюркологии и иранистики, помимо истории некоторых тюркских языков, работает в области угрофинской, в частности венгерской, филологии; Е. Лисовский сочетает исследования по османской истории с изучением чувашского языка; С. Калужинский изучает монголистику и тюркологию; область научных интересов С. Стаховского составляют славяно-турецкие языковые контакты. Автор этих строк одновременно с исследованиями собственно тюрколо-

гического характера работает также на стыке тюркологии и арменистики, археологии и этнографии и т. д. Поэтому ниже отмечаются и те работы, которые, по мнению некоторых ученых, к тюркологии не относятся *sensu stricto*.

Среди польских исследований по тюркологии особое место занимают монографии, издания текстов и статьи А. Зайончковского по кыпчакско-му языку мамлюкского Египта и Сирии. Начав работу в этой области много лет назад, ученый в последние годы жизни опубликовал целый ряд книг и дополнительных материалов. Значительная часть трудов А. Зайончковского издана на русском языке, что свидетельствует как о глубоко уважительном отношении ученого к советской тюркологии, так и о его дружественных творческих связях с советскими тюркологами, прежде всего из таких крупных научных центров, как Москва, Ленинград, Баку, Тбилиси, Ташкент. Последние работы А. Зайончковского посвящены главным образом новонайденному арабско-кыпчакскому словарю, раскрытию его значения, содержания и отношения к более ранним аналогичным изданиям. Ученый опубликовал некоторые главы словаря⁵. Однако полностью издать рукопись А. Зайончковский не успел.

В Египте эпохи мамлюков создавались труды не только на кыпчакском и смешанном тюркском языках, но также и на османско-турецком. К памятникам последней группы относится написанная в начале XVI века интересная версия «Шах-наме», изданная А. Зайончковским отдельной книгой. Этой версии ученый посвятил также ряд статей⁶. Как историки, так и языковеды с интересом встретили изданную А. Зайончковским «Хронику кыпчакской степи», важный исторический памятник XVII в., написанный на османском языке⁷. Египетским мамлюкам принадлежат также переведенные на османский язык сентенции, приписываемые халифу Али. Сто таких сентенций и афоризмов по стамбульской рукописи из Топ Капы Сарай опубликованы А. Зайончковским отдельной книгой⁸. Из османских рукописей А. Зайончковский издал также «Трактат Аристотеля о военном искусстве»⁹ и ряд поэтических произведений Ашыка Паши¹⁰ и мамлюкского султана Кансуха¹¹. Первая публикация привлекла внимание историков философии, вторая — историков литературы, получивших благодаря этой книге ценную базу для изучения истории турецкого стихосложения, особенно турецкой метрики.

Большое значение придавал А. Зайончковский труду Замахшари и содержащемуся в нем турецкому материалу. Одну из глав этого труда, по копии XIII века, ученый издал в «Rocznik Orientalistyczny»¹². Следует подчеркнуть, что научная публикация ряда новых рукописей и глубокие исследования А. Зайончковского наряду с тем, что заслужили всеобщее признание, пробудили также интерес ученых к поднятым проблемам. Достаточно, например, вспомнить работы в этой области, изданные за последние годы в Советском Союзе, Венгрии, Турции¹³. Смерть помешала ученому довести до конца работу по подготовке к изданию мамлюкско-кыпчакского трактата о военном искусстве и составлению большого словаря лексики всех арабо-кыпчакских памятников («Thesaurus Linguae Kircasorum») ¹⁴.

Укажем также еще одно произведение тюркоязычной литературы, недавно опубликованное в Польше, — поэму религиозного содержания «Книга отрезанной головы». Написанная на литературном среднеазиатском тюрки, смешанном с османскими элементами, поэма издана Я. Циопинским¹⁵ на базе казанского текста, напечатанного в 1846 году.

Традиционным для польской тюркологии является исследование западной ветви тюркских языков, в частности караимского языка. В

этой области следует отметить несколько крупных работ, появившихся в последние годы. Среди них — исследование А. Зайончковского, посвященное караимской литературе и напечатанное во втором томе «*Philologiae Turcicae Fundamenta*»¹⁶; подготовленное покойным Ю. Сулимовичем первое издание ряда караимских молитв на крымском диалекте (датируемых 1734 г.), снабженное предисловием, латинской транскрипцией текста, словарем и факсимиле оригинала¹⁷. Интересны также три работы А. Дубинского: «Терминология магических заклинаний и гаданий в караимском языке», «Лексические различия в западно-караимском языке» и «Славянское влияние в караимском языке»¹⁸. В течение многих лет велась работа по составлению обширного словаря караимского языка совместно бывшим Институтом востоковедения Польской Академии наук, Институтом языкознания Академии наук СССР и Институтом истории Литвы Академии наук Литовской ССР. С польской стороны руководство этой работой осуществлялось А. Зайончковским. В подготовке словаря участвовали с польской стороны А. Дубинский и В. Зайончковский. Общая редакция принадлежит Н. А. Баскакову, А. Зайончковскому и С. М. Шапшалу. Словарь издается в Москве¹⁹. В турецком переводе вышла статья А. Зайончковского, посвященная караимам и живущим в Польше татарам²⁰. Следует также отметить небольшую статью В. Зайончковского «О женском роде в караимском языке»²¹.

Успешно развивалось в минувшем десятилетии исследование армяно-кыпчакских письменных памятников. Работа над этими текстами имеет уже некоторую историю (достаточно назвать таких исследователей, как Ф. Крэлиц-Грейфенхорст, Ж. Дени, Т. И. Грунин, М. Левицкий, Р. Конова, О. Прицак)²² и в настоящее время продолжается. Благодаря инициативе польских тюркологов эта область тюркологии стала примером творческого сотрудничества востоковедов разных стран, в том числе советских. Две работы были написаны автором этих строк совместно с известным французским тюркологом Ж. Дени (ум. в 1963 г.): «История мудрого Хикара» и «Очерк армяно-кыпчакской литературы»²³. В содружестве с советским историком Я. Р. Дашкевичем подготовлен к печати и издан целый цикл ценных документов, таких, как завешания, предбрачные контракты, долговые обязательства, а также инскрипции, находящиеся в львовских собраниях²⁴. Эти публикации содержат новый интересный материал как для тюркского языкознания, так и для истории культуры польских армян.

Плодом более чем десятилетней работы является обширный (около 1000 страниц) «Армяно-кыпчакский словарь» (с переводами слов на польский и французский языки), базирующийся на рукописных источниках и представляющий собой первый словарь такого типа²⁵. Четыре части Словаря, составляющие его первый том, уже вышли в свет и получили положительную оценку тюркологов. Можно надеяться, что Словарь окажется полезным при издании армяно-кыпчакских текстов, хранящихся как в Польше, так и в других странах. Исследования армяно-кыпчакских рукописей, ведущиеся главным образом в Польше, Венгрии (Э. Шюц) и СССР (Я. Р. Дашкевич, Э. В. Севортян), в настоящее время стали объектом внимания тюркологов младшего поколения — И. Вашари (Будапешт), И. А. Абдуллина (Казань), О. Еганяна (Ереван), Харкавца (Москва). Работа над армяно-кыпчакскими текстами имеет немаловажное значение не только для более глубокого изучения кыпчак-

ского (половецкого) языка и его вариантов, но также для проведения исследований в области армянского и славянских языков, истории, эпиграфики и т. д. За последние годы появился ряд работ, рассматривающих эти вопросы²⁶. «В итоге, — как отмечал в свое время Ж. Дени, — на наших глазах возникла новая область тюркологических исследований».

К этой же группе исследований относятся и некоторые упоминавшиеся выше работы А. Зайончковского, а также А. Дубинского²⁷ и М. Конопацкого²⁸ по языку и истории польских татар.

Древнейшие тюркские рунические тексты Орхона, Селенги, Толы и Онгина находятся в центре внимания уже нескольких поколений тюркологов во всем мире, однако в Польше на протяжении многих лет они изучались лишь в рамках учебной программы университетов. Только после организованной в 1962 г. бывшим Институтом востоковедения Польской Академии наук поездки в Монгольскую Народную Республику повысился интерес к этим давно известным, но, как показывают новые работы, все еще недостаточно исследованным памятникам. Собранный в Монголии материал был обработан в содружестве с учеными других стран. Так, в результате совместной работы с Дж. Клосоном было подготовлено второе (после издания В. Котвича—А. Самойловича, 1928 г.) издание текста рунического памятника из Ихэ-Хушоту²⁹. При участии П. Аалто изданы некоторые тексты небольших рунических памятников³⁰. К этим работам примыкают публикация рунической надписи из Арханэна (Монголия)³¹ и ряд статей археологического характера, посвященных надгробным памятникам тюркютов³².

Что касается изучения северной ветви тюркских языков, то здесь следует назвать немногочисленные, но важные работы С. Калужинского по морфологии якутского языка³³ и его же очерк якутской литературы³⁴. Перу этого же автора принадлежат статьи: «Польские исследования якутов и их культуры»³⁵ и «Древнейшее польское описание путешествия по Сибири». Последняя содержит записи путешественника Адама Каменского Длужыка (XVII в.)³⁶. В работе Я. Рейхмана «О польских исследованиях фольклора тюркских народов царской империи»³⁷ приводятся интересные данные по народному творчеству, собранные в XIX веке польскими ссыльными в Средней Азии и на Кавказе³⁸. Особо следует отметить список чувашских слов с их эквивалентами на польском и некоторых других языках, составленный А. Коном (1820—1880), участником восстания 1863 года. Заметки А. Кона, сохранившиеся в рукописи, хранящейся в Познани, опубликованы недавно Я. Рейхманом. Хотя транскрипция записанных А. Коном слов и не отвечает научным требованиям, тем не менее работа его представляет собой ценный материал для исследования истории чувашской лексики³⁹. Отдельную заметку автор посвятил записанному А. Коном слову со значением «соловей»⁴⁰. Сложные глаголы движения в чувашском языке рассматриваются в статье Е. Лисовского⁴¹.

В последнее десятилетие интерес польских ученых к филологии тюркоязычных народов южной группы заметно усилился, хотя и не все языки этой группы стали предметом их специальных исследований. Среди опубликованных трудов следует выделить две работы В. Зайончковского: издание, вместе с переводом, 33 четверостиший (*bajaty*) и 150 азербайджанских пословиц, записанных в 1962 году⁴², а также анализ ряда туркменских личных имен⁴³.

Широко изучаются турецкие диалекты Балканского полуострова, их развитие и внешние контакты. Так, работы С. Стаховского исследуют, с одной стороны, развитие османского языка⁴⁴, с другой — влияние послед-

него на южно-славянские языки⁴⁵. Недавно тот же автор издал свою диссертационную работу «Фонетика османско-турецких заимствований в сербско-хорватском языке»⁴⁶. Уместно упомянуть и ряд других работ по турецким диалектам Балканского полуострова: В. Зайончковского — «Образцы турецкого языка в Македонии»⁴⁷ и «Турецкие четверостишия *mani* в Болгарии»⁴⁸; С. Стаховского — «Некоторые данные к хронологии тюркских элементов в албанском языке»⁴⁹; Э. Трыарского — «Турецкая ремесленная терминология в Румынии»⁵⁰ и «Несколько турецких песен из Добруджи»⁵¹. Краткие крымско-татарские тексты издал (совместно с Р. И. Музафаровым) В. Зайончковский⁵², подготавливающий также монографию, посвященную татарам Добруджи. Краковский тюрколог в течение многих лет занимается вопросами гагаузского языка и культуры. Уже вышли в свет его монография⁵³ и небольшой гагаузско-французский словарь⁵⁴.

Исследование современных тюркских языков пока еще не получило в Польше достаточного развития и представлено лишь немногими работами. В их числе «Заметки о синтаксических конструкциях типа *bülbül öten yer* и их реализации в турецком языке» Я. Циопинского⁵⁵, «Турецкие обороты, образованные с помощью слова *ağız*» С. Пласковицкой-Римкевич, М. Боженцкой и М. Кэхеровой⁵⁶. Следует также упомянуть небольшие по объему, составляющие один том, первые турецко-польский и польско-турецкий словари, уже подготовленные к печати Л. Бауэр и А. Дубинским⁵⁷.

Ряд работ посвящен теории и истории тюркских литератур⁵⁸, главным образом османской и современной турецкой. Здесь следует назвать и две небольшие по объему написанные для энциклопедии статьи А. Зайончковского, посвященные киргизской и казахской литературам⁵⁹. Заслуживают внимания работы С. Пласковицкой-Римкевич в области османской литературы. Особенно интересны две ее статьи: «Состояние работ по турецкой паремиографии и паремиологии»⁶⁰ и «Исследования по турецкой стилистике. Поэтические мотивы в произведениях поэтов XIII века — Султана Веледа, Ахмеда Факиха и Шейада Хамзы»⁶¹. Значительный интерес для польских читателей представляют изданные Т. Майдой фрагменты известной повести малоазиатских тюрков «Данишмэнд-наме»⁶², а также «История турецкой литературы» — первый труд такого рода, созданный польскими тюркологами⁶³.

Изданы также работы по истории турецкого театра, но они носят скорее популярный характер. В книжных собраниях города Познани обнаружена рукопись пьесы, которую ее издатель М. Лабенцкая-Кэхер считает предположительно самой древней турецкой комедией⁶⁴.

Для историков турецкого искусства большой интерес представляют публикации имеющихся в польских собраниях альбомов турецких костюмов⁶⁵.

Наконец, следует упомянуть также работы польских тюркологов по истории тюркоязычных народов, охватывающие также вопросы зарождения государства, становления права, религии, проблемы истории материальной и духовной культуры. Это прежде всего очень тщательно подготовленное издание «Истории хана Ислама Гирея III» Сенан из Крыма. Подготовка текста осуществлена З. Абрахамовичем, ему же принадлежит и филологический комментарий⁶⁶. «Избранные главы из „Сейахет-наме“» Эвлия Челеби переведены на польский язык и прокомментированы З. Абрахамовичем, А. Дубинским, С. Пласковицкой-Римкевич и Я. Рейхманом⁶⁷.

На широкий круг читателей рассчитаны книги Я. Рейхмана: «История Турции с конца XVIII века»⁶⁸ и более подробная «История Турции»⁶⁹. Жизнь и деятельность Кемале Ататюрка описаны в популярной книге М. Э. Зайончковской⁷⁰. Ряд эпизодов политической истории Турции и польско-турецких отношений освещен в работах Т. Цецерской-Хлаповой⁷¹ и Е. Лисовского⁷². Различным областям средневековой культуры тюркоязычных народов посвящены работы Т. Нагродзкой-Майхжык⁷³ и автора этих строк⁷⁴. В печати находится обширный том о культуре гуннов, протоболгар, хазар и печенегов⁷⁵.

Разумеется, данные заметки ни в коей мере не претендуют на исчерпывающую характеристику и оценку названных выше работ, по своему научному уровню далеко не равноценных. Некоторые из них ценны лишь содержащимся в них материалом, который может быть использован в последующих исследованиях. Как правило, в работах превалирует традиционный описательный метод, так как польские тюркологи пока почти не используют новейших, в частности структурных, методов исследования, давно уже с большим или меньшим успехом применяемых учеными других стран. Отдельные тюркские языки (например, азербайджанский, узбекский, казахский, киргизский, кумыкский, карачаево-балкарский, ногайский, уйгурский и др.) до сих пор в Польше не исследуются. Некоторое беспокойство вызывает ощущающееся замедление темпов подготовки кадров молодых тюркологов, а также все еще недостаточная исследовательская активность тюркологов среднего поколения. Поступление иностранной научной литературы весьма нерегулярно, бедно представлена научная критика в области тюркологических изданий. В свете сказанного для успешного развития тюркологии в Польше, как нам кажется, необходимо прежде всего обратить внимание на подготовку кадров молодых тюркологов, на координированное планирование тюркологических исследований в целом по стране и установление более тесного сотрудничества с зарубежными тюркологическими центрами, особенно в СССР.

Можно с уверенностью сказать, что упомянутые затруднения носят временный характер и польская тюркология, продолжая свои славные традиции, будет и в дальнейшем развиваться успешно.

¹ О развитии польской тюркологии до 1964 года см.: С. Калужинский. Современное состояние и ближайшие перспективы тюркологии и алтаистики в Польше. — «Вопросы языкознания», 1963, № 5, стр. 108—114.

² См.: «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 162—163; «Народы Азии и Африки», 1970, № 5, стр. 253—255; «Przegląd Orientalistyczny», 1970, № 3 (75), стр. 281—284. Список основных работ А. Зайончковского составил А. F. Karamanlioğlu. — «Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi», 1971, XIX, стр. 31—34.

³ Подобные организационные изменения произошли и в некоторых других странах (ГДР, Чехословакия, Румыния). Само понятие «востоковедение» и проблемы организации этой области науки стали предметом оживленной дискуссии на XXIX Международном конгрессе ориенталистов в Париже в 1973 г.

⁴ Ср., например: А. Зайончковский. Институт востоковедения. — «Журнал Польской Академии наук», 1962, VII, вып. 3 (27), стр. 29—33; С. Калужинский. Указ. раб.

⁵ А. Зайончковский. Новонайденный арабско-кыпчакский словарь из Государства мамлюков. — «Народы Азии и Африки», 1964, № 3, стр. 111—116; *его же*. Chapitres choisis du Vocabulaire arabe-kiptchak «ad-Durraṭ al-mudī'a fi-l-luḡat at-turkiya». — «Rocznik Orientalistyczny», 1965, XXIX, 1, стр. 39—98; 2, стр. 67—116; 1969, XXXII, 2, стр. 19—61; *его же*. Materiał kolokwialny arabsko-kiptczacki w Słowniku «ad-Durraṭ al-mudī'a fi-l-luḡat at-turkiya». — «Rocznik Orientalistyczny», 1968, XXXI, 1, стр. 71—115; *его же*. Das Pferd nach dem arabischen-kiptchakischem Glossar «ad-Durraṭ al-mudī'a fi-l-luḡat at-turkiya». — «Central Asiatic Journal», December 1965, Vol. X, Nos. 3—4, стр. 333.

- ⁶ A. Zajęczkowski. Turecka wersja Šāh-nāme z Egiptu mameluckiego. Warszawa, 1965; *ego же*. Historia Isfandiara podług tureckiej wersji «Šāh-nāme» z Egiptu Mameluckiego. — «Rocznik Orientalistyczny», 1964, XXVIII, 1, стр. 49—90; *ego же*. Treny (مرثیه) filozofów na śmierć Iskendera (podług mamelucko-tureckiej wersji Šāh-nāme). — «Rocznik Orientalistyczny», 1965, XXVIII, 2, стр. 13—57; *ego же*. La plus ancienne traduction turque (en vers) du Šāh-nāme de l'État Mamelouk d'Égypte (XV—XVIIe siècles). — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı — Belleten», (1966), 1967, стр. 51—63 (турецкий перевод, стр. 65—76); *ego же*. Еще о четырех сословиях в «Шах-наме». — «Народы Азии и Африки», 1968, № 1, стр. 124—130; *ego же*. Şeh-name'nin ilk türkçe manzumesinde atasözleri ve deyimler (özet). — «Türk Dil Kurultayında Okunan Bilimsel Bildiriler», XI. 1966». Ankara, 1968, стр. 1—7; *ego же*. Легенда о происхождении курдов (по старейшей турецкой версии «Шах-наме»). — В сб.: «Вопросы тюркологии». Баку, 1971, стр. 69—75.
- ⁷ A. Zajęczkowski. La Chronique des Steppes Kiptchak *Tevārīh-i Dešt-i Qırçaq* du XVIIe siècle (Ms. Istanbul, Topkapı Sarayı, B. 289). Edition critique avec la traduction française du XVIIIe siècle (Ms. Paris, Bibliothèque Nationale, Turcs, S. 874). Warszawa, 1966; *ego же*. «Летопись Кипчакской степи» (*Tevārīh-ı Deşt-ı Kıpçak*) как источник по истории Крыма. — В сб.: «Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы». Под ред. А. С. Тверитиновой, II. М., 1969, стр. 10—28; *W. Hensel*. Index pour la Chronique des Steppes Kiptchak d'Abdullāh ibn Rizvān. — «Rocznik Orientalistyczny», 1968, XXXII, 1, стр. 67—84.
- ⁸ A. Zajęczkowski. Sto sentencji i apoftegmatów arabskich kalifa 'Alī'ego w parafrазі мамелуко-турецкой (Ms. Istanbul. Topkapı Sarayı, B. 122), Warszawa, 1968.
- ⁹ A. Zajęczkowski. Traktat Arystotelesa o sztuce wojennej *Ādab-i harb* w wersji osmańsko-tureckiej (Ms. Istanbul, Topkapı Sarayı, B. 369). — «Rocznik Orientalistyczny», 1968, XXXI, 2, стр. 23—105; 1969, XXXIII, 1, стр. 7—76.
- ¹⁰ A. Zajęczkowski. Poezje stroficzne 'Āšīq-Paša (Materiały do studiów nad wersyfikacją turecką). Warszawa, 1967.
- ¹¹ A. Zajęczkowski. Poezje stroficzne muyaššah мамелуцкого султана Qānšūh (Qansav) Ġavri. — «Rocznik Orientalistyczny», 1964, XXVII, 2, стр. 63—89.
- ¹² A. Zajęczkowski. Глава о животных в арабском труде Замахшари (с персидскими и тюркскими глоссами) по стамбульскому списку 655 г. х. (= 1257). — «Rocznik Orientalistyczny», 1967, XXX, 2, стр. 27—82.
- ¹³ Ср., например: А. К. *Курьшижанов*. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюрко-арабского словаря». Алма-Ата, 1970; *M. Necmettin Haceminoğlu*. Kutb'un Husrev ü Şirin'i ve dil hususiyetleri. [Istanbul], 1968; *A. Bodrogligeti*. A Collection of Turkish Poems from the 14th Century. — «Acta Orientalia Ac. Sc. Hung.», 1963, XVI, 3, стр. 245—311; *ego же*. A Grammar of Mameluke-Kipchak. — «Studia Turcica», ed. L. Ligeti. Budapest, 1971, стр. 89—102.
- ¹⁴ Автор успел издать лишь одну главу: A. Zajęczkowski. Le traité de l'art chevaleresque (*furūsiya*) en version mamelouk-kiptchak. — «Rocznik Orientalistyczny», 1970, XXXIII, 2, стр. 21—66. Ср.: A. Zajęczkowski. O potrzebie edycji i planie wydawniczym «Słownika kipczackiego» (Thesaurus Linguae Kipčacorum). — «Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności», 1949, L, № 10, стр. 591—594.
- ¹⁵ J. Ciopiński. Késik Báš Kitābı, variante de Kazan. — «Folia Orientalia», (1969) 1970, XI, стр. 79—88; (1970) 1971, XII, стр. 61—68; (1971) 1972, XIII, стр. 9—13.
- ¹⁶ A. Zajęczkowski. Die karaimische Literatur. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», II. [Wiesbaden], 1964, стр. 793—801.
- ¹⁷ J. Sulimowicz. Materiał leksykalny krymskokaraimskiego zabytku językowego (druk z 1734 r.). — «Rocznik Orientalistyczny», 1972, XXXV, 1, стр. 37—76; 1973, XXXXVI, 1, стр. 47—107.
- ¹⁸ A. Dubiński. Die magisch-weissagerische Terminologie im Karaimischen. — «Ural-Altäische Jahrbücher», (1964) 1965, Vol. 36, Fasc. 3—4, стр. 311—325; *ego же*. Batı Karaim dilinde bazı leksik farkları. — «XI. Türk Dil Kurultayında Okunan Bilimsel Bildiriler, 1966». Ankara, 1968, стр. 209—216; *ego же*. Über die slawischen Einflüsse in der karaimischen Sprache. — «Studia Slavica Hung.», 1969, XV, стр. 139—144.
- ¹⁹ «Карайско-русско-польский словарь». Под ред. Н. А. Баскакова, А. Зайончковского, С. М. Шапшала. Сост. Н. А. Баскаков, А. Дубинский, А. Зайончковский, В. Зайончковский, Р. М. Ижбулатова, К. Мусаев, Х. Ф. Исхакова, С. М. Шапшал. М., 1974 (в печати).
- ²⁰ A. Zajęczkowski. Polonya'da Türk menşeli etnik unsurlar (çeviren: Z. Kerman). — «Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi», 1971, XIX, стр. 35—42.
- ²¹ W. Zajęczkowski. Sur le genre féminin en langue karaïme. — «Folia Orientalia», (1969) 1970, XI, стр. 315—317.

²² Ср., например: *J. Reychman*. *Badania nad językiem ormiańsko-kipczackim i dziejami Ormian polskich*. — «Przegląd Orientalistyczny», 1971, № 1 (77), стр. 61—71.

²³ *J. Denu, E. Tryjarski*. «Histoire du sage Hikar» dans la version arméno-kiptchak. — «Rocznik Orientalistyczny», 1964, XXVII, 2, 7—61; *их же*. La littérature arméno-kiptchak. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», II. [Wiesbaden], 1964, стр. 801—808.

²⁴ *Р. Р. Дашкевич, Э. Трьярский*. Договор Н. Торосовича с львовскими и каменецкими армянами 1627 г. как памятник армяно-кыпчакского языка. — «Rocznik Orientalistyczny», 1969, XXXIII, 1, стр. 77—96; *их же*. Армяно-кыпчакские предбрачные договоры из Львова (1598—1638 гг.). — «Rocznik Orientalistyczny», 1970, XXXIII, 2, стр. 67—107; *их же*. Армяно-кыпчакский документ из Константинополя 1618 г. — «Folia Orientalia», (1969) 1970, XI, стр. 123—137; *их же*. Армяно-кыпчакская надпись из Львова (1609 г.) и вопросы изучения средневековых памятников армянской эпиграфики. — «Rocznik Orientalistyczny», 1973, XXXV, 2, стр. 123—135; *их же*. Армяно-кыпчакское завещание из Львова 1617 г. и современный ему польский перевод. — «Rocznik Orientalistyczny», 1974, XXXVI, 2 (в печати); *их же*. Армяно-кыпчакские долговые обязательства из Эдирне (1609 г.) и Львова (1615 г.). — «Rocznik Orientalistyczny», XXXVII, 1 (в печати).

²⁵ *E. Tryjarski*. Dictionnaire arméno-kiptchak d'après trois manuscrits des collections viennoises, t. 1, fasc. 1—4. Warszawa, 1968—1972.

²⁶ *E. Tryjarski*. 'Das Pferd' in den armenisch-kiptschakischen Texten. — Proceedings of the VIIIth Meeting of the International Altaistic Conference, 29 Augustus — 3 September 1964. — «Central Asiatic Journal», December 1965, Vol. X, № 3—4, стр. 316—319; *его же*. Une liste arméno-kiptchak des signes du Zodiaque. — «XI. Türk Dil Kurultayında Okunan Bilimsel Bildiriler». Ankara, 1968, стр. 139—152 (турецкий перевод, стр. 127—137); *его же*. Rangs, titres et fonctions dans certains textes arméno-kiptchak. — «Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference». Naples, 1970, стр. 269—272; *его же*. Armeno-Kiptchak Studies. — «Orientalistische Literaturzeitung», 1970, LXV, № 11/12, столбцы 533—541; *его же*. Ermeni-Kıptçak dilinde yazılmış olan meteorolojik ve müeccimlikle ilgili tahminler. Ankara (в печати); *его же*. Les noms personnels dans les écrits arméno-kiptchak. София (в печати).

²⁷ *А. И. Дубинский*. Заметки о языке литовских татар. — «Вопросы языкознания», 1972, № 1, стр. 82—88.

²⁸ *М. Копорачки*. Pismiennictwo Tatarów polsko-litewskich w nauce polskiej i obcej. — «Przegląd Orientalistyczny», 1966, № 3 (59), стр. 193—204; *его же*. Społeczność tatarska w Polsce wczoraj i dziś. — «Przegląd Orientalistyczny», 1969, № 2 (70), стр. 170—174.

²⁹ *Sir Gerard Clauson, E. Tryjarski*. The Inscription at Ikhe-Khushotu. — «Rocznik Orientalistyczny», 1971, XXXIV, 1, стр. 7—33.

³⁰ *P. Aalto, E. Tryjarski*. A Runic Tombstone Inscription Presumably from Minusinsk. — «Rocznik Orientalistyczny», 1971, XXXIV, 1, стр. 35—38; *их же*. Two Old Turkic Monuments of Mongolia. — «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», 1973, 150. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Erkki Itkonen, стр. 413—420. Ср. также: *их же*. Dessins rupestres aux environs d'Arvaikher (d'après les copies de M. Namkhaïdagva). — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», 68, 2, стр. 1—20 (оттиск).

³¹ *E. Tryjarski*. L'inscription turque runiforme d'Arkhanen, en Mongolie. — «Ural-Altäische Jahrbücher», 1965, Vol. 36, Fasc. 3—4, стр. 423—428.

³² *E. Tryjarski*. The Present State of Preservation of Old Turkic Relics in Mongolia and the Need for their Conservation. — «Ural-Altäische Jahrbücher», 1966, Vol. 38, стр. 158—173; *его же*. On the Archaeological Traces of Old Turks in Mongolia. — «East and West», New Series, Vol. 21, Nos. 1—2 (March-June 1971), стр. 121—135; *его же*. Some Remarks on the Monuments of the Orkhon Turks — Orkun Türklerin âbidelerine dair düşünceler. — «Türk Kültürü El-Kitabı», cilt II, kısım 1 a, İstanbul, 1972, стр. 29—43; *его же*. Turks in Distant Asia. — «The Illustrated London News», July 6, 1968, стр. 34—35; *его же*. Zur neueren Geschichte des Ongin Denkmals. Akten der PIAC. Berlin, 1974, стр. 629—630. Ср. также его же заметки о рунических рукописях из Британского музея в Лондоне: Notes on the *Turcica* in Sir M. Aurel Stein's Collection. — «Central Asiatic Journal», 1969, Vol. XII, стр. 322—328.

³³ *С. Калужинский*. Исследования по морфологии якутского языка (I). — «Rocznik Orientalistyczny», 1968, XXXI, 2, стр. 107—119.

³⁴ *S. Każużyński*. Die jakutische Literatur. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», II. [Wiesbaden], 1964, стр. 886—895.

³⁵ *S. Każużyński*. Polskie badania nad Jakutami i ich kulturą. — «Szkice z dziejów polskiej orientalistyki [2]». Warszawa, 1966, стр. 171—190.

³⁶ *S. Każużyński*. Najstarsza polska ralicja z wędrowek po Syberii. — «Szkice z dziejów polskiej orientalistyki [3]». Warszawa, 1969, стр. 67—82.

³⁷ J. Reychman. Z polskich zainteresowań folklorem ludów tureckich imperium carskiego w I poł. XIX w. — «Szkice z dziejów polskiej orientalistyki [2]», Warszawa, 1966, стр. 145—170.

³⁸ J. Reychman. Nowe prace o zainteresowaniach polskich zesłańców folklorem kazachskim w XIX w. — «Przegląd Orientalistyczny», 1971, № 4 (80), стр. 392—396.

³⁹ J. Reychman. Albina Kohna rękopiśmienny słownik wyrazów czuwaskich z lat sześćdziesiątych XIX wieku. — «Rocznik Orientalistyczny», 1973, XXXV, 2, стр. 43—68.

⁴⁰ J. Reychman. Tschuwassisch *salygaj* = Nachtigall (luscinia luscinia)? — «Studia Turcica», ed. L. Ligeti. Budapest, 1971, стр. 385—387.

⁴¹ J. Lisowski. Zusammengesetzte Verba der Bewegung im Tschuwaschischen. — «Folia Orientalia» (1972—1973) 1973, XIV, стр. 155—159.

⁴² W. Zajączkowski. Aserbajdżanische Sprachproben. — «Folia Orientalia» (1968) 1969, X, стр. 31—49.

⁴³ W. Zajączkowski. Die türkmenischen Personennamen. — «Folia Orientalia» (1971) 1972, XIII, стр. 323—342.

⁴⁴ S. Stachowski. Studien über den osmanisch-türkischen Wortschatz. — «Folia Orientalia» (1963) 1964, V, 1—2, стр. 75—88; (1964) 1965, VI, стр. 41—54; (1965) 1966, VII, стр. 75—89; *ego же*. Der türkische Dialekt des XVII. Jh. in Albanien. — «Folia Orientalia» (1966) 1967, VIII, стр. 177—195; *ego же*. Osmanisch-türkische Wörter im Wörterbuch von P. S. Palas (1787/1789). — «Folia Orientalia» (1967) 1968, IX, стр. 53—68; *ego же*. Ein türkisches Wörterverzeichnis aus dem J. 1688. — «Folia Orientalia» (1969) 1970, XI, стр. 259—264; *ego же*. Beiträge zur Geschichte der griechischen Lehnwörter im Osmanisch-Türkischen. — «Folia Orientalia» (1971) 1972, XIII, стр. 267—298; *ego же*. Studien über die neupersischen Lehnwörter im Osmanisch-Türkischen I. — «Folia Orientalia» (1972—1973) 1973, XIV, стр. 77—118.

⁴⁵ S. Stachowski. Die osmanisch-türkischen Lehnwörter im Serbokroatischen und ihre Bedeutung für die historische Phonetik des Osmanisch-Türkischen. — «Folia Orientalia» (1962) 1963, IV, стр. 143—170; *ego же*. Studia nad chronologią turczyzmów w języku serbsko-chorwackim, Kraków, 1969; *ego же*. Studia nad chronologią turczyzmów w języku bułgarskim, Kraków, 1971.

⁴⁶ S. Stachowski. Fonetyka zapożyczeń osmańsko-tureckich w języku serbsko-chorwackim, Kraków, 1971.

⁴⁷ W. Zajączkowski. Türkische Sprachproben aus Macedonien. — «Folia Orientalia» (1967) 1968, IX, стр. 19—51.

⁴⁸ W. Zajączkowski. Türkische Vierzeiler—*Māni* aus Bulgarien. — «Folia Orientalia» (1972/1973) 1973, XIV, стр. 119—153.

⁴⁹ S. Stachowski. Beiträge zur Chronologie der albanischen Turzismen. — «Folia Orientalia» (1968) 1969, X, стр. 51—58.

⁵⁰ E. Tryjarski. La terminologie des artisans turcs en Roumanie. — «Actes du Premier Congrès International des Études Balkaniques et Sud-Est Européennes», VI. Sofia, 1968, стр. 161—173.

⁵¹ E. Tryjarski. Dobruca'dan birkaç türkü. — «Türk Kültürü». Ocak, 1973, XI, 3, № 123, стр. 167—176.

⁵² P. И. Музафаров, В. Зайончковский. Крымско-татарские пословицы и поговорки. — «Folia Orientalia» (1966) 1967, VIII, стр. 111—118.

⁵³ W. Zajączkowski. Język i folklor Gagauzów z Bułgarii. [Kraków, 1966].

⁵⁴ W. Zajączkowski. Vocabulaire gagaouze-français. — «Folia Orientalia» (1965) 1966, VII, стр. 29—73.

⁵⁵ J. Ciopiński. Remarques sur les constructions syntaxiques du type *bülbül öten yer* et leur réalisation dans la langue turque. — «Folia Orientalia» (1968) 1969, X, стр. 59—63.

⁵⁶ S. Pżaskowicka-Rymkiewiczowa, M. Borzęcka, M. Koecherowa. Locutions turques formées avec le mot *ağız*. — «Folia Orientalia» (1963) 1964, V, стр. 97—126; (1965) 1966, VII, стр. 91—117; (1966) 1967, VIII, стр. 197—226.

⁵⁷ Здесь можно упомянуть также лекции по турецкому языку, изданные на правах рукописи Варшавским университетом: M. Borzęcka, T. Majda. Skrypt do nauki języka tureckiego, I. [Warszawa], 1965.

⁵⁸ M. Pżabęcka-Koecherowa. Turecka literatura okresu Republiki. — «Przegląd Orientalistyczny», 1969, № 69, стр. 25—31; 1969, № 70, стр. 127—141; В мае 1972 г. в Варшаве и Кракове проходил II Международный симпозиум по теоретическим проблемам литератур Востока.

⁵⁹ A. Zajączkowski. Kazachska literatura. — «Wielka Encyklopedia Powszechna PWN», V. Warszawa, стр. 548; *ego же*. Kirgiska literatura. — «Wielka Encyklopedia Powszechna PWN», V. Warszawa, стр. 614.

⁶⁰ S. Pżaskowicka-Rymkiewicz. Etat des recherches concernant la parémiographie et la parémiologie turques. — «Rocznik Orientalistyczny», 1965, XXVIII, 2, стр. 59—74.

⁶¹ S. Paskowicka-Rymkiewicz. Une étude sur la stylistique turque. Quelques motifs poétiques dans les oeuvres des poètes du XIIIe siècle: Sultan Veled, Ahmed Fakih et Seyyad Hamza. — «Rocznik Orientalistyczny», 1973, XXXV, 2, стр. 137—154.

⁶² T. Majda (перевод: M. Zabecka-Koecherowa). Słowo o Meliku Daniszmendzie. — «Przegląd Orientalistyczny», 1973, № 3 (87), стр. 203—209.

⁶³ S. Paskowicka-Rymkiewicz, M. Borzęcka, M. Zabecka-Koecher. Historia literatury tureckiej. Zarys — Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971.

⁶⁴ M. Zabecka-Koecherowa. Urząd Nasreddina Hodży — pierwszą komedią turecką? — «Przegląd Orientalistyczny», 1970, № 4 (76), стр. 335—344; *ее же*. La plus ancienne comédie turque dans les collections polonaises. — «Rocznik Orientalistyczny», XXXVI, 2 (в печати).

⁶⁵ A. Zajczkowski. Un album des Costumes Turcs du XVIIe siècle (Ms. Bibliothèque Nationale, Varsovie, BOZ 165). — «Rocznik Orientalistyczny», 1966, XXX, 1, стр. 77—108. A. Mrozowska, T. Majda. Rysunki kostiumów tureckich z kolekcji króla Stanisława Augusta w Gabinetecie Rycin Biblioteki Uniwersyteckiej w Warszawie, tom I. Katalog. Warszawa, 1973.

⁶⁶ Hadzy Mehmed Senai z Krymu. Historia chana Islam Gireja III. Tekst turecki wydał, przełożył i opracował Z. Abrahamowicz, uzupełniający komentarz historyczny O. Górka i Z. Wójcik. Warszawa, 1971.

⁶⁷ Księga podróży Ewliji Czelebiego (Wybór). Tłumaczyli z jez. tur.: Z. Abrahamowicz, A. Dubiński, S. Paskowicka-Rymkiewicz. Red. nauk., wybór, słowo wstępne i komentarze Z. Abrahamowicz. Szkic o Ewliji Czelebim i jego dziele J. Reychman. [Warszawa], 1969.

⁶⁸ J. Reychman. Dzieje Turcji od końca XVIII wieku. Warszawa, 1970.

⁶⁹ J. Reychman. Historia Turcji. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973.

⁷⁰ M. E. Zajczkowska. Kemal Pasza. Warszawa, 1966.

⁷¹ T. Ciecierska-Chłapowa. Extraits de fragments du *Siyāhatnāme* d'Evliyā Čelebi: concernant l'Afrique Noire. — «Folia Orientalia», (1964) 1965, VI, стр. 239—244; *ее же*. Episodes de tutelle ottomane au bénéfice des marchands turcs à l'étranger (XVIIIe siècle). — «Folia Orientalia» (1965) 1966, VII, стр. 314—320; *ее же*. L'«Affaire Czarnocki». Une contribution à l'histoire des relations commerciales polonoturques en 2eme moitié du XVIIIe siècle. — «Folia Orientalia» (1967) 1968, IX, стр. 290—298; *ее же*. Contribution à l'histoire des rapports de frontière entre Pologne et Turquie. — «Folia Orientalia» (1968) 1969, X, стр. 245—252; *ее же*. A propos d'une question litigieuse concernant les relations entre Pologne et Turquie à la frontière de Dniestr (XVIIIe s.). — «Folia Orientalia» (1969) 1970, XI, стр. 71—78; *ее же*. Échanges commerciaux entre la Pologne et la Turquie au XVIIIe siècle. — «Folia Orientalia» (1972/1973) 1973, XIV, стр. 261—287. Здесь можно упомянуть также статью: A. Krzemirski. Relacja Sejida Mehmeda Emina Wahida Efen-diego z podróży do Polski w 1807 r. — «Przegląd Orientalistyczny», 1971, № 1 (77), стр. 23—37.

⁷² J. Lisowski. A propos d'un échange des prisonniers entre le sultan Ahmed III et Charles XII, roi de Suède. — «Folia Orientalia» (1972/1973), 1973, XIV, стр. 289—292.

⁷³ T. Nagrodzka-Majchrzyk. Miasta chazarskie Itil i Sarkel. — «Przegląd Orientalistyczny», 1973, № 1 (85), стр. 45—50.

⁷⁴ E. Tryjarski. Beekeeping among the Turks. A historical and linguistic evidence. — «Acta Orientalia», 1970, XXXII, стр. 241—277; *его же*. Some Early Polish Sources and their Importance for the History of the Altaic World. — «Journal of Asian History», 1969, Vol. 3, № 1, стр. 34—44; *его же*. A Note on the Relations between the Pechenegs and Poland. — «Studia Turcica», ed. L. Ligeti, Budapest, 1971, стр. 461—468; *его же*. Les religions des Petchenègues. — «Traditions religieuses et para-religieuses des peuples altaïques». Communications présentées au XIIIe Congrès de la «Permanent International Altaïc Conference». Strasbourg, 25—30 juin 1970, стр. 139—148; *его же*. Военное искусство печенегов. М. (в печати); *его же*. Les termes relatifs aux jeux de cartes dans le monde turc. Istanbul (в печати); *его же*. Les babas de pierre de Nieborów (Pologne) et la possible affinité de l'une d'elles avec les babas de pierre de Zlatna niva (Bulgarie). Istanbul (в печати).

⁷⁵ Авторами являются: К. Домбровский, Т. Нагродзка-Майхжык и Э. ТрыяРСкий.

РЕЦЕНЗИИ

VLADIMIR DRIMBA. SYNTAXE COMANE.

BUCUREȘTI—LEIDEN, 1973, 335 стр.

Книга известного румынского тюрколога Владимира Дримбы, написанная прекрасным французским языком, посвящена исследованию синтаксиса кыпчакского языка на материале памятника письменности, известного под названием Codex Cumanicus (в дальнейшем обозначается: КК) и хранящегося в библиотеке собора св. Марка в Венеции¹.

В византийских и латинских хрониках именем *куманы* ~ *команы* обозначалось объединение тюркских племен, известное у восточных авторов под самоназванием *кыпчаки*; русские летописцы их также называли куманами, но чаще — *половцами* («половый», «палевый», «светложелтый»), что точно соответствовало изначальному значению этнонима *куман* ~ *коман* < *кубан.

Прежде чем перейти к рассмотрению труда В. Дримбы, представляется совершенно необходимым, — опираясь на обстоятельные исследования Д. А. Расовского и Д. Дьёрффи², — сказать несколько слов о происхождении КК, предполагаемых авторах, времени и месте его составления, что особенно уместно в свете того странного обстоятельства, что в отечественной тюркологической литературе об этом пока ничего или почти ничего не было написано.

КК состоит из двух тетрадей, впоследствии сшитых вместе и ныне называемых частями КК³.

Первая тетрадь начинается датой, указывающей, по всей вероятности, на начало переписки дошедшего до нас списка КК: MCCCIII die XI July, то есть 1303 года 11 июля. Вслед за этой датой, — после краткого словословия Иисуса Христа и девы Марии, — идет словарь, состоящий из трех параллельных колонок на трех языках: латинском⁴, персидском, куманском. Здесь приведены глаголы с образцами спряжений, имена существительные, прилагательные, местоимения с парадигмами их склонения, наречия. Словник первой колонки содержит около 1560 слов, следующих в порядке латинского алфавита. Далее следует другой, тоже трехязычный, словарь, включающий около 1120 слов, объединенных по своему значению в группы, причем каждая группа имеет определенное заглавие (но не все слова латинского словника переведены на персидский и куманский языки)⁵.

Вторая тетрадь содержит «Куманско-немецкий словарь», представляющий собою беспорядочный набор слов и фраз самого различного содержания. Как в первой, так

¹ Codex Cumanicus, Cod. Marc. Lat. DXLIX, in Faksimile herausgegeben, mit einer Einleitung von K. Grönbech. Monumenta Linguarum Asiae Maioris. Kopenhagen, 1936; K. Grönbech. Kommanische Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942; A. Bodrogligeti. The Persian Vocabulary of the Codex Cumanicus. Budapest, 1971; M. A. Хабичев. Памятник куманских языков. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 66—70.

² Д. А. Расовский. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus. — «Seminarium Kondakovianum, III». Prague, 1929, стр. 193—214; G. Ghörffy. Autour du Codex Cumanicus. — «Analecta Orientalia memoriae

A. Csoma de Kőrös dicata». Bibliotheca Orientalis Hungarica V. Budapestini, 1942, отд. отт., стр. 3—30. См. еще: A. v. Gabain. Die Sprache des Codex Cumanicus. — «Philologiae Turcicae Fundamenta», tomus primus. Wiesbaden, 1959, стр. 46—73 (Библиография, стр. 48—49).

³ Описание их см.: G. Ghörffy. Указ. раб., стр. 3—7.

⁴ «Латинская колонка... явно говорит об итальянском авторстве этой части Кодекса и носит в науке название „итальянской“» (Д. А. Расовский. Указ. раб., стр. 195).

⁵ Подробнее см.: Д. А. Расовский. Указ. раб., стр. 197—206.

и во второй тетрадах встречаются грамматические заметки по куманскому (половецкому) языку. Пожалуй, наиболее ценными во второй тетради являются священные христианские тексты на куманском языке (в латинской транскрипции), а также латинские тексты с куманским переводом и куманские тексты с латинским надстрочным переводом. Особый интерес представляют помещенные во второй тетради записи куманских загадок⁶.

Вторая тетрадь, в отличие от первой, написана разными почерками и производит впечатление позднее собранных и сшитых разрозненных листов.

«Таким образом, первая и вторая части (тетради. — А. К.) Кодекса представляют собою совершенно разные памятники, только впоследствии сшитые вместе»⁷.

Авторство второй тетради — по почти единодушному мнению исследователей КК — приписывается немецким миссионерам, вероятно, ордена францисканцев, проповедовавших христианскую веру среди куманов причерноморских степей.

Существует мнение, что эти немецкие миссионеры, шив обе тетради, отредактировали первую, то есть «итальянскую» тетрадь, сделав, главным образом в куманской колонке словаря, необходимые добавления и поправки; причем один из этих редакторов знал, кроме куманского, еще и персидский язык⁸.

Как было указано выше, КК начинается датой: «11 июля 1303 года». Известный немецкий тюрколог В. Банг (1869—1934) считал эту дату днем составления КК. «Однако, — по мнению Д. А. Расовского, — небрежность записи Кодекса, многочисленные описки, спутывание параллельных слов трех колонок — все это заставляет видеть в авторе лишь переписчика, а не составителя Кодекса, и переписчика достаточно безграмотного, плохо знавшего персидский и половецкий языки. С другой стороны, самый словарный материал и его расположение в Кодексе позволяют сделать вывод о постепенном собирании этого материала... Итак, дошедший до нас Кодекс представляет собою, по всей вероятности, лишь копию с более древнего оригинала, восходящую к XIII столетию, оригинала, который в свою очередь создался не сразу, а постепенно, путем ряда последовательных добавлений. Копия же с этого оригинала была сделана в 1303 году»⁹.

На основании сопоставления христианских и мусульманских названий месяцев

⁶ Последнее по времени исследование куманских загадок см.: А. Tietze. *The Koman Riddles and Turkic Folklore*. Berkeley—Los Angeles, 1966, XIV+160 стр.

⁷ Д. А. Расовский. Указ. раб., стр. 196.

⁸ Там же, стр. 196, сноска 5.

⁹ Там же, стр. 206—207; см. также: G. Ghörffy. Указ. раб., стр. 9—10.

А. Н. Самойлович пришел к выводу, что мы «имеем... право утверждать с достаточной определенностью, что материал по мусульманским месяцам для персидского столбца Кодекса и по половецким — для куманского столбца был записан не в XIV, а в XIII веке, за 9 лет до начала создания первой части Кодекса»¹⁰, то есть в 1294 или 1295 году¹¹. Указанная дата (1294—1295), — по изысканиям Д. Дьёрффи (стр. 11—13), — подтверждается форматом бумаги и филиграньями.

Этот Латинско-персидско-куманский словарь, согласно утверждению ряда исследователей КК, впервые был переписан в 1303 году в монастыре Св. Иоанна в низовьях Волги, вблизи города Сарая.

Дошедший до нашего времени экземпляр (копия со списка 1303 г.) был переписан между 1330 и 1340 гг.¹²

Для каких же целей и кем был составлен КК? По всей вероятности, трехязычный словарь (первая тетрадь) предназначался для нужд итальянской колонии, существовавшей в тогдашней столице Крыма — городе Солхате (*Эски Крым — Старый Крым*), где итальянцы находились в постоянном контакте с персами и куманами ~ половцами¹³.

Вторая тетрадь — творение миссионеров-францисканцев, по-видимому, служила своеобразным пособием для пропаганды христианского вероучения среди куманов ~ половцев.

* * *

Автор рецензируемой книги резонно замечает, что в то время как лексика, фонетика и морфология КК изучены вполне удовлетворительно, синтаксис КК получил общее, суммарное освещение в указанных выше работах К. Грэнбека и А. ф. Габен.

В. Дримба в Предисловии сообщает читателю, что его труд — «est une étude strictement descriptive, faite d'après la méthode de la grammaire traditionnelle» (стр. 4) («носит описательный характер и выполнен по методу традиционной грамматики»), что, по его мнению, облегчает конкретное и систематическое сопоставление куманского синтаксиса, в большинстве случаев исследуемого указанным выше методом, с соответствующим разделом грамматики других тюркских языков.

¹⁰ А. Н. Самойлович. К истории и критике Codex Cumanicus. — «Доклады Российской Академии наук», 1924, стр. 87. Цитируется по: Д. А. Расовский. Указ. раб., стр. 107.

¹¹ С. Е. Малов. К истории и критике Codex Cumanicus. — «Известия Академии наук СССР», 1930, стр. 347—349.

¹² G. Ghörffy. Указ. раб., стр. 29; ср.: А. v. Gabain. Указ. раб., стр. 46.

¹³ Д. А. Расовский. Указ. раб., стр. 210—213; G. Ghörffy. Указ. раб., стр. 29—30.

Труд В. Дримбы содержит следующие разделы: Предисловие (стр. 3—4). Синтаксис предложения (стр. 7—26). Типы предложений: I. Семантическая классификация предложений: 1. Повествовательные, подразделяемые на: 01) положительные; 02) отрицательные; 03) выражающие возможность совершения действия; 04) выражающие невозможность совершения действия; 05) опплативные (желательно-условные); 06) повелительные; 07) условные; 08) должноствовательные; 2. Вопросительные (прямые и косвенные). 3. Восклицательные. II. Структурная классификация предложений: Глагольные предложения: двухчленные [простые и развернутые (*développée*)]; одночленные (простые, развернутые). III. Вводные предложения (глагольные простые и развернутые; именные простые и развернутые).

Члены предложения (стр. 27—125). Подлежащее (разных типов). Сказуемое (глагольное, именное; присвяочная часть именного сказуемого). Согласование подлежащего и сказуемого: в лице, в числе. Определение, выраженное именем прилагательным, причастием, отглагольным именем на *-ta*, именем существительным (изафет), местоимением; определение относительное, обстоятельствоное, предикативное. Приложение, выраженное именем существительным (простое и развернутое), местоимением. Дополнение прямое (простое, сложное), косвенное (простое, сложное). Дополнение: обстоятельство образа действия (простое, сложное); обстоятельство сравнения, сопоставления (экватив, аблатив); обстоятельство меры; обстоятельство места; обстоятельство причины; обстоятельство цели; обстоятельство орудия действия; обстоятельство совместности (социатив); обстоятельство привативности; обстоятельство условия; обстоятельство уступительное.

Сочинение (*coordination*) членов предложения (стр. 127—130) в КК осуществляется двумя способами: копулативным и адверсативным.

Порядок слов в предложении (стр. 131—141).

Синтаксис фразы (*Syntaxe de la phrase*, стр. 145—179) представлен следующими разделами:

Сочинение. Сочинение копулативное. Сочинение главных предложений. Сочинение подчиненных предложений. Сочинение разделительное. Сочинение адверсативное. Сочинение конклюдивное.

Подчинение реализуется способом примыкания или, чаще, с помощью союзов, местоимений, относительных прилагательных или относительных адвербов (*d'un adverbte pronimial relatif*). Подобные конструкции, замечает автор, возникли, по-видимому, под влиянием латинского и, может быть, немецкого синтаксиса (стр. 151).

В. Дримба установил в КК четырнадцать типов подчинения (стр. 151—171), определяемых им по семантическому признаку, в силу чего, например, вопросительно-относительное местоимение *kim* вводит различные по своей семантике придаточные предложения (см. §§ 182, 183, 185, 186, 187, 189, 192, 194, 200, 204, 207). Местоимение *kim*, равно как и другие союзные слова: *ol* (§ 184), *qayda* (§§ 188, 191, 201), *qaysi* (§ 186), *dey* (§ 191), *qaçan* (§§ 191,2, 202, 210,2), *peçik* (§§ 192, 196, 197, 202,2), *ne*, *ne kim* (§ 192,2), *alay* (§ 197), *cünkim* (§ 204,2), *ne ücün* (§ 204,3), *dep* (§ 205) выражают только сам факт подчинения, не выявляя и не определяя характера подчинения, ибо характер подчинения выявляется каждый раз в зависимости от конкретной семантики предложения в целом.

Текст КК в своей прозаической части, отражающей живую разговорную речь, может служить прекрасным материалом для изучения бессоюзных сложноподчиненных предложений, подчинение в которых обеспечивается семантикой сказуемого главного (подчиняющего) предложения. Такие сказуемые выражаются глаголами чувственного восприятия, речи и т. п.

Заканчивается исследование В. Дримбы двумя небольшими разделами: «Прямая и косвенная речь» (стр. 172—175), «Неправильно построенные предложения» (стр. 176—179). В последнем разделе рассматриваются случаи неправильного, ошибочного употребления времен и использования наклонений глагола, а также анаколуфные конструкции (соединение членов предложения, не согласованных грамматически, но подходящих по смыслу).

Книга завершается «Общим заключением» (стр. 183—187), в котором подводятся итог исследованию синтаксиса КК. По справедливому мнению автора, КК дает достаточный материал для исследования синтаксического строя куманского языка, так как в тексте КК представлены все синтаксические конструкции, хотя некоторые из них иллюстрируются немногими примерами, а иногда даже одним.

По замечанию автора, синтаксис предложения, как это и можно было предвидеть, много сложнее синтаксиса фразы, чем объясняется разный объем соответствующих разделов книги.

Подобная ситуация обнаруживается во всех тюркских языках, что объясняется, как известно, природой сложных членов предложения в тюркских языках, служащих для выражения многочисленных синтаксических связей, которые в индоевропейских языках выражаются разными типами придаточных предложений.

В синтаксисе фразы обнаруживается, как легко заметить, очевидное преобладание аналитических конструкций (особенно образованных с помощью различных служебных слов) по отношению к конструкциям синте-

тического подчинения. С другой стороны, легко можно установить соответствие, существующее — в строении фразы — между подчиненными предложениями и членами предложения. Это соответствие, не находящее достаточно четкого объяснения в грамматиках тюркских языков, получило распространение главным образом в силу предпочтения, оказываемого при нем аналитическому подчинению.

В. Дримба, опытный грамматист, совершенно справедливо ставит следующий вопрос: «Насколько данные КК, составленного не тюрками, аутентично передают тюркский синтаксис?» (стр. 184). Как пишет В. Дримба, ряд специалистов, изучавших КК, замечали по разным поводам, что КК заключает в себе многочисленные примеры неточного, произвольного, непоследовательного или неправильного написания тюркских слов, а также некоторое количество сомнительных фонетизмов и весьма большое число приблизительных или неверных переводов. Подобное заключение можно сделать и в отношении синтаксиса, однако здесь при уточнении фактов требуется еще большая осторожность. Далее В. Дримба подчеркивает, что в некоторых случаях, вне всякого сомнения, встречаются ложные синтаксические конструкции, как, например, *bağdañ küñüñ* вместо *bağda küñüñden* 'со всей твоей силой'; некоторые ошибочные построения по способу персидского *изафета*, неправильные употребления времен глагола и т. п. Все эти неточности возникли, по-видимому, в силу недостаточного знания (составителями КК) куманского языка или по небрежности писцов.

Многочисленные нетюркские синтаксические конструкции в КК, указывает автор, могут быть приписаны влиянию латинского текста, с которого делался перевод КК. При этом В. Дримба ссылается на мнение А. ф. Габен, которая считает, что грамматические формы и слова в КК правильны, однако нетюркский порядок слов в предложениях может быть объяснен эмфатической инверсией, спорадически встречающейся в обыденном разговорном языке. Однако в связи с тем, что нарушение обычного порядка слов в КК происходит регулярно, то логично предположить, что переводчики переводили латинский текст слово за словом.

В. Дримба отмечает, что на данной стадии изучения синтаксиса тюркских языков трудно установить, что в синтаксисе КК действительно является тюркским и что не является таковым.

В данный момент мы можем лишь утверждать, что все (или почти все) синтаксические конструкции, которые кажутся изолированными, искаженными, нетюркскими и могут быть объяснены влиянием латинского синтаксиса (или воздействием синтаксиса родного языка немецких составителей второй части КК), встречаются в

различных тюркских — древних и современных — языках; автор в пояснение и подкрепление этой мысли приводит следующие примеры (стр. 185):

1) употребление абсолютного (основного) падежа вместо винительного в функции прямого дополнения определенного объекта, что ни в коем случае не может считаться чуждым тюркским языкам (со времен древнетюркских и до наших дней);

2) употребление имени действия на *-та/-те* в абсолютном падеже вместо дательного в функции косвенного дополнения и обстоятельного дополнения цели, что наблюдается в армяно-кыпчакских текстах, в караймском, балкарском, кумыкском и мишарском языках;

3) все представленные типы подчиненных предложений зарегистрированы в различных тюркских языках; вот несколько выбранных наудачу примеров, иллюстрирующих подчинение с помощью местоимений, относительных адвербов и некоторых союзов и союзных слов: а) относительное (придаточное) предложение, вводимое местоимением *qaysı*; б) предложение, вводимое местоимениями *ne*, *ne kim*; *kim* в дательном падеже; в) предложения обстоятельства образа действия, вводимые союзным словом *peñik*; г) предложения обстоятельства места, вводимые наречием *qauđa* и т. п. (стр. 185—187);

4) что же касается порядка слов в предложении, то следует заметить, что в КК преобладает «нормальный» порядок слов и что большая часть нарушений его обнаруживается в стихотворных текстах, где эти нарушения оправдываются, по крайней мере, частично, требованиями версификации. Добавим, что почти все указанные нарушения обнаруживаются и в других тюркских языках. Таким образом, синтаксис КК не менее тюркский, нежели синтаксис других старых тюркских текстов и даже живых тюркских языков. Однако этот вопрос может быть решен окончательно лишь после проведения сравнительного анализа синтаксиса тюркских языков.

Второй самостоятельной частью рецензируемой книги является «Приложение» (стр. 189—329), в котором приводятся тексты из КК (загадки, прозаические и стихотворные тексты в транскрипции, латинском и французском переводах) с подробными филологическими комментариями и тщательно составленным справочным аппаратом.

Заканчивая обзор этой прекрасно изданной книги, следует особо отметить, что синтаксис «Кодекса Куманикуса», одного из важнейших памятников кыпчакского языка (начало изучения этого памятника было положено Г.-Ю. Клапротом — 1783—1835), благодаря усилиям крупного специалиста-тюрколога Владимира Дримбы впервые получил обстоятельное освещение.

А. Н. Кононов

G. HAZAI. DAS OSMANISCH-TÜRKISCHE IM XVII. JAHRHUNDERT.

UNTERSUCHUNGEN AN DEN TRANSKRIPTIONSTEXTEN VON JAKAB NAGY DE HARSANY. AKADEMIAI KIADO, BUDAPEST, 1973 (BIBLIOTHECA ORIENTALIS HUNGARICA. XVIII), 498 стр.

В 1672 г. в Кёльне (Бранденбург) был опубликован разговорник Якаба Надь де Харшани «Colloquia Familiaria Turcico-Latina...» [«Турецко-латинские беседы на повседневные темы...»]. Автор этого труда, венгр по происхождению, высокообразованный теолог и дипломат, провел в Турции около семи лет, представляя там бранденбургский и трансильванский дворян. В своих «Беседах» он преследовал цель как можно полнее отразить жизнь турецкого государства, дать верное представление о турецком языке, о различных сторонах быта, обычаях и нравах, правилах общения у турок и т. д. Турецкий текст, приведенный в книге в форме диалогов нескольких лиц (приезжего, провожатого, переводчика, посла, торговца и др.), снабжен латинским переводом с комментариями. Автор, судя по всему, тонкий знаток турецкого языка, зафиксировал современную ему живую разговорную речь стамбульцев. Транскрипционный текст в книге включает 16 тыс. слов и является, таким образом, наиболее обширным из ныне известных. Разговорник Якаба Надь де Харшани благодаря фундаментальному и чрезвычайно скрупулезному исследованию венгерского тюрколога Г. Хазаи, можно сказать, пережил в наше время второе рождение, став доступным широкому кругу современных тюркологов.

Книга Г. Хазаи «Османско-турецкий язык в XVII столетии» состоит из семи разделов. В первом из них, вводном, автор кратко характеризует состояние исследования истории турецкого языка (стр. 11—14), подчеркивая при этом, что до самого последнего времени наименее изученным оставался период после XV в. Различная степень изученности памятников турецкого языка не позволяет создать целостную и последовательную картину его развития. Необходимо, например, для этого изучить турецкий язык XVII в., почти не описанный в тюркологии. Поскольку арабописьменные источники не дают достаточно полного представления о звуковом строе этого языка, нецелесообразно приобретают немногочисленные транскрипционные записи турецкой речи, сохранившиеся до наших дней. К наиболее значительным из таких памятников и относится труд Якаба Надь де Харшани. Характеристике этого труда, истории его создания и публикации посвящен второй раздел книги Г. Хазаи (стр. 15—19). В этом же разделе приводятся также биографические сведения о составителе.

Османский текст в разговорнике передан латинским алфавитом на основе орфографии немецкого и венгерского языков того времени. Г. Хазаи пришлось проделать зна-

чительную исследовательскую работу, чтобы установить принципы интерпретации записей и сделать их доступными современному читателю. Эти принципы изложены в третьем разделе, здесь же даются списки использованной литературы и сокращенных ее обозначений (стр. 25—31).

Весь текст разговорника, то есть турецко-османская часть и латинский перевод диалогов, публикуется в четвертом разделе книги (стр. 34—199). Турецкий текст сопровождается немецким переводом, выполненным Г. Хазаи. Автор исследования позволил себе лишь незначительную графическую корректировку первоначального текста памятника, бережно сохраняя при этом особенности транскрипционных записей, позволяющие воспринять по возможности в неискаженном виде живую турецкую речь XVII в. В подстрочных примечаниях Г. Хазаи фиксирует внимание на отдельных ошибочных написаниях или орфографических непоследовательностях в транскрипции (например, написание hits birierde вместо hits bir ierde = *hiç bir yerde* 'нигде', хотя слитное написание bir может, в свою очередь, свидетельствовать о потере им самостоятельного ударения и его проклитическом характере).

Как уже указывалось, разговорник — один из обширнейших (510 страниц) транскрипционных памятников XVII в. Его лексика представлена автором монографии в двух лексических регистрах: слова турецкой части разговорника и слова из латинского комментария, — составляющих пятый раздел книги (стр. 201—278). Дополняет их индекс, позволяющий переходить от турецкого слова к его написанию в разговорнике, ибо в лексических регистрах заглавные слова даются в графике разговорника (стр. 278—318). В регистрах тщательно фиксируется каждый случай употребления слова в любой из его форм. В словарной статье сперва приводится слово из памятника, затем дается его фонематическая транскрипция, реконструируемая из написания, далее — современная орфографическая форма, немецкий перевод и указания на страницы памятника, где встречается это слово.

Следующий раздел книги Г. Хазаи — «Язык основной (турецкой) части» («Die Sprache des Korpus») — представляет собой систематическое описание языковых фактов памятника в сопоставлении их с уже известными данными из других османских памятников и с современным турецким языком (стр. 319—463). Основное внимание автор обращает на исследование фонетических явлений, тем более, что транскрипционный текст предоставляет для этого большие возможности.

Г. Хазаи детально анализирует графические приемы, с помощью которых составитель разговорника передавал гласные и согласные звуки турецкого языка. Далее следует исчерпывающее описание вокализма и консонантизма языка памятника, излагаемое на фоне данных современной турецкой фонетики. На конкретных примерах раскрываются такие фонетические процессы, как дифтонгизация и монофтонгизация гласных (*tauk* 'курица', *käs* = *kıyas* 'сравнение'), протеза, эпентеза, падение гласных и согласных, геминация, ассимиляция согласных, гаплогония и др. В фонетике памятника нашли отражение некоторые архаические явления в области гласных и согласных (сохранение в ряде слов *-ğ-*, *-ğ:* *ağız* 'рот', *beğ* 'бей'; *-k:* в морфемах *-llk*, *-mEk*; *-ŋ:* *yaŋlıs* = *yanlıs* 'ошибочный' и др.). Эти документированные сведения о фонетических особенностях османского языка последней трети XVII в. имеют большое значение для исторической фонетики как турецкого языка, так и тюркских языков в целом. Краткая фонологическая интерпретация системы реконструированных по памятнику фонем содержится в специальном отделе фонетической части монографии.

Морфонологический отдел (стр. 364—438) представляет собой обширное и оригинальное исследование вокализации основ и аффиксов в языке памятника. Автора интересует прежде всего состояние гармонии гласных и ее особенности в сравнении с более ранними памятниками, а также с современным языком. Интерпретация материала отличается большой достоверностью, поскольку автор широко пользуется статистическими методами. В сфере гармонии основ Г. Хазаи исследует степень развития палатально-велярного и лабиального уподобления гласных в многосложных словах как тюркского, так и нетюркского происхождения. Подробный анализ и статистические данные показывают, что палатально-велярная гармония была более развита и последовательна, нежели лабиальная.

Значительное место отведено анализу и статистической обработке данных проявления гармонии в аффиксах. Г. Хазаи разбирает все аффиксы по их огласовке на три класса: *E*-класс с широкими гласными *e~a*. *I*-класс с огласовкой *i~i* и *U*-класс с *u~ü*. Совокупность аффиксов каждого класса исследуется автором с учетом каждого случая их использования в тексте памятника.

Как видно из анализа, аффиксы *E*-класса были наименее подвержены колебаниям в отношении небной гармонии (в отличие от двух других классов), а процессы лабиального уподобления затрагивали их еще реже. Таким образом, статистические подсчеты показывают, что явления палатальной и лабиальной гармонии по-разному представлены в основах и аффиксах. Данные памятника подтверждают предположение о сравнительно позднем становлении в турецком

языке последовательной лабиальной гармонии. Г. Хазаи на обширном материале показывает, что на формирование некоторых аффиксов сильное влияние оказывали процессы фонетической аналогии.

Описывая морфологические и синтаксические особенности языка памятника, автор монографии останавливается преимущественно на явлениях, представляющих интерес с точки зрения исторической грамматики, и не дает поэтому цельного грамматического очерка языка. Однако приводимые сведения о формах падежей, о показателях времени глагола, об упрощении некоторых изафетных сочетаний и так далее, сопровождаемые обширными библиографическими указаниями, позволяют определить место анализируемого памятника среди прочих письменных памятников османского языка. В книге характеризуется и словарный состав текста.

Раздел, посвященный языку разговорника, заканчивается его диалектологической и историко-лингвистической оценкой. По мнению Г. Хазаи, в этом памятнике нашел отражение стамбульский диалект конца XVII в., игравший в то время ведущую роль в формировании общелитературного и общеразговорного турецкого языка Османской империи. Такая атрибуция языка разговорника, естественно, определяет и круг памятников, с которыми он находится в прямой связи (это прежде всего памятники восточнорумелийских диалектов, находившихся под влиянием стамбульского диалекта). Несмотря на то что в фонетике языка памятника еще много архаичных явлений, в нем ясно отражены языковые тенденции, приведшие к становлению современной фонетической и морфологической системы турецкого языка. В целом разговорник Якаба Надь де Харшани следует отнести к типичным среднеосманским памятникам.

Седьмой раздел книги Г. Хазаи содержит также два регистра аффиксальных морфем — языка турецкой части и комментария — и индекс к ним (стр. 465—498). Регистры фиксируют все случаи употребления аффиксов и все их фонеморфологические варианты. Всего в исследуемом памятнике автором отмечено около 24 тыс. показателей и их вариантов.

Монография Г. Хазаи, продолжающая исследования османских транскрипционных текстов и отличающаяся тщательностью разработки материала и оригинальной методикой, применяемой автором исследования, заслуживает высокой оценки. Примыкая по научной направленности к другим монографическим исследованиям памятников османского языка XVII в., осуществленным венгерскими учеными Ю. Неметом (1970 г.) и Ж. Какук (1973 г.), эта книга существенно расширяет наши знания об одном из малоизвестных этапов развития турецкого языка.

Д. М. Насилов

О. МАДРАХИМОВ. УЗБЕК ТИЛИНИНГ УГУЗ ЛАҚЖАСИ ЛЕКСИКАСИ.

ЎЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ. ТОШКЕНТ, 1973, 191 стр.

До последнего времени почти все исследования узбекских диалектологов были посвящены опорным говорам узбекского языка, огузское же наречие, в частности его лексика, не являлось предметом специального изучения. В этой связи очевидна теоретическая и научная значимость рецензируемой работы А. Мадрахимова «Лексика огузского наречия узбекского языка».

Огузское наречие узбекского языка включает некоторые тюркские говоры, ареал которых охватывает южные области Казахстана, Каракалпаккии, Киргизии, а также северный Туркменистан, Бухарскую и Хорезмскую области Узбекистана.

Огузские диалекты Средней Азии сыграли важную роль в историческом развитии узбекского литературного языка, в особенности его лексики и грамматики.

В книге А. К. Боровкова «Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка» высказана справедливая мысль о том, что язык узбеков, населяющих территорию верхнего течения Сырдарьи и нижнего течения Амударьи, сыграл важную роль в формировании узбекского литературного письменного языка.

Именно поэтому лингвисты Узбекистана особое внимание уделяли изучению языка памятников письменности и говорам узбеков, проживающих на берегах Амударьи и Сырдарьи. Результатом этих исследований явились двухтомный словарь Э. Фазылова «Староузбекский язык», созданный на основе хорезмских памятников письменности, и работы Ф. А. Абдуллаева «Фонетика хорезмских говоров» и «Хорезмские говоры».

Монография А. Мадрахимова является еще одним ценным исследованием, посвященным огузским говорам Средней Азии.

В рецензируемой работе лексика огузов анализируется в сопоставительном плане (32 стр.). Автор указывает, что ряд слов, являющихся нормой для других тюркских языков и не встречающихся в узбекском литературном языке, употребляется только в огузских говорах Средней Азии, например: *adayli* 'помолвленная девушка', *a:ja* 'ладонь', *alaŋ* 'возвышенность' (туркм.); *baɣ-daʃ* 'сидеть, скрестив и поджав под себя ноги', *badja* 'посуда', *juŋgic* 'кулак' (туркм. и азерб.); *agan* 'хлев, помещение для скота' (азерб.).

В монографии А. Мадрахимова приводится около полутора тысяч диалектных слов, представляющих собой ценный материал для сопоставительного анализа лексики некоторых тюркских языков.

Автор, раскрывая семантику этих диалектных слов, прослеживает их этимологию, толкует различные оттенки их значений и при-

водит их фонетические, морфологические и лексические характеристики.

Диалектная лексика успешно используется в художественной литературе, обогащая тем самым литературный язык. Известный узбекский писатель Аскад Мухтар пишет: «Я не считаю, что следует пренебрегать словами местного говора. В отдельных диалектах много чистых, благозвучных и глубоких по смыслу слов; их умелое использование значительно обогащает литературный язык». (Газета «Узбекистон маданияти» от 27 февраля 1973 г.).

Анализируя разговорную лексику огузского наречия, А. Мадрахимов делает вывод о том, что в современный период отчетливо проявляется тенденция к унификации лексики, особенно терминов. Ускорение научно-технического прогресса в нашей стране влияет и на дальнейшее развитие национальных языков: с помощью периодической печати и художественной литературы диалектальные слова постепенно осваиваются литературным языком и становятся общеупотребительными.

А. Мадрахимов в своей монографии справедливо замечает, что исследование языка классиков узбекской литературы с точки зрения использования ими диалектизмов только начинается, и решение стоящих перед исследователями вопросов во многом зависит от глубокого и всестороннего изучения исторической грамматики и лексики узбекского языка.

Действительно, живые народные говоры дают исключительно богатый материал для сопоставительного изучения письменных памятников.

Если придерживаться мнения, что во времена Алишера Навои основным диалектом литературного узбекского языка был карлукский, то чем и как объяснить существование ряда формальных показателей у многих дублетных форм?

В произведениях Навои и авторов более поздней эпохи (Бабура, Абулгази, Бахадурхана Хивинского) встречаются глагольные формы первого лица множественного числа повелительного наклонения типа: *-ali*, *-āli*, *-gāli*, *-kāli*.

У Абулгази и Бахадурхана Хивинского встречаются также формы: *-aliŋ*, *-āliŋ*, *-gāliŋ*. А в современных узбекских говорах центральных областей употребляются формы *-айлик* (*борайлик* 'подем-ка').

В кыпчакских говорах встречаются формы: *-ijq*, *-iĭk*; *barijq* 'подем-ка', *kelijĭk* 'придем-ка'. Такие морфологические показатели, не характерные для центральных говоров Узбекистана, встречаются в языке Али-

щера Навои. Формы: -ali (barali 'поедем-ка'), -äli (gäläli 'приедем-ка') и -aliñ (baraliñ 'приедем-ка') были отмечены только в говоре узбеков южного Хорезма, они имеются также в туркменском языке.

Важной областью узбекской диалектологии является исследование исторических изменений лексики народных говоров, имеющее, кроме научного, и практическое значение, ибо оно способствует установлению лексических норм литературного языка, систематизации научной терминологии, совершенствованию правил орфографии и орфоэпии. Исследования этого рода могут оказать помощь и при составлении диалектологического словаря.

В рецензируемой монографии собраны исторические и этнографические факты, анализ которых представляет большой интерес. Автору удалось зафиксировать диалектальные слова, которые ранее никогда не употреблялись в литературном языке и могли бесследно исчезнуть. При составлении диалектологического словаря для каждой области республики большую помощь оказывают этнографические работы, этимологические словари и исторические грамматики тюркских языков. Это можно видеть на следующем примере. Слово ärtäk 'сказка' в словаре В. В. Радлова и в словарях, составленных по произведениям Алишера Навои, дается в значении ötmişdägi 'прошлое', birüngi 'прежний', qadimgi 'древний', а в «Бадаи-ал-Лугат» приводится в значении «сказка». В современных огузских говорах сохранена старая форма этого слова ärtägi 'сказка'. Следовательно, в литературном языке слово это восходит к форме ertä (досл. 'раннее утро').

В книге А. Мадрахимова имеются и некоторые недостатки. Так, например, на стр. 143 слово jek дается как огузское слово в значении jamañ 'плохое', jagamas 'негодный', qabix 'гнусный, подлый'; например, в огуз-

ских говорах Хорезма: jek götmäk 'ненавидеть'.

В туркменском же языке это значение выражается формой jekirilmek 'быть презираемым' или 'быть преследуемым, преследоваться' (см.: «Туркменско-русский словарь». М., 1963, стр. 302). Последнее значение, по нашему мнению, восходит к эпохе Махмуда Кашгари, в «Диване» которого слово jäk дается в значении 'дьявол' (см.: третий том узбекского издания его «Дивана», стр. 175). При анализе подобных слов следует выявлять их древнее значение.

Слово itdüjñäk (стр. 139) переводится как «спелая дыня», что, на наш взгляд, сомнительно. Слово itdüjñäk означает дикое растение (латинское *melos agrestis*) и никакого отношения к понятию «дыня» не имеет.

Допущены серьезные ошибки при определении территории распространения ряда слов. Слова, общеупотребительные в тюркских языках, автор нередко необоснованно относит к огузскому наречию узбекского языка. Некоторые приведенные в работе слова, имеющие общенародное употребление, неправильно отнесены к диалектным, например: адаq 'нога' (стр. 104), адим 'шаг' (стр. 105), ажаq 'посуда' (стр. 106), айтим 'сказание' (стр. 107), ärvanä 'верблюдица' (стр. 111), тауага 'тас' (стр. 174) и др.

Недостатками монографии являются также нарушение алфавитного принципа расположения отдельных слов, неточность транскрипции и отступление от нее, неясность в определении лексических значений ряда диалектных слов.

Однако, несмотря на указанные недостатки, рецензируемая книга послужит ценным источником при составлении диалектологического атласа и диалектологического словаря тюркских языков.

Ю. Джуманазаров, Х. Бабаниязов

3. АХМЕТОВ. ӨЛЕҢ СӨЗДІҢ ТЕОРИЯСЫ.

«МЕКТЕП» БАСПАСЫ. АЛМАТЫ, 1973, 212 стр.

За последние годы появился ряд интересных исследований, посвященных теоретическим проблемам тюркского стихосложения и поэтики¹.

¹ См.: «Азэрбајчан бэди дилинин услубијаты (очерклэр)». Бақы, 1970; Н. Г. Юзиев. Шигырь гармониясы. Казан, 1972; «Хазерге татар поэтикасы». Казан, 1973; «Проблемы восточного стихосложения». М., 1973; Р. Нурғалиев. Қазақ драматургиясының поэтикасы. Алматы, 1973 и др.

К числу таких работ относится и книга З. Ахметова «Өлең сөздің теориясы» («Теория поэтической речи»). В словосочетании өлең сөз 'стихотворная речь' слово өлең означает и стих, и напев. Ср., например, өлең айту 'петь песню', өлең оқу 'читать стихи'. Таким образом, по своему значению казахское өлең шире русского «стих» и приближается к значению «песня». Традиционное казахское өлең подразумевает произнесение стиха нараспев, речитативом. Сочетание өлең сөз подчеркивает, что объектом

исследования является именно стихотворная речь, а не песня.

Следует отметить, что многие вопросы казахской поэзии — ее существенные черты и отличительные особенности, а также взаимосвязь с поэзией других народов и так далее — рассматривались в трудах казахских ученых.

В то же время вопросы теории стиха, стихосложения, поэтического языка и художественного мастерства в казахском литературоведении еще не разработаны и не стали предметом специальных научно-теоретических исследований. До сих пор казахское стиховедение не выделилось в самостоятельную отрасль литературоведения. В результате проблемы казахской поэтики все еще остаются неизученными, и это, несомненно, сказывается на современных литературоведческих и литературно-критических работах, посвященных как творчеству отдельных поэтов, так и казахской поэзии в целом.

Этот пробел в какой-то мере восполняют специальные исследования по стиховедению и поэтике доктора филологических наук, профессора З. Ахметова «Казахское стихосложение» (1964); «О языке казахской поэзии» (1970); «Теория поэтической речи» (1973); «Свободный стих в современной казахской поэзии» (1974) и др.

Рецензируемая книга З. Ахметова состоит из двух частей. В первой части, включающей четыре главы, рассматриваются в историческом аспекте словесно-образные средства казахской поэзии, образная система и стихотворные формы фольклорных произведений, поэтический язык Абая, развитие и обогащение поэтического языка и стихотворных форм в советскую эпоху. Во второй части (состоящей из трех глав) исследуются теоретические проблемы казахского стихосложения, структура и метрика казахского стиха, его ритм и рифма, вопросы развития стихотворных форм в советскую эпоху и др.

Круг затронутых проблем исследуется в тесной связи с развитием казахского литературно-художественного творчества, непосредственно связанного с жизнью и бытом народа. Автор высказывает мысль, что в основе казахских поэтических троп и других образно-поэтических средств лежат конкретные представления, связанные с прежним кочевым скотоводческим жизненным укладом казахов.

Как известно, поэтическим тропам (сравнениям, эпитетам, метафорам и др.) посвящаются специальные разделы почти во всех учебниках по литературе, о них говорится и в специальных статьях о поэзии. Казалось бы, о них уже все сказано. Однако З. Ахметов сумел по-новому подойти к этому вопросу и сделать оригинальные выводы о связи образно-выразительных средств с жизнью и бытом народа, об отражении в поэтических тропах и других художественно-образных средствах националь-

ной специфики языка и поэтического искусства. Говоря о связи поэзии и выразительных поэтических средств с жизнью и бытом казахов, ученый выделяет два характерных типа поэтических образов: связанных с фауной и связанных со степной флорой.

Исследуя язык народной поэзии, автор подробно останавливается на национальном своеобразии и поэтических особенностях казахского фольклора. Он отмечает, что казахский поэтический язык отличается богатством и разнообразием словесно-образных средств, развитостью и гибкостью синтаксического, интонационно-ритмического и звукового строя речи. Для поэтики устного народного творчества казахов характерна тяга к устойчивым и привычным образам, представляющим собою целую систему устоявшихся художественно-поэтических форм и приемов, к использованию большого числа сравнений и метафор, приближающихся по глубине обобщения к символу.

З. Ахметов приводит сделанное им наблюдение о специфической особенности казахского фольклора: «В казахском устном народном творчестве народные певцы весьма художественно и зримо описывают портрет прекрасной молодой девушки, ... всегда стремятся, облагораживая и возвышая женщину, показать также ее внутреннюю красоту, раскрыть душевное состояние своей героини» (стр. 37). Это утверждение особенно заслуживает внимания еще и потому, что, по распространенному мнению специалистов, для фольклора и прежде всего — эпоса не характерны ни портретные зарисовки, ни описание душевного состояния героя.

В истории казахской литературы имя Абая — великого новатора в поэзии и реформатора поэтического языка — стоит особняком. На этом сходятся почти все литературоведы Казахстана. З. Ахметов на основе тщательного анализа поэтического языка Абая, используемых им художественных приемов и средств установил, что великий поэт формировал свой поэтический язык двумя методами: путем введения в свои произведения новых, образных слов, словосочетаний и выражений, с одной стороны, и творческого переосмысления значений прежних, народных образно-образительных средств, — с другой. Так, например, Абай очень часто использует метафорический образ сердца (*жүрек*) и души (*көңіл*). Поэт дал около двух десятков поэтических определений к каждому из этих слов (см. «разгневанное сердце», «строптивное сердце», «горестное сердце», «сиротливое сердце» или же «мятежная душа», «мрачная душа», «израненная душа» и т. д.). Традиционный образ дороги (*жол*), часто фигурирующий в фольклоре и творчестве народных акынов, Абай употребляет в новых словосочетаниях, придавая ему широкое значение и другой оттенок.

З. Ахметов показал, что Абай подчинил всю систему словесно-изобразительных средств казахского языка художественному раскрытию избранной темы и выражению передовых идей своего времени. Рассмотрению особенностей поэтического языка и стихотворных форм казахской советской поэзии посвящена специальная глава книги. З. Ахметов прослеживает процесс развития и обогащения всего комплекса художественно-изобразительных и образно-речевых средств казахской поэзии в советскую эпоху, сопоставляет поэтические средства произведений казахской советской поэзии с устно-поэтическим народным творчеством. Автор устанавливает фольклорные истоки современного поэтического языка, говорит о создании новых поэтических образов, показывает обогащение стихотворных форм. З. Ахметов высказывает верную мысль о том, что в советское время обновление и обогащение казахского поэтического языка происходило за счет использования новых художественно-изобразительных форм и переосмысления традиционных образно-речевых средств, а также путем усвоения богатого опыта русской классической и советской поэзии, мировой прогрессивной литературы.

К достоинствам книги З. Ахметова следует отнести и то, что он справедливо отмечает недостатки в произведениях современной казахской поэзии и говорит о путях их преодоления.

З. Ахметов останавливается и на такой важной проблеме, как стихосложение и строй казахского стиха, рассматриваемой им в историческом аспекте. Описав важнейшие особенности казахского стихосложения и ритмическую структуру казахского стиха, автор говорит также и об особенностях слогового строя и речитативно-напевного исполнения.

Как известно, слог составляет основу любого стиха. Использование возможностей

слога характеризует ту или иную систему стихосложения. Казахское стихосложение относится к силлабической системе, функции слогов в стихе здесь многообразны: слог составляет основу ритма, а также основу оформления строки и строфы. Именно слог лежит и в основе рифмы, он играет немаловажную роль, формируя композиционную и жанровую специфику казахского стиха. З. Ахметов установил, что своеобразие казахской силлабики заключается в ритмической равноценности всех слогов. Исследователь связывает с силлабикой ряд существенных черт казахского стихосложения: установление границ строки и ее строй, способы сочетания стихов, ритмическое членение слогов в строке, рифму, ее строение и т. п.

Ценными являются наблюдения автора над природой и эволюцией строки, строфы и рифмы в казахской советской поэзии. Заслуживают внимания выводы ученого о развитии и обогащении слоговых сочетаний и форм сложения современного казахского стиха, а также о наличии в современной казахской поэзии элементов свободного стиха, что, несомненно, является результатом творческих поисков казахских поэтов, стремящихся к совершенствованию системы стихосложения.

В одной книге невозможно охватить и разрешить все проблемы казахской поэтики и стиховедения. Автор и сам на это не претендует. Поэтому, не останавливаясь на отдельных упущениях и недостатках книги, подчеркнем в заключение главное: издана нужная и полезная работа, представляющая значительный интерес как для исследователей тюркской поэтики и поэзии, так и для непосредственных творцов последней — тюркоязычных советских поэтов и в первую очередь казахских.

С. А. Каскабасов

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Ф. С. Сафиуллина (Казань). Явление парцелляции в современном татарском языке	3
Д. С. Насыров (Москва). Общая характеристика диалектных систем каракалпакского языка и опыт их классификации	10
Д. Ф. Патачакова (Абакан). Формирование признаков диалектного членения хакасского языка	19
Ф. Хакимзянов (Москва). Следы диалектов в языке памятников Волжской Булгарии	25

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

А. Жарилбетов (Москва). Тюркизмы в русских названиях фруктовых деревьев и кустарников	32
М. Одрин (Братислава, ЧССР). Тюркские заимствования в словацком языке	45
О. Назаров (Ашхабад). Графемно-фонетическая передача туркменских слов в русском языке	52
М. Ерзин (Алма-Ата). К историко-этимологическому толкованию слов «тулума» и «торма»	61

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. Сыдыков (Ош, Кирг. ССР). Традиционные формулы в творчестве киргизских народных сказителей	65
--	----

АНТРОПОНИМИКА

Т. И. Тепляшина (Москва). Наследственные наименования причепецких татар	71
---	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. М. Щербак (Ленинград). Еще раз к вопросу о реконструкции тюркского архаичного анлаутных $j \sim \tilde{z} \sim z \sim \tilde{s} \sim \tilde{c} \sim s$	80
К. М. Любимов (Москва). Предикативное прилагательное <i>cağ/bağ</i> в тюркских языках	85

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

С. Байчоров (Москва). Надписи Хумаринского городища	89
Б. П. Садыхов (Баку). Об одном древнем аффиксе родительного падежа в айрумском говоре азербайджанского языка	94
Э. Трылярский (Варшава). Польская тюркология за последние десять лет (1964—1973)	97

РЕЦЕНЗИИ

<i>A. H. Konoнов</i> (Ленинград). Vladimir Drimba. Syntaxe comane	107
<i>D. M. Nasilov</i> (Ленинград). G. Hazai. Das Osmanisch-Türkische im XVII. Jahrhundert	111
<i>Ю. Джуманазаров, X. Бабаниязов</i> (Ургенч). О. Мадраҳимов. Ўзбек тилининг ўғуз лақжаси лексикаси	113
<i>C. A. Kaskabasov</i> (Алма-Ата). З. Ахметов. Өлең сөздің теориясы	115

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>F. S. Sajiullina</i> (Kazan). Phenomenon of parcelling in the modern Tatar language	3
<i>D. S. Nasyrov</i> (Moscow). General character of dialect systems of the Karakalpak language and methods of their classification	10
<i>D. F. Patachakova</i> (Abakan). The forming of features of dialect division of the Khakass language	19
<i>F. Khakimzyanov</i> (Moscow). The traces of dialects in the language of Volga-Bulgar inscriptions	25

LANGUAGES IN CONTACT

<i>A. Zharimbetov</i> (Moscow). Turkizms in Russian names of fruit trees and bushes	32
<i>M. Odran</i> (Bratislava, CSSR). Turkic borrowings in the Slovak language	45
<i>O. Nazarov</i> (Ashkhabad). The graphic-phonetic reproduction of Turkmen words in Russian	52
<i>M. Yerzin</i> (Alma-Ata). Towards historic-etymological interpretation of words <i>tuluma</i> and <i>torma</i>	61

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>A. Sydykov</i> (Osh, Kirgh. SSR). Traditional formulas in works of Kirghis people's narrators	65
--	----

ANTROPONYMICS

<i>T. I. Teplyashina</i> (Moscow). Hereditary names of Cheptsy-Tatars	71
---	----

DISCUSSIONS

<i>A. M. Scherbak</i> (Leningrad). Once again towards the problem of reconstruction of the turkic archetype of anlaut sounds $j \sim \check{z} \sim z \sim \check{s} \sim \check{c} \sim s$	80
<i>K. M. Lyubimov</i> (Moscow). Predicative adjective <i>var/bar</i> in Turkic languages	85

REPORTS, SURVEYS

<i>S. Baychorov</i> (Moscow). Inscriptions of the Humarin site of ancient town	89
<i>B. P. Sadykhov</i> (Baku). On an ancient affixe of the genitive case in the Ayrum dialect of Azerbaijani	94
<i>E. Tryjarški</i> (Warsaw). Polish turkology for the last ten years (1964—1973)	97

REVIEWS

<i>A. N. Konoнов</i> (Leningrad). Vladimir Drimba. Syntaxe comane	107
<i>D. M. Nasilov</i> (Leningrad). G. Hazai. Das Osmanisch-Türkische im XVII. Jahrhundert	111
<i>Yu. Jumanazarov, Kh. Babaniyazov</i> (Urgench). О. Мадраҳимов. Ўзбек тилининг ўғуз лақжаси лексикаси	113
<i>S. A. Kaskabasov</i> (Alma-Ata). З. Ахметов. Өлең сөздің теориясы	115

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Рукописи не возвращаются.

Корректоры А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева.

Сдано в набор 23/VII 1974 г. Подписано к печати 2/X 1974 г. ФГ 09680. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,75. Физ. печ. л. 10,5. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,4. Заказ 4704. Тираж 3990. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

« С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ »

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1975 год

ЖУРНАЛ ПУБЛИКУЕТ языковедческие и литературоведческие статьи широкого научного профиля по языкам и литературам тюркоязычных народов.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ статьи по истории тюркских языков, языковым связям, истории отечественной тюркологии.

ЖУРНАЛ ПУБЛИКУЕТ также рецензии на тюркологические издания, обзоры, библиографии, хроникальные материалы и т. д.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся вопросами тюркской филологии.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 6 раз в год.

Стоимость подписки на год — 6 рублей.

Подписка принимается органами «Союзпечати», отделениями связи, почтамтами.

Индекс журнала 70927.

В розницу журнал не поступает.

1 руб.

Индекс
70927